

ЧЕЛОВЕК **СООБЩЕСТВО** **УПРАВЛЕНИЕ**

Научно-информационный журнал

№1 · 2006

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

1-2006

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:
Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Дизайн обложки:
С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
«Агропромполиграфист»
350062, г. Краснодар, ул. Ковалева, 5

Подписанов в печать 29.03.2006
Уч.-изд. л. 12,87. Усл. печ. л. 12,66
Тираж 600 экз. Заказ № .

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т.А.Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **А.А.Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В.А.Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А.А.Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А.А.Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С.Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США); **В.В.Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я.Л.Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **Л.Е.Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **Е.В.Морозова**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ); **Х.Пилкинсон**, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); **А.Л.Стризов**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П.М.Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А.Ю.Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В.К.Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В.Ю.Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е.Р.Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О.А.Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г.С.Курбатова**, отв. секретарь; **Т.Т.Авдеева**, д-р экон. наук., **В.П.Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А.И.Приходько**, д-р техн. наук, проф.; **А.М.Ждановский**, канд. ист. наук, доц.; **А.А.Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З.И.Рябикина**, д-р психол. наук, проф.; **В.М.Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

КАФЕДРА

Ядов В.А. Социальные институты. 4

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Ярошенко С.С. Бедность как социальная проблема 14

Плотичкина Н. В. Политический центризм в истории политических учений 24

Мусаев И. М. Современные подходы к изучению национализма 36

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Слатинов В. Б. Российская административная реформа: основные направления и промежуточные эффекты 50

Кот В. С. Консолидация современных демократий 66

Гнедаш А. А. Барьеры рекрутирования женщин в политико-административные элиты 76

МИР ЧЕЛОВЕКА

Марьяненко Д. А. К проблеме целостности личности: интраиндивидуальные связи ценностных ориентаций и личностных черт 85

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

Кирсанов С.А., Ошурков А.Т. Финансово-экономические особенности петербургской модели местного самоуправления 96

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Гладарев Б. С. Шоппинг как рудимент религиозного сознания 110

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Дёмина Н. В. Диссертационные практики в дореволюционной России: публичность как условие научной экспертизы. 120

Синицын Ю. Н. О педагогическом регулировании в здравоохранении 128

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Чернышова Н. В. Отношения Бразилии со странами ЕС 138

РЕФЕРАТЫ 147

SUMMARY 151

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

В.А. Ядов*

В социологии социальные нормы рассматриваются как составляющие культуры и продукт институтов. Именно общность культуры обеспечивает взаимопонимание, а значит, и адекватное взаимодействие членов данного сообщества. В классических и современных теориях в корпус культуры наряду с идеалами, мифами и ценностями непременно включаются нормы и правила социальных взаимоотношений.

На наш взгляд, при общности объекта внимания, в данном случае регуляторов социальных взаимосвязей, аналитический предмет институционального рассмотрения и центрированного на культуре различен. При обращении к категории культуры акцентируются ее особенности, *смысловые*, символические составляющие социальных норм, правил и поведенческих практик. В институциональном анализе мы концентрируем внимание на *механизмах*, обеспечивающих социальные взаимодействия, т. е. не столько на существовании самих норм, сколько на том, как они возникают и поддерживаются.

1. Социальные институты в классической парадигме

Начиная с О. Конта, а в развернутой формулировке – с Э. Дюркгейма, категория социальных институтов является ключевой в объяснении общественного устройства. Именно социальные институты, эти «фабрики по воспроизводству социальных взаимосвязей» (Э. Дюркгейм), обеспечивают общественную стабильность, ибо они закрепляют правила социальных взаимодействий, диктуют нормы взаимоотношений в обществе и легитимируют неравенство социальных

* Ядов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований. Электронная почта: yadov@isras.ru. Публикуемая статья – фрагмент из курса лекций «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций», подготовленного для издания Федеральным центром повышения квалификации при факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

статусов. Дюркгейм полагал *социальным* фактом не само действие (например религиозность), но отношение к нему как должному или осуждаемому.

Наиболее четко классическую концепцию социальных институтов выразил Толкотт Парсонс в структурно-функциональной теории. Институты осуществляют координацию социальных действий в общественной системе и тем самым обеспечивают ее устойчивое функционирование. Социальный институт есть «организованная система культурных представлений норм, общих для большинства индивидов»¹. Убеденный сторонник аналитических конструкций – неперменного элемента социальной теории, Парсонс предложил четырехфункциональную парадигму AGIL, которая применима для анализа социальной системы как целого, ее подсистем и социальных действий. *Adaptation* обеспечивает взаимодействие с внешней средой. Применительно к институтам это выражается в интернализации принятых в обществе правил и лояльности к существующим порядкам. *Goal attainment* (целедостижение) в рамках института – рациональное упорядочение его задач. Например, судебная система согласно Конституции РФ в первую очередь предназначена для защиты прав граждан. *Integration* – поддержка бесконфликтных взаимоотношений между индивидами, группами, сообществами. *Latent pattern maintenance* – ролевые образцы, позволяющие поддерживать нормативный контроль.

Как и Дюркгейм, Парсонс считал, что стабильность социальной системы есть благо, а существенные изменения – аномия, т. е. состояние неопределенности, каким нормам и правилам надлежит следовать, ибо одни из них вступают в конфликт с другими. При этом Парсонс настаивал на том, что именно ценности и нормы суть социальных институтов, но не практически наблюдаемые образцы поведения, каковые служат лишь «латентной подосновой» норм.

Роберт Мертон усомнился в адекватности концепции Дюркгейма – Парсонса [10, с. 379–447]. Если по Парсонсу институты призваны стабилизировать социально-культурную систему, то у Мертона они выполняют эту функцию двояким способом: явно или скрытно (латентная функция социальных институтов), более того, сами институты способны превратиться в дестабилизирующий фактор, становятся дисфункциональными.

Российский пример: КПСС, провозглашенная в советской конституции «ведущей и направляющей силой» общества, в своей латентной функции выступала в качестве жестко авторитарной системы, не допускающей несанкционированных инициативных и конструктивных изменений в какой-либо области, будь то экономика, политика или культура. Только после одобрения инициативы партийными органами она принималась как легитимная и настойчиво внедрялась в практику. Советские социальные институты стали дисфункцио-

¹ «Ценностный образец может стать структурной частью социальной системы только в том случае, если он институализирован, иначе говоря, только в случае установления его стабильного взаимодействия с областью взаимодействия» [13, с. 721–722].

нальными, но их латентная дестабилизирующая функция в данной общественной системе принесла пользу в том смысле, что сделала явной необходимость реконструкции системы – горбачевской перестройки.

2. Неоинституционализм – радикальная смена парадигмы

В середине 1960-х гг. экономисты Р. Кроуз и Д. Норт предложили принципиально иное понимание механизмов формирования и изменения социальных институтов [9; 12]. В противоположность незыблемой в то время теории структурных функционалистов они дерзнули доказать, что социальные институты постоянно подвержены изменениям. Методологически Норт и Кроуз мыслили иначе, чем Парсонс². Они не исходили из аналитических конструктов в рассмотрении социальных реалий, но, напротив, анализируя реальные экономические процессы, выдвигали теоретические обобщения и предлагали соответствующие метки-понятия.

Принципиальные теоретические обобщения неоинституционалистов следующие:

1. Не только узаконенные нормы социальных (экономических в данном случае) взаимоотношений, но и широко практикуемые неформальные правила являются институтами, т. е. координируют взаимодействия. Неформальные правила суть ограничения обычаем, массовыми образцами поведения и теми смысловыми кодами, которые несут в себе данные поведенческие образцы [12]. К примеру, взятка чиновнику в России или Китае³ традиция.

2. Нетрадиционные правила устанавливаются социальными субъектами (актерами на рынке) на основе рационального выбора и если легитимируются массовым распространением и не противоречат «системе правил» [18], закрепляются законом.

3. Отсюда важное следствие: иницилирующие новые нормы, правила и практики социальные агенты выдвигают на первый план. Понятно, что чем выше экономический, политический, социальный и символический ресурсы данных агентов, тем более вероятна возможность навязывания новых норм относительно слабонересурсным.

4. В отличие от парадигмы жесткой целостности социокультурной системы (Парсонс), новый подход утверждает иной принцип. Деятельность социальных субъектов регулируется формальными и неформальными правилами *в разных полях взаимодействия*: экономическом, правовом, социально-культурном,

² Методологические принципы структурного функционализма Парсонса детально рассматривают Г. Батыгин и Д. Подвойский, как, впрочем, и методологию других классиков [3, с. 276–322].

³ Незаконные практики в современной России широко распространены решительно на всех «полях» социальных взаимодействий. Это убедительно показано эмпирическими исследованиями (см.: [15]).

поле социальных повседневных взаимодействий, политики. Всюду могут существовать свои правила игры, регламентируемые суверенными социальными институтами и принятыми практиками. Иными словами, отвергается принцип устойчивой функциональной взаимосвязи подсистем общества.

Таким образом, *нормой бытия социальных институтов является как раз не их жесткая стабильность, но именно изменения*, реагирующие на динамизм социально-экономических и иных процессов.

Неоинституционализм как особое направление разрабатывался исследователями в области экономической теории, поэтому в центре внимания здесь рациональность экономического поведения соответственно принципу «минимизация затрат, максимизация приобретений». Общетеоретическое основание нового понимания социальных институтов следует искать в деятельностной парадигме. Маргарэт Арчер, заимствовав у Бакли сам термин, выдвинула теорию морфогенеза (противопоставив его морфостазису) [1], П. Бурдье ввел понятие «полей» социального взаимодействия, где институтам принадлежит определенная роль, но решающим представляется формирование правил игры участвующими в социальных взаимодействиях агентов, которые к тому же обладают далеко не равными социальными ресурсами (социальным капиталом у Бурдье).

Согласно теории структуризации Гидденса, социальные институты, как и другие структурные элементы общества (например организации), (а) бессубъектны, (б) обладают определенными ресурсами (например, система образования в качестве социального института требует немало материальных и людских средств) и (в) диктуют конкретные нормы, правила использования и накопления институциональных ресурсов. Гидденс указывает на взаимосвязи между бессубъектными институтами и собственно социальными субъектами (индивидами, их сообществами). Социальные субъекты – это, в терминологии Гидденса, «агенты». Но агенты – социальные субъекты первоначально социализируются в рамках тех социальных институтов, которые уже существуют, и лишь позже, приобретя должный личностный и статусный ресурс, своими практическими действиями влияют на изменения социальных институтов и иных структур, вплоть до радикальных их преобразований. Поскольку же социальные институты обладают некими необходимыми для общества собственными институциональными ресурсами (М. Арчер), социальные субъекты создают и правила пополнения и использования ресурсов социальных институтов.

Концепция неоинституционализма выдвигает на передний план не сами институты, не структуры, а действия субъектов, поддерживающие или изменяющие институты. Это переносит фокус внимания исследователя с институтов как структур на процессы их формирования.

Отсюда проблематика, связанная с изучением социальных субъектов. Одни из них обладают значительными экономическими, культурными, социальными

ми (в смысле наличия обширных или ограниченных «сетей взаимодействия» с другими деятелями) и иными статусными ресурсами (назовем их «ресурсо-емкими»), а другие – слаборесурсные, которые, не имея таких капиталов, вынуждены подчиняться устанавливаемым правилам. Иными словами, сильноресурсные социальные субъекты начинают формулировать и закреплять правила социальных взаимодействий, отвечающие их интересам, что позволяет им же расширять поле своего экономического и политического влияния, наращивать свой капитал (экономический, политический, капитал интеракций, контроль за средствами массовой информации и т. п.). Подобно финансовому капиталу на рынке, эти субъекты вкладывают свой социальный капитал в рост путем завоевания доминирующих позиций в обществе. В демократических обществах в роли активных преобразователей социальных институтов выступают многообразные коллективные субъекты – общественные движения, партии и гражданские объединения; они противостоят тем, кто стремится занять командные позиции в становлении новых институциональных правил. Так или иначе проблема социальных институтов переходит теперь в область соотношения различных социальных сил, каждая из которых стремится навязать обществу свои правила игры, либо добивается разумного компромисса.

Например, в российской системе образования нынче введена плата за обучение – пополнение финансов данного социального института. Одни студенты (из сильноресурсных семей) способны следовать данной норме, другие – нет. Им предстоит жесткая конкуренция при поступлении в вуз⁴.

Том Бернс и Хелен Флэм [18] из университета Уппсалы на основе тщательного эмпирического изучения деятельности различных предприятий и фирм предложили «теорию систем правил». Авторы выделяют собственно *систему правил*, во многом зависящих от данной культуры с ее глубокими традициями, далее – *режим правил*, как они поддерживаются позитивными и негативными санкциями, закреплены в инструкциях, и, наконец, *грамматику правил* как усвоенные акторами способы действий в самых разных ситуациях. Их книга заполнена десятками схем, указывающих на ситуации взаимодействия в сфере трудовых отношений и способы применения тех или иных правил в зависимости от ситуации, состава участвующих акторов, наличия или отсутствия более общего регулирующего принципа и т. д. Авторы называют свою теорию «структурно-деятельностной».

Итак, неинституционалистский *деятельностный* подход представляется более адекватным современным социально-историческим условиям динамических и часто неожиданных изменений в социальных системах – в обществах, государствах, миросистеме в целом.

⁴ Правда, лучшим студентам вне зависимости от того, платят ли они за свое обучение, за счет государства доступна повышенная стипендия, оплачивается стажировка за рубежом и т. д.

3. Российские институты в анализе соотечественников

Постсоветская институциональная реальность в России, если рассматривать ее с позиции классиков, – драматическая аномия. С позиций неонституционалистов – это норма переходного периода, по существу радикальной смены основополагающих общественных институтов.

Здесь нельзя не задуматься о концепции институциональных матриц. Идея институциональных матриц была высказана Карлом Поланьи, который предлагал рассматривать экономику как институт, встроенный в контекст всей совокупности культурных традиций и общественных отношений. Эта мысль была развита Дугласом Нортом. Последний писал: «Традиция в этнических сообществах определяет не только непрерывность, преемственность социальных институтов, но и границы инноваций, являясь главным критерием их законности и допустимых в данном обществе вариантов социальной активности» [12, с. 51]⁵. Опираясь на эту идею, работы О.Э. Бессоновой, А. Ахиезера и других авторов, новосибирский социолог С. Кирдина предприняла попытку построить теорию институциональных матриц «Х» – восточного типа и «Y» – западного. «Матрицы, – пишет С. Кирдина, – это устойчивая сложившаяся система *базовых институтов*⁶, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [8, с. 59]. Различия между матрицами иллюстрирует таблица [8, с. 64–65].

Устройство унитарного типа заведомо обречено на иерархизацию властных отношений: сверху поступают некие указания-распоряжения, снизу – жалобы и обращения к высшему начальству. Раздаточная экономика [4] и сегодня имеет место в России, где регионы-доноры направляют средства не прямо в бюджет регионов-реципиентов (как, например, во Франции), а путем перераспределения центром.

⁵ Далее Д. Норт пишет: «Объяснение того, как и почему происходят инкрементные продолжающиеся изменения и почему даже дискретные изменения (такие как революции и завоевания) никогда не являются абсолютно дискретными, состоит в укорененности неформальных ограничений в обществе. Хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических изменений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают ключ к пониманию пути исторического развития» [12, с. 57].

⁶ Т.И. Заславская пишет: «Социетальные типы обществ определяются небольшой группой “базовых институтов”, по образу и подобию которых строятся все остальные. Общая эффективность институциональной системы, ее способность отвечать на внешние и внутренние вызовы, обеспечивать в меняющихся условиях устойчивое развитие общества зависят в первую очередь от качества институтов, составляющих ее ядро» [7, с. 87].

Типы институциональных матриц

Х-матрица	У-матрица
<i>Редистрибутивная экономика</i> Опосредованное центром движение ценностей и услуг, прав на их производство и распределение	<i>Рыночная экономика</i> Не опосредованное центром и не требующее его согласия движение товаров и услуг
<i>Унитарное политическое устройство</i>	<i>Федеративное политическое устройство</i>
<i>Коммунитарная идеология</i> Доминирование Мы над Я	<i>Субсидиарная идеология</i> Доминирование Я над Мы

Концепция институциональных матриц вполне совпадает с аналогичной социокультурной концепцией В. Федотовой, согласно которой Россия – это «Другая Европа» [16]. Россия, можно сказать, циклически балансирует между Евразией и Азиопой. Принципиальное отличие России от Европы заключается в традиционном отсутствии гражданских структур – независимых от государства и чиновничества объединений граждан. Западноевропейские и американские матричные структуры устроены иначе – по принципу волчка, или гироскопа. Здесь доминируют гражданские объединения, принцип общественного договора между гражданами и центральной властью, каковая пребывает в состоянии принуждения к открытой публичной политике. Итальянский марксист Антонио Грамши, находясь в тюрьме, писал в связи с Февральской и Октябрьской революциями в России, что на Западе при ослаблении государства устойчивость общества обеспечивают выходящие на поверхность гражданские структуры. В России, если там слабеет государство, рушится все [5, с. 200].

Утверждения С. Кирдиной и В. Федотовой не оставляют нам надежды на сколько-нибудь быструю в масштабе исторического времени трансформацию социальных институтов в либерально-демократическом направлении⁷, свидетельством чего стали административные реформы Президента В. Путина, находящие поддержку большинства граждан. Т. Заславская пишет: «Попадая в российскую среду, формально-правовые нормы либерального типа меняются до неузнаваемости. Дело обстоит так, как если бы они подвергались мутации и в результате становились бы неспособными выполнять свое предназначение — служить общезначимым правилам игры» [7, с. 49].

Вместе с тем нельзя не фиксировать как исторический факт, что и петровские, и столыпинские, и советские, и нынешние реформы имели прозападный

⁷ По данным международного исследования 1999–2000 гг. на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что наша страна должна идти тем же путем, что и западные страны?» утвердительно ответили: 88,1 % жителей Венгрии, 84,1 % – Румынии, 81,3 % – Польши, 74,6 % – Словении, 48,7 % – Болгарии, 44,8 % – Украины, 39,6 % – Белоруссии, а в России – 24,7 %, т.е. *меньше четверти населения* [14, с. 91–94].

вектор, но политика, ради этого используемая, оставалась и остается государственно-принудительной⁸.

Феномен экономической «траншеи». Концепция институциональных матриц ассоциируется с предложенной в конце 1970-х гг. экономической теорией *path dependency* – зависимости экономики стран от ранее пройденного пути. Американский экономист Т. Мэдисон составил таблицу различных показателей состояния экономики европейских стран и стран других континентов, в основном используя архивы колониальных держав Великобритании и Португалии. Таблицы Мэдисона вызвали потрясение. Оказалось, что за 150 лет подавляющее большинство стран не изменили своего положения в ряду экономических лидеров, идущих следом за ними и вплоть до экономически наиболее отстающих. А. Аузан [2] назвал этот феномен «экономической колеей». По подсчетам Л.А. Фридмана⁹, среднедушевой доход на одного россиянина в наиболее благополучном 1913 г. и спустя столетие радикальных преобразований в 2004 г. остался в сравнении с аналогичным показателем в США таким же, а именно около 25 % от американского. Среднедушевой доход в Китае как был, так и остается сегодня вдвое ниже показателя по России (около 12 % от США)¹⁰.

Экономисты нашли, что решающая причина этого удивительного феномена — высокая устойчивость социальных институтов. Д. Норт посчитал, что институциональные правила в области экономики в два раза сильнее коррелируют с порядковым местом страны на мировой шкале сравнительного экономического потенциала 90–100 стран, чем собственно экономические показатели национального дохода, темпов роста, уровня инфляции, собираемости налогов и открытости внешней торговли [12, с. 33].

В таблицах Мэдисона есть лишь два исключения – Великобритания и Япония (вместе с дальневосточными «тиграми»). Великобритания некогда лидировала вместе с Португалией в мировой экономике. Обе были мощными колониальными державами. С утверждением конституционной монархии Британия резко пошла вверх, Португалия, в которой традиционная монархия просуществовала до 1930-х гг., нынче замыкает список западноевропейских стран ЕС по своим экономическим показателям. Японии и «тиграм» пришлось под давлением США после падения фашизма утверждать социальные институты западной «матрицы»¹¹.

⁹ Данные из готовящейся к изданию работы, любезно предоставленные автору.

¹⁰ Не следует смешивать с показателями уровня жизни населения. Среднедушевой доход исчисляется делением объема ВВП на численность населения, так что в него входит и доход от производства вооружений и товаров первой необходимости.

¹¹ Япония, однако, сумела совместить свои традиции с западными нововведениями. Одним из факторов быстрого экономического роста стала успешная адаптация организационно-управленческой структуры современного производства к особенностям национальных трудовых и управленческих навыков, восходящих к этике традиционных внутриобщинных отношений [11].

В сущности, если полагать, что «исторический случай» способен сыграть судьбоносную роль в развитии страны, то единственным механизмом, институционализирующим случай, является демократическое правление. Предложенные обществу отвечающие интересам большинства и согласующиеся с ресурсами страны новые идеи имеют вероятность быть реализованными в силу того, что сторонники этих идей могут занять ключевые посты в государственной власти. В глубоко аналитической книге Е. Ясин [17] страстно полемизирует со С. Кирдиной и, не отрицая идею институциональных матриц, оптимистически видит будущее демократии в России. Он называет это проектом «модем» — модернизацией демократии снизу, а не сверху, как всегда было в российской истории. Становление такой демократии представляется автору возможным в предстоящие 30–40 лет благодаря выходу на авансцену общественной жизни новых поколений элит и граждански активных людей, которые будут вынуждены осознать необходимость не усеченной демократической системы, а доминирования гражданских структур, интересы которых институционально были бы закреплены общественным договором с государством.

Библиографический список

1. *Арчер М.* Реализм и морфогенез / Пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
2. *Аузан А.А.* Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. №3.
3. *Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г.* История социологии. М.: Новый учебник, 2004.
4. *Бессонова О.Э.* Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997.
5. *Грамини А.* Соч. М.: КТО, 1957. Т. 3.
6. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 15.
7. *Заславская Т.И.* Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003.
8. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭИ ОПП СО РАН, 2001.
9. *Кроуз Р.* Фирма, рынок, закон. М.: Дело, 1993.
10. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996.
11. *Моритани А.* Современная технология и экономическое развитие Японии. М.: Наука, 1986.
12. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
13. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
14. Укрепление демократии в Центральной и Восточной Европе (1999–2000 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1.

15. Шабанова
16. Федотова В.Г. Трансформация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997.
17. Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2005.
18. Burns T., Flam H. The Shaping of Social Organization. Beverly Hills: Sage, 1987.

БЕДНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

.....

С.С. Ярошенко*

Переход России к рыночным отношениям обернулся ростом числа бедных и реабилитацией бедности как объекта анализа и управления. Как и два столетия назад — во времена индустриальной революции и формирования ранней версии капитализма, в постсоциалистических странах бедность наконец признана социальной проблемой.

Осознание проблемы бедности отнюдь не означает, что данный феномен не существовал прежде или что только изменились формы его проявления. На наш взгляд, последствия гораздо глубже и касаются изменения природы социального явления. Бедность из «естественного состояния» становится конструктом — результатом изменившихся условий существования, в том числе научного знания, социальной политики и реакций населения. Разница очевидна при сравнении восприятия бедности и бедных в разные исторические эпохи.

В докапиталистическом обществе бедность считалась приемлемой или даже идеальной формой существования, что нашло отражение в канонизации образов бедствующих людей и образовании «нищенствующих» монашеских орденов. Нужда признавалась духовно облагораживающим условием жизни [16, р. 474]¹. Моральное принятие бедности проявилось в ценностной системе, которая отводила экономическому развитию незначительную роль, поощряла аскетизм и основывалась на идеале духовного, а не материального обогащения. За бедность и ее крайнюю форму проявления — нищенство, требующее обязательного общественного вспомоществования, индивидуальная ответствен-

* Ярошенко Светлана Сергеевна, кандидат социологических наук, заведующая сектором экономической социологии ИСЭиЭПС Коми научного центра Уральского отделения РАН, научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) (г. Москва). Электронная почта: s_yaroshenko@online.ru.

¹ На подобное отношение повлияли религиозные постулаты и христианская традиция, согласно которым помощь нищим была богоугодным делом, а бедность — принципом жизни, сознательно выбираемым и отстаиваемым: «Продайте все, что имеете, и следуйте за мной»; «Богатым дарует Бог серебро нищим ради»; «Блаженны нищие по велению своего духа».

ность не возлагалась. Поскольку бедные и их нужды находились в сфере религии и церкви, домашней экономики и отношений с господином, гражданская власть их проблемами не занималась.

По мнению К. Поланьи, такое отношение было отличительной особенностью нерыночных систем обмена и распределения, в которых индивид действует не ради личного обогащения, а ради сохранения и упрочения своего статуса, привилегий и прав в (со)обществе. Материальные предметы для него имеют ценность лишь постольку, поскольку они служат достижению этой цели. Приоритетной задачей является борьба за выживание, которая решается коллективно, а экономические интересы отдельного человека редко выходят на первый план [6, с. 58].

Бедные вообще не выделялись в (со)обществе как особая социальная группа. Они отличались от богатых не по количественному, а по качественному признаку, например, как крестьянин (бедный) от горожанина (богатый). Важнее были не экономические, количественные измерения материального состояния, а социально-статусные характеристики. Статус напрямую связывался с доступным стилем жизни и только опосредованно — с материальной состоятельностью человека. Нечто подобное характерно и для современного общества, когда с накоплением капитала (в первую очередь в городах) предметы быта оцениваются с точки зрения их престижности, а социальные группы отличаются друг от друга по демонстрируемой способности вести престижный стиль жизни. С той лишь существенной разницей, что материальный достаток и удовлетворение базовых потребностей доступны или считаются неотъемлемым гражданским правом преобладающего большинства населения. В этой связи современное стилевое разнообразие — проявление индивидуальности в ситуации «усредненного» массового потребления.

В условиях нерыночного общества, когда основным был мотив пропитания, а не прибыли, когда рыночные отношения, а вместе с ними и возможности бесконечного роста потребностей только зарождались, такие характеристики, скорее, отражали различия между городским и сельским образом жизни, между второстепенным и основным хозяйственным укладом. Материальное благополучие (богатство) было недостижимым для большинства населения и связывалось лишь с маргинальными на тот момент видами деятельности — торговлей и цеховым производством в городах. Не случайно определение «бедные» сочеталось с понятием «трудящиеся» (*labouring poor*) или «простолюдины» (*the poor commons*) [14, р. 399]. Бедными были все, кто не располагал доходами, чтобы жить, не трудясь, а это практически вся нация, за исключением разве что землевладельцев. Как отмечает А. Молла, бедняк отождествлялся с человеком, который в поле своими руками зарабатывает на хлеб насущный, не будучи уверенным в завтрашнем дне [5, с. 17]. Добавим, что в такой идентификации еще слабо прослеживалась другая отличительная черта неимущих: отсутствие

связи с сеньором и постепенное превращение в класс свободных работников. Таким образом, отнесение к бедным означало в широком смысле указание на непривилегированный статус большинства, а в узком смысле — на неустойчивость экономического и социального положения. Полагалось, что эта неустойчивость может быть обусловлена самыми разными обстоятельствами, что не предусматривало поисков каких-либо универсальных причин.

Ситуация кардинально изменилась с превращением капиталистических отношений в доминанту общественной жизни, начавшемся в европейских странах с середины XVIII в. В европейских языках появляется понятие «undeserving poor» для обозначения «трудоспособного нищего» с негативной коннотацией: не желающий работать и живущий на подаяния. Бедняк и нищий приравняются к бездельникам и бродягам. Протестантизм стал провозвестником новой идеологии, где бедняк — грешник, а бедность — результат комбинации божественного предопределения и человеческой активности. Бедность начинают связывать с несоответствием индивида принятым нормам и требованиям, одобрявшим накопление и жажду наживы. Дух капитализма — стремление к законной прибыли в рамках своей профессии — постепенно вытеснял свои традиционализму привычное потребление и слабую заинтересованность в зарабатывании денег [2, с. 81–85].

Не претендуя на тщательный исторический анализ, приведем лишь некоторые интерпретации событий того времени, которые могут быть полезны для понимания столь резкой смены отношения к бедным и для осмысления современной российской ситуации перехода к рынку. В них отражены ключевые характеристики радикального изменения условий существования, спровоцировавшие, на наш взгляд, проблематизацию бедности.

Суть первого изменения достаточно точно выразил К. Поланьи, связавший особенность цивилизации XIX в. с ее подчинением идеологии саморегулирующегося рынка, с признанием экономического мотива оправданием и смыслом всех действий и поступков повседневной жизни [6, с. 41–42]. Данная установка была стержнем классического проекта современности, согласно которому капиталистическая трансформация требовала рационализации и индивидуализации экономических и социальных отношений, замены патриархальности и государственного вмешательства свободой частных производителей. Основаниями общественного благополучия признавались промышленное производство и свободные рыночные отношения, а условиями индивидуального выживания — оплачиваемая занятость и трудовой контракт. Это подразумевало доминирование экономических интересов, «естественное» стремление к прибыли и накоплению капитала, а также индивидуальную ответственность работников за обеспечение семейного благосостояния. Отсюда логично вытекало устойчивое и распространенное мнение о личных недостатках как

причине бедности, получившее научное оформление в социал-дарвинизме (Г. Спенсер [8], У. Самнер [17], Ф.Г. Гиддингс [3]).

Другое сущностное изменение коснулось системных принципов организации рынка. Распространение товарных отношений не только на землю, средства производства и результаты труда, но и на рабочую силу привело к тому, что труд как товар согласно закону спроса и предложения мог быть оценен высоко или, будучи невостребованным, не оплачен вовсе. В свою очередь, принцип максимизации прибыли для капиталиста означал постоянное стремление к снижению заработной платы и без противодействия со стороны рабочих или государства вел к концентрации богатства на одном полюсе, нищеты — на другом. Эта закономерность была раскрыта в марксизме и использована для обоснования роста социальной напряженности и неизбежного конца капитализма.

Наконец, третье изменение касалось минимизации государственного вмешательства в защиту моральных принципов в рыночном обмене между трудом и капиталом. В эпоху раннего капитализма на государственную поддержку могли рассчитывать только нетрудоспособные граждане (одинокие инвалиды, вдовы, дети-сироты)². Однако и тогда государство постоянно вмешивалось и было важным фактором создания условий «свободного» обмена. Это вмешательство основывалось на трудовой этике и патриархатности и было не менее действенным, чем государственное регулирование. Трудовая этика подразумевала необходимость труда для обеспечения средств существования, продажа рабочей силы дееспособными гражданами становилась основным условием безбедного существования, а предоставление помощи было возможно только недееспособным. В свою очередь патриархатность подразумевала мужскую ответственность за содержание семьи, а потому отнесение одиноких женщин к числу недееспособных соответствовало стереотипам существующей гендерной культуры. Оплачиваемая занятость, мужская ответственность за обеспечение семьи и государственная поддержка нетрудоспособных были основными элементами повседневного уклада жизни, пришедшего на смену традиционному (дотоварному), связанному с землей, ремеслами и заботой сеньора. В условиях глубинного противоречия между стремлением к накоплению и необходимостью тотального овеществления для его реализации не только государственная политика, на чем настаивал К. Поланьи, но и реакции людей, на наш взгляд, оказывали существенное влияние на уровень бедности. Ее масштабы и глубина зависели как от соответствия темпов адаптации населения темпам экономи-

² Например, в Англии Закон о бедных 1834 г. отменил право неимущих на пособие и предписывал помещение трудоспособных в работный дом, «намеренно превращенный в обитель ужаса и омерзения» [6, с. 117]. Тем самым на пути утверждения рынка и интенсификации труда была снята преграда, сформированная так называемой системой Спинхемленда, обязывавшей компенсировать из средств местного прихода низкую заработную плату наемным работникам вне зависимости от их трудового вклада и выгоды, получаемой работодателем.

ческих перемен, так и от характера этой адаптации. Но значимость действия этого условия признается значительно позже и отчетливо проявляется в нынешних условиях трансформации.

Обоснованность данного утверждения можно проследить в распространенном тогда отношении к бедным, которые уже выделялись в особую социальную группу по критериям доходов или условий жизни. Но что еще более важно, внутри них проводилось различие между недееспособными и пауперами: между вынужденными безработными и работающими бедными. В этом проявилось не только желание отличить достойных помощи от недостойных, но и максимальная степень принятия тем сообществом рыночных, сугубо экономических правил игры. Бедным признавался тот, кто не мог трудиться, а потому выпадал из системы конкурентного рынка труда. В первую очередь это были нетрудоспособные, во вторую — пауперы, которые отличались от вынужденных безработных привыканием к лишениям, потерей чувства стыда за свое положение и полаганием на внешнюю помощь. Они представлялись наглядным примером негативного влияния безусловной социальной помощи (патернализма). Их отличала низкая интенсивность труда из-за отсутствия экономических стимулов, а неадекватная оценка стоимости их труда делала привлекательной жизнь на пособие или милостыню. Иждивенчество вело к накоплению лишений и последовательной деградации. Положение остальных всецело зависело от возможности найти работу. Работающим бедным, равно как и вынужденным безработным, при таком подходе было отказано в праве на государственную поддержку, а пауперы составляли предмет беспокойства и помощи по остаточному принципу. Такое отношение противоречило другому уже признанному тогда факту, что «если рабочий не в силах был зарабатывать на жизнь собственным трудом, то он являлся не рабочим, а паупером» [6, с. 114]. Еще смутно представлялось, что формы сопротивления работающих бедных низкой заработной плате или угрозе безработицы могут быть разрушительным и для общественного, и для государственного устройства.

В результате классическая социология XIX — начала XX в. сформулировала «естественное» представление о бедности как данности, заложенной в природе человека или общества. Практически все социальные ученые того времени (от К. Маркса [4] и Ф. Энгельса [9] до Ч. Бута [10]) признавали бедность закономерным явлением капиталистического общества. В то же время они считали возможным и даже нужным ее изоляцию и уничтожение, правда, предлагали разные способы: от постепенной эволюции до революционного переворота. Смысл всех мероприятий сводился к искоренению нищеты. Социальное пространство бедности было ограничено минимальными критериями выявления обездоленных: лишь те, которые существовали на грани выживания и не могли сохранить дееспособность в качестве рабочей силы, попадали в разряд неимущих. Данная позиция особенно характерна для детерминистского подхода.

Новое качественное изменение в восприятии бедных началось с середины XX в., когда обнаружилось, что свободного рынка, технологических инноваций и экономического роста недостаточно для искоренения бедности, что полное устранение государства от управления рынком и тотальным процессом овеществления рабочей силы деструктивно для социального порядка. Стало очевидно, что масштабы бедности зависят от способности гражданского общества защищаться от рынка и от способности государства участвовать в формировании механизмов распределения благ не только на основании имеющихся у индивидов рыночных возможностей, но и вне товарных отношений.

С одной стороны, действуют рыночные механизмы, опирающиеся на производство и связанные с положением работников на рынке труда, а с другой — социальные механизмы, стратифицированные (движимые) принятыми в обществе представлениями о социальной справедливости, по-прежнему связанными с трудовой этикой и патриархатным гендерным порядком. Эти механизмы закрепляются в правилах решения материальных проблем на уровне домохозяйства и общества. Таким образом, институциональные фильтры — определенные институты развитого капиталистического общества — управляют социальными изменениями и структурированием неравенства в ходе рыночного обмена. Социального государства (всеобщего благоденствия), систем коллективных договоров, всеобщего образования и тому подобных институтов не было на заре индустриализации [12], но именно они оказывают мощное влияние на структуры неравенства современных капиталистических обществ.

Эти изменения привели к тому, что бедность социологами и политиками стала пониматься как системное, многомерное явление, зависящее от множества постоянно меняющихся факторов [13]. Понятие абсолютной (материальной) бедности уступило место новому понятию относительной (символической) бедности. Критериями ее определения признавались возможность и способность следовать преобладающим стандартам потребления и образу жизни большинства населения, а также удовлетворенность своим социальным положением. Методы диагностики и измерения бедности тоже все чаще основываются на принципе относительности, который реализуется в сравнении стандартов жизни различных социальных слоев с наиболее распространенными стандартами, рассматриваемыми учеными в качестве социального минимума. При сопоставлении среднедушевого дохода, стандартов жизни и потребления устанавливаются число неимущих и масштабы проблемы. Бедность помещается в континуум богатства и бедности: чтобы описать бедных или богатых, надо знать весь спектр жизненных стандартов.

Другое важное заключение касается признания гражданских прав на социальный минимум [15]. Вместе с этим утверждением окончательно прерывается прежняя традиция «естественного» представления бедности как следствия нехватки ресурсов (у общества или индивида). Бедность — это отсутствие

гражданских полномочий, неспособность контролировать жизненную ситуацию, но только по сравнению с привилегированными социальными группами. Дискурсивное конструирование и воспроизводство непривилегированных позиций сопутствует процессу взаимодействия рынка и общества, индивидуальных стратегий выживания и политик управления бедностью. Так, по образному выражению М. Дина, бедность — это событие, связывающее прошлое и будущее, своеобразный знак перемен, продукт формирования и трансформации определенных дискурсов и управленческих практик в ходе формирования капиталистической экономики, рынка труда и капитала [11, р. 10].

В конструктивистской логике выделяются два важных инструмента по производству бедности: особая социальная политика и особые «формы жизни», т.е. способы организации повседневной жизни домохозяйств. Тем самым подчеркивается активное влияние дискурсивных, практических и политических действий на условия жизни, особые материальные основания для формирования бедности.

Сходство между Россией 1990-х гг. с западноевропейским XIX в. заключается в том, что одновременно со становлением капиталистических (индустриально-рыночных) отношений происходит «открытие» бедности как неприемлемого общественного феномена и источника социальной напряженности.

Бедность и бедные в СССР и в традиционных обществах (в докапиталистическую эпоху) воспринимались сходным образом. В обоих случаях можно говорить о существовании так называемой статистической бедности, отражающей лишь количественные различия между слоями по доходу или другим значимым стандартам жизни, но не предполагающей осознание группового единства или членства по этому признаку. К числу общих проявлений можно отнести и моральное одобрение аскетических форм существования. Официально бедность в Советском Союзе порицалась, но представлялась наследием буржуазного мира. На быденном уровне бедность не считалась пороком, и было широко распространено мнение, что «не в деньгах счастье».

При внешней схожести ситуации существуют радикальные отличия, связанные с высокой ролью социалистического государства в контроле за относительно равным распределением благ в обществе. Государственная система жизнеобеспечения была нацелена на удовлетворение элементарных человеческих потребностей. «Завышенные» потребности считались роскошью, однако и бедных как будто бы не было: нищенские стандарты жизни и модели поведения в дискурсивной практике не признавались массовым явлением. Не случайно на заре перестройки в опросах общественного мнения большинство россиян относилось к средним слоям населения. Однако достигалось это «зависимостью от государства, доводящего каждого до уровня беднейшего» [1, с. 30].

На фоне сильной социальной политики советского времени кажется очевидным другое сходство между концом XX и первой половиной XIX в.: вера в саморегулирующийся рынок и в экономическое развитие как лекарство от бедности. Во всех постсоциалистических странах, в том числе в России, создаются новые институты, связанные с введением частной собственности и развитием предпринимательства. Ломается прежняя система распределения социальных гарантий и благ, и на ее месте формируется слабая система социальной защиты, ориентированная на поддержку наиболее нуждающихся. Меняется структура занятости: появляется рынок труда и безработица, происходит реструктуризация промышленности, как и в развитых капиталистических странах, растет частный сектор и сфера услуг. При этом нисходящая социальная мобильность широких слоев населения ведет к распространению бедности на работающее население; возникает социальная поляризация — концентрация богатства и бедности на разных полюсах общественного устройства.

При всем сходстве ситуации в постсоциалистических странах с «зарей капитализма» налицо принципиально важное отличие: отсутствие солидарного социального действия и перенесение ответственности за материальное благополучие на домохозяйство [1, с. 27] и разрушение (а не консолидация и формирование) формальных каналов (профсоюзов, коллективных договоров) решения трудовых споров и борьбы за повышение заработной платы. Формируются социальные механизмы индивидуального решения проблем, однако при этом только адресной помощью семей, оказавшихся в крайне трудной ситуации [7, с. 35], проблемы работающих бедных решить нельзя.

Таким образом, происхождение бедности тесно связано со становлением рыночного общества. Формирование капитализма (рынка) стигматизирует бедность как неизбежное и в то же время социально неприемлемое явление. Неизбежность бедности задается сугубо экономической логикой, согласно которой только постоянный рост потребностей и отсутствие гарантий прожиточного минимума способны поддерживать безусловный (свободный) рынок. Бедность провозглашается необходимым условием богатства. Радикальный экономизм всегда ведет к социальной деградации и мобилизации общества против рынка, к активному участию различных социальных агентов, в том числе государства, в процессе перераспределения материальных благ. При этом общественное осуждение бедности является важным, но не достаточным инструментом изменения условий существования.

Природа бедности зависит от сочетания рыночных и распределительных механизмов неравенства. Рыночные механизмы предполагают индивидуальную активность в достижении благополучия, но результат (скорость и высота восходящей мобильности) сильно зависит от классовой позиции, т. е. от положения в системе общественного производства и тех возможностей, которые оно предоставляет. Распределительные механизмы, напротив, полагаются на

принципы социальной справедливости, они обеспечивают безбедное существование вне рынка труда и вне зависимости от классовой принадлежности.

Нерегулируемый социально-экономический процесс ведет к усилению рыночных механизмов и критическому уровню социального неравенства, грозящему социальной дезорганизацией. В качестве противовеса деструктивным силам может мобилизоваться либо коллективная (классовая или гражданская), либо государственная защита. Когда сформированные социальным противодействием рынку механизмы распределения превращаются в могучие инструменты перераспределения неравенства, когда классовые позиции перестают обуславливать материальный достаток, под угрозой оказывается эффективность рынка. Поэтому и в политическом дискурсе, и в общественнонаучном мы наблюдаем последовательное (маятниковое) доминирование жесткой и мягкой социальной политики, а также индивидуальных или социальных объяснений бедности.

Практическое действие социальных агентов и государства является важной составляющей в конструировании механизмов социального противостояния крайней поляризации. Бедность постоянно воссоздается и не только стратегическим знанием, включенным в управление бедностью, но и особыми стратегиями жизни в бедности. Поведение людей, испытывающих материальные лишения, может быть конструктивным, способствовать восходящей мобильности, а может стать деструктивным фактором и усиливать нужду. Особенно высока роль индивидуальной активности в периоды установления новых правил в условиях нормативного вакуума, когда люди активно участвуют в формировании своих позиций. По прошествии десяти лет реформ эйфория бескрайних возможностей сменилась разочарованием. Однако вопрос о том, насколько активность людей изменила их социальные позиции и материальное благополучие, остается открытым.

Библиографический список

1. *Буравой М.* Великая инволюция: реакция России на рынок // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития / Под ред. В.Н. Лаженцева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2003. С. 13-54.
2. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. *Гиддингс Ф.Г.* Основания социологии. Киев; Харьков: Ф.А. Йогансон, 1898.
4. *Маркс К.* Капитал. Кн.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
5. *Молла М.* Бедные и средневековое общество // XIII Международный конгресс исторических наук. М.: Наука, 1970.
6. *Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
7. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: Аспект Пресс, 2000.

8. *Спенсер Г.* Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб.: В. Врублевский, 1906.
9. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
10. *Booth Ch.* Life and Labour of the People in London. L.; N.Y.: Macmillan, 1902.
11. *Dean M.* The Constitution of Poverty: Toward a Genealogy of Liberal Governance. L.: Routledge, 1991.
12. *Esping-Andersen G.* Post-Industrial Class Structures: An Analytical Framework // Changing Classes: Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies / Ed. by G. Esping-Andersen. L.: Sage, 1993.
13. *Ferman L., Kornbenn J., Harber A.* Poverty in America / Ed. by L. Ferman et al. N.Y.: Univ. of Michigan Press, 1965.
14. *Hobsbawm E.J.* Poverty // International Encyclopaedia of the Social Sciences / Ed. by D.L. Sills. N.Y.: Macmillan, 1968. Vol. 12.
15. *Marshall T.H.* Citizenship and Social Class // Marshall T.H. Sociology at the crossroads. L.: Heinemann, 1963.
16. Poverty // The Encyclopaedia Americana. Danbury, Conn.: Americana Corp., 1979.
17. *Sumner W.G.* The Challenge of Facts and Other Essays. N.Y.: AMS Press, 1971.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРИЗМ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

.....

Н. В. Плотикина*

В политической науке нет общепринятых теоретических определений центризма. Острота дискуссии по вопросу о том, что есть центризм, объясняется существенной ролью центристских партий в современном политическом процессе. Цель данной статьи – описать социокультурный контекст и динамику представлений о центризме, начиная восточной и античной традициями и заканчивая современным пониманием роли центра в политическом пространстве общества.

Термин «центризм» появился в политическом лексиконе в конце XVIII столетия в связи с описанием расстановки политических сил в Национальном собрании Франции периода 1789–1799 гг. [31, с. 7] Термин отразил пространственное расположение депутатов, занимавших места в середине зала заседаний, напротив председателя между консерваторами, которых называли «правыми», и депутатами «левой» политической ориентации, выступавшими за республику и народный суверенитет. По мере институционализации либеральной и консервативной партий складывались обобщенные представления о «левом», «правом» центре. Кроме того, понятие «центр» ассоциировалось с промежуточной между «правой» и «левой» политической линией. Именно в этой трактовке центризм стал базовым понятием для описания расстановки политических сил.

Рождению в Новое время политического центризма предшествовала политико-философская предыстория. Если рассматривать политический центризм как определенный способ достижения стабильности и мира, политического равновесия и согласия в обществе, то этим проблемам уделяли пристальное внимание уже мыслители Древней Греции. Идею согласительной политики

* Плотикина Наталья Викторовна, кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: oochronos@mail.ru.

Платон и Аристотель связывают с понятием золотой середины, символизирующей воздержание от безусловной приверженности к какой-либо точке зрения, или среднюю позицию между любыми «да» и «нет».

По Платону (427–347 гг. до н.э.), сущность политической умеренности состоит в самоограничении, в признании права государственного органа на законопослушание и повиновение управляемых. Умеренность как удовлетворенность своим положением является общей добродетелью для всех трех сословий и единственной для сословия работников [24, с. 180, 490, 498].

Представления о роли середины в формировании личности человека сформулированы и в этическом учении Аристотеля (384–322 гг. до н.э.). «Истинно среднее» Аристотеля – прежде всего различение, выбор на основе собственного нравственного чувства между избытком и недостатком в страстях и поступках. «Но все это, когда следует, и в должных обстоятельствах, относительно должного предмета, ради должной цели и должным способом, есть середина и самое лучшее, что как раз свойственно добродетели» [2, с. 86]. Подобная середина всегда субъективирована, центрирована на человека. Это отнюдь не внешняя, объектно-геометрическая середина, а субъектно-значимое сосредоточение. Именно поэтому «трудное дело быть добропорядочным, ведь найти середину в каждом отдельном случае – дело трудное, как и середину круга не всякий определит, а тот, кто знает. Недаром совершенство и редко, и прекрасно» [2, с. 92]. Середина образует между крайностями не то, что представляет большинство, а скорее то, что является исключением. Середина – это не посредственность, заурядность, а в силу своей редкости даже крайность. Так получается, потому что некоторые крайности отчасти подобны середине, как, например, смелость – мужеству, или мотовство – щедрости. Поскольку люди имеют склонность чаще к страху, чем к мужеству; трусость сильнее бросается в глаза, нежели отчаянность.

Однако здесь возникает другая проблема. При рассмотрении ряда «избыток – середина – недостаток» возникают три противоположности и вместе с тем три конфликтных поля: «крайние противоположны и среднему, и друг другу, а средний – крайним» [2, с. 91]. С позиции крайности середина предстает как отвергнутая крайность. «Находящиеся посередине склады располагают избытком сравнительно с недостатком и недостатком сравнительно с избытком как в страстях, так и в поступках» [2, с. 91]. Поэтому храбрый человек кажется трусливому смельчаком и, наоборот, смельчаку – трусом. «Потому-то люди крайностей отодвигают того, кто держится середины, к противоположной от себя крайности». Однако это не означает, что в ходе данного «отодвигания» середина склоняется к другой крайности.

Между крайностями также существует конфликт, более острый, нежели их столкновения с серединой. Несмотря на это, у крайностей есть и нечто общее: они находятся в конфликте с серединой и в случае необходимости могут объе-

диниться против нее. Это объясняет также, почему экстремисты относительно быстро переходят в лагерь друг друга. С позиции середины общее в крайностях то, что они – пороки, которые в равной степени действуют опустошительно на всех, кто придерживается крайних противоположных позиций. Например, храбрость, гражданское мужество – это добродетель, а трусость вместе с отчаянностью несут в себе риск для исхода всякого предприятия.

«Среднее» Аристотеля – не эклектическое соединение или смешение противоположностей и не синтез, которого, по словам Гегеля, придерживается дух с крайним напряжением. Неверно полагать, что смелость как середина между избытком и недостатком мужества и храбрости является суммой небольшого количества трусости и небольшого количества отчаянности. Различие между добродетелью и пороком, по словам Канта, не количественное, а качественное, и в этом смысле добродетель есть нечто новое, иное по отношению к порокам, а не их комбинация.

Аристотель распространил подобное понимание середины на целое политических систем и в «Никомаховой этике» рисует два идеальных типа политического устройства: одно, наихудшее, чревато раздорами и гибелью, другое, наилучшее, обеспечивает наивысшее общее благо и мир. Аристотель соотносил этос отдельного человека с полисом граждан: этос был укоренен в полисе. Уклонение от крайностей творит из человека «полисное животное» [20, с. 18]. Отсюда делался вывод о том, что полис, состоящий из средних людей, будет иметь и наилучший политический строй. Как отмечает М.В. Ильин, для Аристотеля «средний – это не просто гражданин или институт, отличный от соответственно великих и малых, а тот политический актер, который в силу своей срединной природы обладает особыми внутренними императивами, позволяющими достигнуть согласия с иными, неравновеликими ему актерами, которых те по своей природе лишены» [14, с. 26].

Во II–I вв. до н.э. идеи «срединности» получили развитие в учении Полибия о смешанной форме правления, римской концепции золотой середины (*aurea mediocritas*). Выдающийся классик римской литературы, философ Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н.э.) в оде «К Лицинию Мурене» писал: «Выбрав золотой середины меру, мудрый избежит обветшалой крови, избежит дворцов, что рождают в людях черную зависть. <...> Мера должна быть во всем, и всему есть такие пределы, дальше и ближе которых не может быть добра на свете» [11, с. 105, 248]. Гораций принцип золотой середины распространял на поведение во всех областях жизни.

Центральное место во взглядах древнеримского историка Корнелия Тацита (58–112 гг. н.э.) занимала идея «среднего пути», заложенная в принципе со дня его основания. В политическом аспекте «средний путь» означал компромисс между сенатом и императором во имя сохранения империи; в плане личном – умение человека быть полезным государству даже при дурных правите-

лях. В «Жизнеописании Агриколы» Тацит писал: «И да будет ведомо тем, у кого в обычае восторгаться недозволенной дерзостью по отношению к наделенным верховною властью, что и при дурных принципах могут существовать выдающиеся мужи и что послушание и скромность, если они сочетаются с трудолюбием и энергией, достойны не меньшей славы, чем та, которую многие снискали решительностью своего поведения и своею впечатляющей, но бесполезной для государства смертью» [33, с. 350].

В конфуцианской и древнегреческой политических традициях умеренность причислялась к разряду основных добродетелей. Аристотелевское определение середины было проявлением укорененности в древнегреческом сознании требования меры. В этой ориентации на равновесие всех ценностей конституировалась «серединная максима», в которой соединялись разум, добродетель и чувственность воедино, преодолевался «ценностный фанатизм» – предположение единственной крайней инстанции. Стала провозглашаться норма благоразумия, соблюдение которой связывалось с соответствием человеку возлагаемых им на себя задач.

Мировоззрение средних веков поместило человека посередине между божественными сущностями и тварными существами, в результате чего срединное стало ассоциироваться с человеческим. Создатели христианской политической теории Августин Аврелий (354–430 гг.) и Фома Аквинский (1225–1274 гг.) развивали идеи Полибия о смешанной форме правления в поисках основ устойчивого политического порядка. Августин Аврелий подчеркивал связь между понятиями «умеренность» и «равновесие»: «Умеренность названа от меры равновесия – веса. Все, что мало, равно и все, что чрезмерно, нуждается в мере. Мера же духа – мудрость. Отсюда знаменитое правило жизни: ничего сверх меры» [1, с. 138–139]. Фома Аквинский видел в этическом учении Аристотеля с его традиционной добродетелью умеренности фундамент для христианской этики, полагая, что «среднее» может быть моральным, когда добродетель является серединой между крайностями порока [30, с. 217]. В. Зомбарт отмечал, что в учении Фомы Аквинского о добродетелях в хозяйственной жизни выделялась «необходимость правильной разумной экономии, „золотой середины“ в образе жизни, одинаково далеко от греховных крайностей: скупости и расточительности» [12, с. 184–185]. Еврейский философ и теолог Маймонид (1135–1204 гг.) возвел в высшее нравственное начало необходимость отличать крайности от среднего пути. Он полагал, что крайности удаляют человека от достижения разумной цели, разрушая его телесное здоровье и душевное спокойствие. Именно средний путь приближает человека к цели [19, с. 241].

Полное соответствие античные представления о «серединности» полисного животного и его воли нашли в срединности человека Ренессанса, который своей волей творил свою судьбу. Итальянский философ Лоренцо Валла (1405–1457 гг.), анализируя учение Аристотеля о добродетелях, противопоставлял две

единичные крайности не единичным серединам (как Аристотель), а множеству середин [6, с. 171]. Ж. Боден (1530–1596 гг.) защищал веротерпимость как средство избежать «народных волнений, смуты, гражданских войн» [5, с. 676–679].

В период Нового времени центризм рассматривался уже не только как принцип, заложенный в основу философских учений: в связи с появлением политических партий он приобрел институциональный облик и переместился в сферу партийно-политической инфраструктуры [10, с. 103]. Рационализм Нового времени, обратив методы математизированного естествознания на социум, инициировал появление социальных наук (экономической теории, социологии, статистики), использующих генерализирующие методы. Это способствовало новому витку гипостазирования понятия «среднее» в концептах среднего человека, среднего класса, среднего уровня и пр.

Английский философ Д. Юм (1711–1776 гг.) назвал «равновесие власти» «секретом в политике», известным только с XVIII в. [37, с. 62]. В качестве главного принципа «свободной системы правления» он отмечал «разделение власти в рамках действующих законов между несколькими членами, объединенная власть которых больше, чем власть монарха», признавая при этом, что «свобода есть усовершенствование гражданского общества» [37, с. 19, 39]. «Все свободные системы правления должны состоять из двух советов, малого и большого, или, другими словами, из сената и народа. Когда народный законопроект обсужден в парламенте и доведен до совершенства, все его достоинства и недостатки взвешены и уравновешены. Хорошие законы могут порождать порядок и умеренность в государстве, где манеры и обычаи не воспитали достаточно справедливости в характерах людей» [37, с. 25, 155, 163]. «Свободными системами правления» для Д. Юма являлись представительная демократия, монархия с наследственной властью монарха и аристократия, в которой каждый аристократ разделяет власть, будучи частью целого.

В эпоху Просвещения идеи центризма развиваются в рамках теории общественного договора (Ж.-Ж. Руссо), концепциях разделения властей (Ш.Л. Монтескье), смешанного правления (Ж.-Ж. Руссо), толерантности (Вольтер, Д. Дидро и др.). В «Философских письмах» Вольтер (1694–1778 гг.) называл парламент «посредником нации», король для него был «верховным арбитром». «Этого равновесия не доставало римлянам, вельможи и народ постоянно были там разделены, отсутствовала посредническая власть, которая могла бы установить между ними согласие» [7, с. 92–93]. В письме «Замечания на мысли г-на Паскаля» он подчеркивал, что в обществе получает одобрение „золотая середина“ не как посредственность, а как удаленность от порочных крайностей [7, с. 211]. Для Ш.Л. Монтескье (1689–1755 гг.) принципом (политической добродетелью) демократии как разновидности республиканского правления являлась умеренность в нравах и доходах [23, с. 45]. Ж.-Ж. Руссо (1712–1778 гг.) понимал свободу как автономию народа, как равное участие всех в практике

законодательства. Провозгласив идею суверенитета, который связан с общей волей народа, он заложил основы теории консенсуса. Философ также развивал концепцию смешанного правления [29, с. 264–265].

В эпоху Реставрации проблемы политического равновесия рассматриваются в рамках консервативной парадигмы. Ж. де Местр (1753–1821 гг.) выдвинул идею «эквилибра» – баланса в политической и духовной жизни, который обеспечил бы долговременное сохранение консервативного порядка вещей. Главной силой этого «эквилибра» виделась папская власть. «Особенное свойство монархии Франции заключается в том, что она обладает неким теократическим началом. Политика и религия образуют единый сплав; и эти политические учреждения заключаются главным образом в религиозных занятиях и церемониях... Религия, передав свой скипетр политике, придаст этой последней силы...» [22, с. 85, 104, 137].

Главная идея Луи де Бональда (1754–1840 гг.) – единство и многообразие проявлений власти. Общество, в котором управляет только одна политическая власть, обречено на гибель. Единство власти должно быть дополнено структурностью ее составляющих. Решающей в этой связи становится идея опосредования благодаря наличию промежуточных сил. Именно дворянство как посредник между монархом и подданными ограничивает власть короля, защищая народ от несправедливости, и осуществляет королевскую власть над подданными [16, с. 106].

Новые смыслы и очертания политический центризм получил в период идейной борьбы I и II Интернационалов в практике международной социал-демократии. По мнению Ю.М. Чернецовского, понятие «„центризм“ является производным от „марксистского центра“, впервые введенного в употребление в 1912 году австрийским социал-демократом О. Бауэром, который таким образом охарактеризовал течение в СДПГ, возглавляемое в то время К. Каутским» [36, с. 12]. Каутский считал себя марксистом, призванным вести борьбу как против правых, так и против левых течений в СДПГ. Поэтому его политическую позицию можно было называть центристской, а совокупность его идейно-теоретических и политических взглядов – центризмом. Центристов начала XX в. объединяла общая идеология, которая включала в себя отрицание диктатуры пролетариата и неприятие революционной тактики левых социалистов-интернационалистов.

В России в конце XIX – начале XX в. термин «центризм» использовался в качестве аналитического приема исследования политики, социокультурных традиций страны. Статьи о нем появлялись в энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона, С. Южакова, братьев Гранат и др. Осмысление политических отношений через призму категории центра использовалось многими российскими политиками. В 1861 г. выдающийся русский реформатор Н.А. Милютин в письме своему брату Д.А. Милютину выдвинул идею организа-

ции центристской партии: «...необходимо создать партию, серединную, говоря парламентским языком: *le centre*, которой у нас нет, но для которой элементы, очевидно, найдутся» [27, с. 97]. В 1905 г. генерал-губернатор Санкт-Петербурга Д.Ф. Трепов в обращении к Николаю II формулирует проект «твердо сплоченной консервативной партии порядка» [9], выражающей интересы большинства населения Российской империи. В ноябре 1916 г. в правоконсервативном кружке Римского-Корсакова была составлена записка, адресованная Николаю II. В ней предлагалась программа конкретных мер по предотвращению в России революции. Один из важнейших элементов этой программы – организация центристской партии: «Правительство должно иметь большинство в Думе и к созданию этого большинства должно относиться с величайшей ревностью, без иллюзий и предубеждений» [8, с. 219]. Социолог, один из основателей партии демократических реформ (1906–1907 гг.) М.М. Ко-валевский (1851–1916 гг.), определяя ее идейные позиции, писал: «Нашу партию нельзя считать ни правым, ни левым крылом, ни тем более центром. Наша партия – просто партия здравого смысла, в том значении этого слова, что она признает необходимым считаться с историческим прошлым» [34, с. 297].

В 1921 г. кадеты Н.И. Астров и В.А. Оболенский, пытаясь преодолеть внутривластный раскол, высказывались за объединение партии вокруг центра («ибо только центр ее способен понять Россию и усвоить ее психологию»), «за усиление центра партии за счет ее флангов». Они выражали надежду, что, «подтвердив основные верования – идеологию, которые затерты пребыванием партии справа и скачком налево», удастся приступить к «реальной работе» по восприятию того, что происходит в России [26, с. 407, 408, 434, 449].

Идеолог и лидер меньшевизма Ю.О. Мартов (1873–1923 гг.) в типологии политических партий России выделял революционные, либерально-демократические, правые реакционно-консервативные и умеренно-консервативные (центристские) партии. Последние, по его мнению, отличались от других партий тем, что, «допуская участие в управлении выборных людей, главную власть предоставляли монарху» [21, с. 557].

Н.А. Бердяев (1874–1948 гг.) ввел понятие «средней (серединной) культуры» [4, с. 294–295], что А.С. Ахиезер считал важным показателем готовности и желания осмыслить идею медиации на философском уровне и внедрить ее в элитарную политическую культуру [3, с. 67–68]. Н.А. Бердяев отмечал, что русскому народу с трудом давалось чувство меры, выражавшееся в социальном плане в отсутствии склонности к порядку и взвешенным решениям. По его мнению, «для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал», отсутствие срединной культуры. «Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями». Еще Ю. Крижанич (1618–1683 гг.) подчеркивал, что «великое народное несчастье – это неумеренность во власти; не умеют наши люди ни в чем меры держаться и идти средним

путем, а всегда плутают в крайностях и погибелях» [17, с. 193]. Русский публицист А.С. Изгоев (1872–1935 гг.) писал о том, что в периоды кризисов, массовых выступлений, любого «общественного возбуждения» крайние элементы в России «очень быстро овладевают всем, не встречая отпора со стороны умеренных» [13, с. 207–208]. Для Н.О. Лосского (1870–1965 гг.) «безразличие к средней области культуры» являлось следствием «малого интереса народа к материальной культуре» [18, с. 56]. «Не дорожа средней областью культуры, – отмечал он, – русский человек способен проповедовать и действительно совершать изумительные разрушения осуществленных уже культурных ценностей» [18, с. 332].

С.Л. Франк (1877–1950 гг.), пытаясь идентифицировать правое и левое политические течения, пришел к выводу о том, что «наряду со „староверами“ и „реформаторами“ должны найти себе место и те, кто сочетает обе тенденции. Такое не „правое“ и не „левое“, а как бы „центральное“ направление совсем не есть какое-то эклектическое сочетание обоих направлений. Оно качественно отличается от них тем, что, в противоположность им, его пафос есть идея полноты, примирения» [34, с. 233]. Чтобы избрать средний путь в методологии и логике социального действия, нужно перейти, по словам С.Л.Франка, «по ту сторону правого и левого».

Философ и политический деятель П.Б. Струве (1870–1944 гг.) доказывал, что государство может соединить власть, основанную на идее права, и общественность с помощью категории середины. Важным условием достижения «правовой нейтральности» власти, исключающей борьбу с политическими партиями, он считал необходимость её сплоченности с «умеренными элементами страны». Средние люди – это и не буржуа, это «культурно наиболее зрелые элементы народа», это носители свободы. Если в обществе отсутствует среднее сословие, то получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, а другие – презрения. «В сущности, для всякого народа характерны именно его средние элементы» [32, с. 397].

В начале XX в. в России организационно оформились основные политические течения, в том числе центристское, которое было представлено либеральной партией «Союз 17 октября», умеренно-прогрессивным течением, куда входили Партия демократических реформ, Партия мирного обновления и Партия прогрессистов, и кадетами, которые действовали и в 1920–1930-х гг. в эмиграции [15; 35].

Возникновение центризма в русском освободительном движении было реакцией на углубление противоречий социально-экономической и общественно-политической эволюции пореформенной России. Стремление избежать опасного поворота событий стало побудительной причиной кристаллизации центристских настроений. Позиция либералов была центристской по опреде-

лению. Они проповедовали идеи солидарности и компромисса, постепенности реформ, формирования гражданского общества и правового государства. Как отмечает Н.Б. Хайлова, «деятели умеренно-либерального направления стремились играть в русском либерализме роль идейной и организационной скрепы. Свою задачу они видели в сохранении чистоты принципиальных основ программы и тактики отечественного либерализма, усилении консолидирующего потенциала либерального движения» [35, с. 296].

Однако отсутствие своевременной адекватной реакции верховной власти на события в России (запаздывание в проведении назревших реформ, нежелание самодержавного режима расставаться с неограниченной властью) вело к эскалации социальной напряженности, радикализации массового сознания, нарастанию отчуждения между общественностью и государственными структурами, усилению организационной сплоченности революционных сил. В конечном итоге стремительно размывалась почва, необходимая для воплощения центризма в твердой и последовательной государственной политике по согласованию интересов всех социальных слоев с целью обеспечения поступательного, органического развития страны.

В советской научной литературе в рамках марксистской идеологии центризм рассматривался как конкретно-историческое явление, связанное только с международным рабочим движением. Начиная с 1931 г. после письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», направленного против проявлений инакомыслия, тематика центризма оказалась вычеркнутой из общественных наук. Центризм стал характеризоваться как наиболее опасная разновидность оппортунизма партий, как враждебное марксизму идейно-политическое течение, возникшее в борьбе реформистского и революционного направлений во II Интернационале. До конца 1980-х гг. употребление данного понятия в СССР было идеологизированным и в основном использовалось для критики международной социал-демократии и «непоследовательной» деятельности левых партий в зарубежных странах.

В период «перестройки» происходит зарождение политического центризма как ориентации в повседневной политической риторике и научных дискуссиях. Становление центризма как направления в деятельности политических сил было связано с реформаторской политикой М.С. Горбачева, пытавшегося найти «равнодействующую» между консерваторами внутри КПСС и либерально настроенными реформаторами. Он видел в политическом центризме течение, стремящееся преобразовать общество на новых началах, предлагающим ему «революционную перспективу, но не на основе конфронтации, тем более объявления врагом противостоящей силы, а на основе сплочения подавляющего большинства общества» [28, с. 499–500].

В этот период появляются первые научные исследования политического центризма, характеризующиеся идеологическим плюрализмом к опреде-

нию сущности феномена. В вышедшем в 1993 г. энциклопедическом словаре термин трактуется следующим образом: «Политический центризм отличается негативным отношением к радикальным решениям и действиям, его социальная база – средние слои. Роль парламентского центра весьма значительна: это – центр равновесия политических сил. Сильный центр – залог политической стабильности» [25, с. 392]. При этом подчеркивается переосмысление понятия в массовом политическом сознании в связи с появлением в 1990-е гг. новых политических и идеологических реалий: на смену негативному пониманию термина как наиболее опасной разновидности оппортунизма приходит положительная оценка.

* * *

Анализ понятия «центризм» подводит к выводу о том, что данный феномен стал предметом исследования задолго до появления термина. На определенных этапах центристская проблематика активно обсуждалась учеными и философами или отходила на периферию общественно-политической мысли. Можно выделить четыре этапа формирования понятия «центризм» в западных политических учениях. Первый восходит к античной политико-правовой мысли и связан с политико-философским учением Аристотеля о «срединности» человека как полисного животного. В работах античных философов и мыслителей Средневековья идеи центризма развивались в рамках политико-философских дисциплин. Второй этап определяется деятельностью революционного Конвента во Франции, в этот период возник политологический подход к определению сущности феномена. В период Нового времени центристские установки разрабатывались в контексте общей теории демократии. Третий этап характеризуется негативной оценкой явления как разновидности оппортунизма в процессе идейной борьбы во II Интернационале. И наконец, современный период, когда под центризмом понимается политическое течение, предлагающее социальное партнерство и политический консенсус интересов как способ решения противоречий и конфликтов ради достижения определенной цели при поддержке большинства общества. Во второй половине XX в. начинает формироваться концепция политического центризма.

В политических учениях Запада теория центризма развивалась в рамках учений о золотой середине, смешанном правлении, концепций общественного договора, разделения властей, среднего класса, толерантности, консенсуса. В России же только в 1990-х гг. появились первые научные исследования центризма. Специфика понимания явления в истории политических учений России обусловлена властечетричностью русской системы, антиномичностью русской культуры, неустойчивостью медиативных ориентаций и принципов, социокультурным расколом российского общества.

Библиографический список

1. *Августин Аврелий*. О блаженной жизни // Августин Аврелий. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. С. 110–162.
2. *Аристотель*. Никомахова этика: Пер. с др.-греч. / Общ. ред. А.И. Доватура // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
3. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): В 2 т. Т.1: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
4. *Бердяев Н.* Судьба России. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000.
5. *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: Возрождение. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.
6. *Валла Л.* Пересмотр всей диалектики вместе с основаниями всеобщей философии // Антология мировой философии: Возрождение. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.
7. *Вольтер*. Философские сочинения. М.: Наука, 1988.
8. *Глебова И.И.* Беспартийная власть и ее партийная организация // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник. 2004. М.: РОССПЭН, 2004.
9. *Глебова И.И.* Задача государства – «создание твердо сплоченной консервативной партии порядка» (Из официальной переписки Николая II и Д.Ф. Трепова) // Россия и современный мир. 2003. № 3.
10. *Глухова А.В.* Политический центризм в посттоталитарном обществе: опыт и проблемы // Государство и право. 1993. № 3.
11. *Гораций К.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худ. лит-ра, 1970.
12. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.
13. Вехи: Интеллигенция в России: Сб. ст., 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991.
14. *Ильин М.* Природа и смысл центристской политики // Власть. 1999. № 8–9.
15. *Канищева Н.И.* Центральное течение кадетской партии в эмиграции // Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России. М.: РОССПЭН; РНИСиНП, 2001.
16. *Козловски П.* Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998.
17. *Крижанич Ю.* Политика. М.: Новый свет, 1997.
18. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра / Вступ. ст. А.И. Титаренко. М.: Политиздат, 1991.
19. *Маймонид*. Путеводитель растерянных. М.: Мост культуры; Иерусалим: Гешарим, 2003.
20. *Марков Б.В.* Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Лань, 1997.
21. *Мартов Л.* Политические партии России // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 4. С. 550–560.
22. *Местр Ж. М. де*. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.
23. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М.: Мысль, 1999.
24. *Платон*. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998.

25. Политология: Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.
26. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г. М.: РОССПЭН, 1996.
27. Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. архив, 1991.
28. Россия сегодня. Политический портрет, 1985–1990 гг. / Ред. Б.И. Коваль. М.: Междунар. отношения, 1991.
29. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права. М.: Канон-пресс; Терра-Кн. клуб, 2000.
30. *Скирбекк Г., Гилье Н.* История философии. М.: Владос, 2003.
31. *Сулакшин С.С.* Политический центризм в современной России: Проблемы теории и практики. М.: Мысль, 1999.
32. *Струве П.Б.* Оздоровление власти // *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* М.: Республика, 1997.
33. *Тацит К.* Соч. Т. 1: Анналы. Л.: Наука, 1969.
34. *Франк С.* По ту сторону «правого» и «левого» // *Непрочитанное. Статьи, письма, воспоминания.* М.: Московская школа политических исследований, 2001.
35. *Хайлова Н.Б.* Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы.* М.: РОССПЭН, 1999.
36. *Чернецовский Ю.М.* Революционные марксисты против центризма: Из истории идейно-политической борьбы в германском и международном рабочем движении. М.: Мысль, 1983.
37. *Юм Д.* Малые произведения: Эссе. Естественная история религии. Диалоги о естественной религии / Пер. с англ. М.А. Абрамова, М.О. Гершензона и др. М.: Канон, 1996.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛИЗМА

.....

И. М. Мусаев*

Вторая половина XX в. ознаменовались началом процесса, получившего красноречивое название «этнического ренессанса». Под лозунгами «национального возрождения» произошел распад колониальной системы. По всему миру шло образование партий и движений, призывающих к культурной и политической автономии национальных меньшинств. Это оказалось неожиданностью, поскольку согласно и либеральным, и марксистским концепциям в процессе общественного развития национальные различия должны были стираться.

1980-е гг. и последовавшие за ними два десятилетия человеческой истории только подтвердили растущее влияние национализма на политическую жизнь современного мира. Бурный всплеск националистических настроений в бывших социалистических странах, квинтэссенцией которых стала потрясшая весь мир война в Югославии, рост сепаратистских настроений в стабильных демократиях Канады, Бельгии, Испании, Великобритании, активизация ультраправых в Германии, Франции, Нидерландах, разжигающих ненависть к иммигрантам, зарождение и крайне опасное развитие этноконфессиональных конфликтов, ставших питательной средой для невиданного ранее размаха международного терроризма, только укрепили уверенность в том, что в ближайшие десятилетия проблемы наций и национализма будут находиться в центре мирового политического процесса.

По данным этнологов, в мире существует до 5 тысяч этнических групп, которые потенциально готовы заявить о своих правах на самоопределение и образование государства. Большая часть этих движений протекает в латентной или ненасильственной форме. Однако 260 национальных меньшинств активно

* Мусаев Идрис Мусаевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), директор негосударственного общеобразовательного учреждения «Гулливер». Электронная почта: idrism@dinet.ru.

требуют независимости или отделения и признания в ООН. От 70 до 90 из этих национальных конфликтов характеризуются вспышками насилия. При этом необходимо помнить, что именно этнополитические конфликты относятся к числу наиболее сложных, запутанных, затяжных и трудноразрешимых. Как показывает история, во многих случаях по своим масштабам, продолжительности и интенсивности они значительно превосходят иные типы социально-политических конфликтов. Достаточно вспомнить войну в Югославии [6].

В целом представляется очевидным, что образование глобального мирового порядка не закончилось. Процесс глобализации, вызывающий столько споров у исследователей, не только не означает сокращения количества наций-государств, но и может провоцировать создание новых.

Поскольку реальная действительность вступила в прямое противоречие со многими теоретическими прогнозами, начали пересматриваться старые подходы к национализму и разрабатываться новые. Современные дискуссии по поводу национализма строятся главным образом вокруг следующих вопросов: Что есть нация? Что есть национализм? Каково происхождение наций и национализма? До какой степени можно считать их современным феноменом? Какие выделяются типы национализма?

При этом большинство авторов по этой тематике могут быть причислены к одной из трех основных категорий: примордиализму, модернизму или этносимволизму (см., например, [13; 18; 22]). Именно такое деление чаще всего используется на Западе, хотя возможен и несколько другой вариант (более типичный для российских авторов), а именно деление на примордиалистов, конструктивистов и инструменталистов (см., например [1–4]). В любом случае следует подчеркнуть, что любая классификация носит условный характер и всегда несовершенна.

В настоящее время наиболее уязвимым представляется примордиалистский подход. Это своего рода «зонтичный» термин, помогающий описать воззрения тех исследователей, которые считают национальность «естественной» характеристикой, присущей человеческим существам, такой же, как речь, обоняние или зрение, а нации – существующими с незапамятных времен. Однако несмотря на все попытки найти исторические доказательства этого, мало кто из серьезных ученых согласится сегодня с тем, что нации есть вечные и неизменные целостности. Почти все признают, что нации зарождаются в определенный момент истории, вне зависимости от споров о том, когда же именно это происходит и какую роль играют традиции преמודерна и современные трансформации при их образовании. Псевдонаучная, идеологически мотивированная вера в то, что нации существуют с незапамятных времен, не имеет сколько-нибудь серьезной поддержки в научных кругах, но именно идеи примордиализма лежат в основе большинства националистических движений современного мира.

Классический модернизм сформулировал свои фундаментальные положения в 1960-е гг. Предложенная им модель «национального строительства» была с воодушевлением воспринята научным сообществом на фоне подъема антиколониального, национально-освободительного движения. За этим последовало обоснование разнообразных моделей и теорий, которые рассматривали нации в качестве исторически формируемых конструкций. Модернистские идеи вскоре стали доминирующими в сфере изучения наций и национализма. И несмотря на весьма основательную критику со стороны этносимволистов, по-прежнему играют важную роль в современной политической науке.

Общим показателем всех работ, принадлежащих к данному направлению, является убеждение в современности наций и национализма. В соответствии с этой точкой зрения и то и другое появилось в последние два столетия, т. е. сам процесс был запущен Великой французской буржуазной революцией, и, соответственно, они являются продуктами специфических современных процессов, таких, как капитализм, индустриализация, возникновение и усиление бюрократического государства, урбанизация и секуляризм [23, р. 377], поскольку в эпоху премодерна не было места для наций или национализма. Короче говоря, «национализм предшествует появлению наций. Нации не формируют государства и национализм, все происходит в обратном порядке» [19, р. 10].

За исключением этого базового положения модернистов мало что объединяет. Все они выделяют различные факторы в своем анализе национализма. В связи с этим представляется целесообразным разделить их на три категории с точки зрения отдаваемых ими предпочтений экономическим (Т. Нейрн, М. Хечтер), политическим (Дж. Бройи, П. Брасс, Э. Хобсбаум) или социокультурным (Э. Геллнер, Б. Андерсон, М. Хрох) [5] факторам.

На первый взгляд такая классификация может показаться слишком примитивной, тем более что никто из исследователей не ограничивается упоминанием лишь одного фактора, лежащего в основе формирования наций и национализма. Однако насколько бы тщательно не были проработаны рассматриваемые теории, все они отдают предпочтение какой-либо одной группе факторов. Именно это и составляет основу критики модернизма, а именно основание для обвинения его в «редукционизме» [11; 23].

Термин «этносимволизм» используется для обозначения тех исследователей, которые раскрывают значение символического наследия этнических идентичностей премодерна для сегодняшних наций [23, р. 224]. Не удовлетворенные обоими полюсами – и примордиализмом/перениализмом, и модернизмом – в трактовке наций и национализма этносимволисты, такие, как Джон Армстронг, Энтони Смит и Джон Хатчинсон, предлагают третий вариант, компромисс или своего рода «серединный» путь между этими двумя подходами. Они соглашались с модернистами в весомости процессов трансформации, но одновременно утверждают, что между «традиционной» и «современной», или

«аграрной» и «индустриальной», эрами существует более высокий уровень преемственности. Отсюда, по мнению одного из наиболее авторитетных современных исследователей национализма Энтони Смита, возникает необходимость формулирования более широкой теории этнических формирований, которая выявит различия и схожесть между современными национальными единицами и этническими сообществами премодерна [23, р. 13].

Несмотря на критику со стороны этносимволистов в лице Э. Смита и Д. Армстронга, базовая идея, высказываемая модернистами, представляется нам в своей основе справедливой. Большинство наций, которые сегодня существуют на карте мира, включая старые, «исторические» нации Западной Европы, – результат развития за последние два столетия. Для того чтобы доказать это, рассмотрению подвергается вопрос о языке, являющемся квинтэссенцией духа нации для многих националистов. Модернисты привели исторические данные, свидетельствующие о том, что в 1789 г., в год начала Великой революции во Франции, 50 % населения не говорило по-французски и только 12–13 % говорили на правильном французском. В Италии на момент объединения лишь 2,5% населения использовали итальянский язык в повседневной жизни [19, р. 60–61]. Но есть и иные примеры. Несмотря на все попытки, норвежский язык так и остался языком меньшинства в Норвегии, которая с 1947 г. официально провозгласила двуязычие, имея лишь 20% населения, считающего норвежский своим родным языком [19, р. 55]. Таких примеров можно привести еще множество. Однако представляется важным, что национализм приобретает первостепенную важность после того, как создается государство. По словам генерала Пилсудского, «именно государство создает нацию, а не нация государство». Еще более четко это было сформулировано Массимо д'Азелио, который однажды сказал: «Мы создали Италию, теперь нам необходимо создать итальянцев» (цит. по: [19, р. 44–45]).

Нация есть порождение века национализма. Конечно, на протяжении значительно более длительных периодов люди испытывали чувство привязанности к сообществам, членами которых они себя ощущали. Это могли быть города-государства, империи, семьи или гильдии. Однако возникает закономерный вопрос, почему многие из этих привязанностей исчезли или трансформировались в «национальные» и какова степень зависимости между привязанностями премодерна и современными связями, ощущаемыми в рамках абстрактного сообщества нации, которое состоит из миллионов людей не знакомых друг с другом. Действительно, и во времена античности, и в Средние века существовало множество этнических групп. Но какова степень связи между ними и современными нациями? Представляется, что эта степень значительно меньше, чем полагают этносимволисты, если мы примем во внимание огромное число «неблагоприятных» факторов, таких, как миграция, завоевания, геноцид, межэтнические браки, ассимиляция и тому подобные явления, столь часто про-

исходившие на протяжении человеческой истории и менявшие этнический/культурный состав каждой конкретно взятой группы.

Другой вопрос: почему столь значительное число людей готово пожертвовать жизнью во имя своих наций и возможно ли это, если нации представляют собой продукт «коллективного воображения»? Здесь особо подчеркнем следующее: факт, что нации «изобретены» или «воображены», вовсе не делает их менее реальными в глазах тех, кто в них верит. Как известно, мифы после того, как они «изобретены», часто начинают жить собственной жизнью и постепенно приобретают черты реальности. Однако сильные чувства, порождаемые национализмом, связаны с тем обстоятельством, что он уходит своими корнями в повседневную жизнь людей. Индивидуумы, составляющие нацию, в той или иной степени задействованы в течение своей жизни во множестве «не-национальных» социальных отношений. Но все эти связи и ресурсы прямо или косвенно зависят от поддержки государства или, по крайней мере, от самого факта его существования. В результате любая угроза выживанию нации отражается на повседневной жизни миллионов ее членов, ставя под сомнение все то, чем они дорожат в жизни.

Таким образом, основные критические возражения этносимволистов против модернистских концепций наций и национализма представляются не вполне обоснованными. Главная проблема с модернистской трактовкой заключается, на наш взгляд, в том, что существует тенденция объяснять национализм в терминах «обязательных переменных». При нынешнем разнообразии национализмов вряд ли их можно объяснить с помощью одного главного фактора: подобно хамелеону, национализм меняет свою окраску в зависимости от окружающей среды. Теории и подходы, которые пытаются объяснить такой сложный и изменчивый феномен, как национализм, чем-либо одним, неизбежно впадают в редукционизм. Исследователи, дабы избежать этого, нередко ударяются в другую крайность. Они описывают такое множество факторов, что под них подпадает практически все многообразие социальной жизни.

Если работы модернистов и этносимволистов достаточно хорошо известны российским специалистам и широко используются ими в своих дискуссиях о нациях и национализме, то новейшие исследования, появившиеся в последние два десятилетия, пока в значительной степени находятся вне сферы внимания отечественных ученых. Поэтому представляется необходимым остановиться несколько подробнее именно на этих работах. При всех различиях между новыми подходами к национализму общей их характеристикой является критическое отношение к существовавшим до этого основным концептуальным подходам. Все они подвергают сомнению базовые предпосылки, исходя из которых шло развитие теорий национализма. Как результат – убежденность в необходимости расширения классической дискуссии благодаря использованию принципиально новых идей и подходов.

Возникновение новых теорий было ускорено общей трансформацией социальных наук, которая, в свою очередь, отражала изменения в социальном контексте, особенно подъем женского движения, написание альтернативных историй, которые отрицали гомогенность национальных культур и подчеркивали изменяющийся характер западных обществ в результате растущей иммиграции. Особое значение имело развитие культурологических исследований. Их основа была заложена еще в конце 1950-х гг., когда вышли в свет в числе прочих работы Ричарда Хогарта «Использование грамотности» (1987) и Раймонда Уильямса «Культура и общество» (1958). Общей целью, к которой стремились эти авторы, было «вернуть культуру обратно» в социальные науки [8, р. 20]. В указанных работах культура рассматривалась не как единое, гармоничное целое, а как глубоко противоречивая концепция, чье значение постоянно подвергается сомнению, пересмотру и иной интерпретации. В этом смысле культура неотделима от социальной фрагментации, классового разделения, дискриминации на основе гендера и этничности и отношений власти: культура – чаще не то, что объединяет людей, а то, вокруг чего идет борьба [8, р. 9].

За прорывными работами Р. Хогарта и Р. Уильямса последовали многие другие, акцентирующие внимание на вопросах молодежной культуры и стиля, СМИ, гендера, расы, народной памяти и трактовки истории. Растущий объем культурологической литературы характеризовался использованием широкого спектра теорий (начиная с А. Грамши и кончая психоаналитическим подходом), а также концептуальных подходов, предлагаемых феминизмом, постколониализмом и постмодернизмом.

Возникает естественный вопрос: как это все сказалось на изучении национализма? На наш взгляд, можно выделить два основных направления этого влияния. Во-первых, подверглись критике закрывающие глаза на гендерные проблемы евроцентрические концепции; большее внимание было обращено на внутреннюю (внутри нации) и внешнюю (между нациями) иерархию власти. Во-вторых, возросло взаимодействие между изучением национализма и развитием исследования таких сфер, как миграция, раса, мультикультурализм, диаспоры и т. п. Остановимся подробнее на некоторых аспектах этого влияния.

Общей чертой рассмотренных ранее теорий и подходов является то, что в центре их внимания находится лишь доминирующий дискурс. Они обходят молчанием опыт «подчиненных», например, бывших европейских колоний и их постколониальных наследников или женщин, этнических меньшинств и угнетенных классов. Даже марксистские и неомарксистские исследователи, которые основывают свои теории на опыте наций, занимающих подчиненное (или периферийное) положение в мире политической экономики, благодаря евроцентризму сосредоточивают свое внимание на Шотландии и Ирландии, игнорируя разочарование десятков бывших колоний в Азии и Африке.

Как справедливо отмечает А. Макклинток, «теории национализма имели тенденцию игнорировать гендер как категорию, имеющую прямое отношение к национализму» (цит. по: [8, р. 269]). Этот важный пробел был заполнен целым потоком работ, в которых исследовался гендерный характер членства в нации. В действительности, женщины всегда присутствуют в националистическом дискурсе: они фигурируют в качестве любовниц завоевателей, жертв военного насилия, маркитанок, кинематографических солдат-героев, портретов красавиц на стенах и, конечно, в качестве работниц, жен, подруг и дочерей, послушно ожидающих мужчин дома [15, р. 27]. Нация всегда представляется в виде большой семьи, а родина – в виде «ранимой» женщины, нуждающейся в защите. Изнасилование становится оружием в войне, а сексуальное нападение на женщин часто интерпретируется как прямое нападение на сообщество в целом [10; 20, р. 125]. В результате «беспокойство о здоровье нации или ее демографическом будущем и эффективности воспроизводства или стабильности социальной структуры, часто ретранслируется в политику, направленную на или против женщин либо через систему социальной защиты материнства и детства, либо через риторику по поводу семейных ценностей, либо политических столкновений по вопросам репродуктивного здоровья, регулирования сексуальности или прямого контроля над женскими телами» [8, р. 26].

Тем не менее, несмотря на свое центральное положение в националистическом дискурсе, женщины исключаются из публичной сферы и оказываются прикованными к своим домам. Отсюда необходимость беспристрастного анализа роли женщины в семье и домашнем хозяйстве, в мелочах повседневной жизни. Поэтому феминистские авторы стремятся исследовать то, каким образом женщины участвуют в различных национальных проектах, какие роли они играют (или их заставляют играть) внутри них, раскрывая политико-идеологические основания этих ролей и их распределения. Тем самым они протестуют против принуждения женщин к вторичному, всегда подчиненному положению.

Другая слабость «классических» работ по национализму заключается в их евроцентричной, или, пользуясь выражением Юваль-Девис, их «вестоцентричном» [24, р. 3] подходе. Истоки такого восприятия восходят к традициям эпохи Просвещения, породившим многие из тех концепций и идей, которые мы сегодня ассоциируем с демократией. С самого начала составными частями этих традиций были империализм и колониализм. Во многих отношениях прогресс демократии в Европе, например, развитие всеобщего гражданства, базировался на эксплуатации народов за ее пределами. Эти сложные диалектические взаимоотношения между Европой и всеми «остальными» повторялись внутри самой Европы между культурами метрополий и периферии, городом и деревней, доминирующими и подчиненными национальностями, Западом и Востоком [8, р. 28].

Исследование этих взаимоотношений и расшифровка негативного кода национализма, т. е. того, «каким образом даже наиболее благородные и по отношению к «своим» демократические представления порождали процесс защиты и эксклюзивного позиционирования в отношении «других», явилось одним из главных достижений последнего десятилетия [8, р. 28]. Вполне естественно, что процесс «перечитывания» был инициирован учеными, работающими за пределами Европы, в первую очередь представителями индийского марксизма. Такие исследователи, как Парта Четтерджи и Ранаджит Гуха, попытались проанализировать историю Южной Азии с позиции угнетенных. Их интересовало, каким образом доминирующий дискурс Запада служил для подавления голоса подчиненных. Наиболее важным западным инструментом для осуществления этого процесса было «знание». Отсюда проистекает необходимость выявить различные способы применения знания для доминирования в мире. По мнению П. Четтерджи, западные идеи рациональности низвели незападные культуры до «ненаучного традиционализма». В то же время релятивистский подход, который считает каждую культуру уникальной, базировался на эссенциалистской концепции культуры, которая заведомо исключает понимание ее извне. П. Четтерджи считает, что оба подхода являются отражением отношений власти [12, р. 29]. Для него в анти/постколониальном национализме никогда не было доминирования западных моделей национальности, хотя влияние, безусловно, существовало. Если бы он во всем следовал за Западом, тогда само бы противопоставление по линии Запад – Восток потеряло бы всякий смысл и «самоидентичность национальной культуры оказалась бы под угрозой» [12, р. 237].

Националистическое решение этой дилеммы лежит в разделении культуры на две сферы – материальную и духовную, «что было важно, так это культивировать материальную технику современной западной цивилизации, одновременно сохраняя и усиливая ярко выраженную духовную сущность национальной культуры [12, р. 238]. Таким образом, основной вклад таких исследователей, как П. Четтерджи и Р. Гуха, заключался в том, что они предложили «невесточентричную» интерпретацию анти/постколониального национализма.

Третьим моментом, который проигнорировали представители основных школ, изучающих национализм, была сфера повседневной жизни. В поисках макро объяснений в рамках традиционных подходов уделялось мало внимания микроуровню, т. е. повседневным проявлениям национализма. Однако, как отмечает М. Биллиг [9], национализм для того, чтобы сохраниться, должен воспроизводиться изо дня в день (см. также [16; 14]). Этот процесс воспроизводства не регистрируется осознанно его участниками, поскольку повседневная жизнь является также сферой господства «неосознанного». Короче говоря, чтобы понять сохраняющуюся власть национализма над людьми, мы должны исследовать процесс, благодаря которому обычные люди продолжают пред-

ставлять себя в виде абстрактного сообщества. По мнению А. Макклинтока, «национальные фетиши» играют важную роль в этом процессе: «Чаще национализм приобретает свою форму благодаря видимой, ритуальной организации объектов фетишизма – флагов, униформы, логотипов самолетов, карт, гимнов, национальных цветков, национальных кухонь и архитектуры, а также благодаря организации фетишных спектаклей – в командных видах спорта, военных парадах, массовых ралли, мириадах форм массовой культуры и тому подобного» [8, р. 274]. Это постоянное напоминание, которое большинством людей воспринимается как нечто, само собой разумеющееся, трансформирует национальную идентичность в определенную форму жизни, способ видения и интерпретирования мира, обеспечивая тем самым существование нации.

Последний штрих к нарисованной нами картине добавляет постмодернизм. Конечно, постмодернизм как таковой требует детального изучения. Мы же, исходя из целей нашего исследования, возьмем за основу то рабочее определение, которое предлагает З. Бауман: «Постмодернизм есть модернизм вне времени: современность смотрит на себя скорее со стороны, чем изнутри, проводя инвентаризацию всех своих успехов и поражений, занимаясь психоанализом самой себя, обнаруживая намерения, которые никогда ранее не озвучивались, находя их несовместимыми и взаимоисключающими. Постмодернизм – это современность, примирившаяся со своей собственной невозможностью: современность, занимающаяся собственным мониторингом, сознательно раскрывающая то, что она когда-то совершала неосознанно» [7, р. 272]. И хотя это определение далеко не бесспорно и отвечает далеко не на все возможные вопросы, оно может, на наш взгляд, служить определенной отправной точкой.

В широком смысле можно выделить две основные темы, которые постоянно звучат в постмодернистском анализе. Первая из них – производство и воспроизводство национальной идентичности через массовую культуру. Для ее раскрытия требуется не только сконцентрировать внимание на коммуникационных технологиях и популярных жанрах, до сих пор не освещаемых в рамках академических дискуссий, но и выявить значения и ценности, пропагандируемые посредством этих технологий, раскрывая тем самым отношения власти, лежащие в их основе. Соответственно, визуальные технологии – кино, фотография, телевидение и видео подвергаются внимательному изучению; анализируется широкий круг продуктов массовой культуры, начиная с книг и иллюстрированных журналов и заканчивая едой, модой, одеждой [8]. Все тексты перечитываются заново, и раскрывается их новое значение, потому что постмодернисты утверждают, что каждый текст есть повествование, а каждое повествование может интерпретироваться множеством различных способов. Господствующий дискурс, или «метаповествование», есть не что иное, как при творство; поэтому его следует полностью отвергнуть.

Хоми Бхабха делает акцент на роли людей, находящихся в «пограничном» национальном состоянии при определении национальной идентичности, а именно этнических меньшинств, иностранных рабочих и иммигрантов. По мнению Х. Бхабха, «гибридное» население бросает вызов доминирующим конструкциям нации, производя собственные контр-повествования. Эти контрповествования «наносит удар по тем идеологическим маневрам, посредством которых „воображаемые сообщества“ получают свою сущностную идентичность» [21, р. 300]. В то же время происходящий в результате конфликт между конкурирующими повествованиями приводит к возрастанию пористости национальных границ и интенсифицирует двойственность нации как культурной и политической формы.

В связи с этим необходимо обратить внимание на серьезные изменения, происходящие в настоящее время в социальных науках и проявляющиеся в первую очередь в новом усилении интереса к междисциплинарному подходу к изучению национализма. В определенном плане национализм всегда был предметом междисциплинарного исследования. Специалисты использовали концепции и теории, разрабатываемые в рамках различных научных дисциплин: от социологии и политической науки до международных отношений и психологии. Однако исследования последних двух десятилетий отличаются от предшествующих в двух отношениях. Во-первых, исследователи не ограничивают себя традиционными дисциплинами, а используют идеи и концепции, разработанные в рамках таких новых направлений, как гендерные исследования, теория расовых отношений, дискурсный анализ, постколониальные теории. Во-вторых, особый акцент делается на многомерном характере «субъективности» [16; 20].

Как мы уже говорили, анализируемые нами работы бросают вызов ортодоксальным концепциям, которые рассматривают индивидуумов в качестве субъектов с единым чувством идентичности. Они подчеркивают различные измерения субъективности, такие, как гендер, раса, этничность и класс, отмечая, что эти измерения неразрывно переплетены; поэтому нет смысла рассматривать их раздельно. Опыт и реакция женщины-негритянки из рабочего класса, принадлежащей к этническому меньшинству, отличается от опыта и реакции белого мужчины из среднего класса, принадлежащего к доминантной этнической группе. Эта идея, кажущаяся в настоящее время весьма тривиальной, в значительной степени игнорировалась в рамках классической дискуссии.

Анализ современных концепций национализма, характер ведущихся как на Западе, так и в России дискуссий по этим проблемам позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, не может существовать единой общей теории национализма. Национализм, подобно богу Протею, способен принимать множество форм, зависящих от исторического, социального и политического контекста. Соответственно, и факторы, способствующие зарождению и развитию нацио-

нализма, могут быть весьма различными. Национализм зарождается в разных исторических условиях и развивается по разным траекториям. Конечно, это не означает, что национализм не должен подвергаться теоретическому осмыслению. Просто речь должна, видимо, идти не об одной «всеобъемлющей» теории, а о конкретных теориях, концентрирующих свое внимание на отдельных аспектах различных видов национализма.

Во-вторых, необходимо говорить не только о различных видах национализма, присущих разным нациям, но и о том, что членам одной нации в один и тот же конкретно взятый исторический промежуток времени присущи разные типы национализма, проявляющиеся в различных идеологических и политических установках. Так, например, в Турции существуют исламисты, кемалисты, ультранационалисты и либералы – все они исповедуют различные концепции нации.

В-третьих, все виды национализма объединяет собственный дискурс. Как подчеркивает К. Колхаун, «общим знаменателем японского экономического протекционизма, сербских этнических чисток и американского пения „Звездно-полосатого флага“ перед бейсбольным матчем... является дискурсивная форма, которая придает им законченный вид и связывает их друг с другом» [11, р. 21–22]. Множество различных движений, идеологий и направлений политики, вызванных к жизни разными условиями и движущихся по разным историческим траекториям, соединены вместе использованием одинаковой риторики. Национализм – это прежде всего «форма чтения и видения, понимания и восприятия как само собой разумеющегося», которая формирует наше сознание [9, р. 127], иными словами, способ конструирования социальной реальности, в которой мы живем. И японское правительство и сербский солдат объяснили бы свои действия, используя одну и ту же риторику, а именно риторику «интересов нации». В этом смысле дискурс национализма является всеобъемлющим и легитимным объяснением для всего, происходящего в современном мире.

Культурные сообщества определяются как нации, а их члены как граждане именно в рамках националистического дискурса. Нации могут существовать только в контексте национализма. И именно это отличает более ранние этнические образования от современных наций. Вместе с тем использование общей риторики позволяет нам сформулировать своего рода зонтичное определение национализма как специфического способа конструирования социальной реальности, в которой мы существуем. Конечно, можно попытаться перечислить те объективные характеристики, которые необходимо иметь сообществу для того, чтобы превратиться в нацию, это общая религия, этничность, язык, специфическая территория и т. п. Однако сформулировать исчерпывающий список крайне сложно, если вообще возможно. Большинство современных наций не обладает одной или несколькими характеристиками, которые обычно упоминаются исследователями национализма. Поэтому остается не по-

нятым, сколько и какие из них необходимы для превращения сообщества в нацию. Что касается таких субъективных характеристик, как лояльность или солидарность, то они являются необходимыми, но не достаточными для этого. Индивидуумы чувствуют привязанность ко многим другим сообществам и институтам, включая свои семьи, родственников или регионы. Таким образом, сама по себе привязанность не может объяснить существование наций и национализма. Тогда ключевым элементом и остается предложенное зонтичное определение, под которое подпадают все движения, политики или идеологии, которые мы называем националистическими. Все нации используют этот дискурс для определения, оправдания или воспроизводства самих себя.

Националистический дискурс включает в себя три базовые характеристики.

1. Он утверждает, что интересы и ценности нации превыше всех остальных интересов и ценностей.

2. Он рассматривает нацию как единственный источник легитимности. Здесь имеется в виду не только политическая легитимность. Нацию (или национализм) можно использовать для оправдания любых действий, которые при других условиях не были бы признаны оправданными.

3. Он противопоставляет «нас» и «их», «друзей» и «врагов». Эти категории четко разделены набором взаимоисключающих правил и обязательств, моральных принципов и моделей поведения. «Мы» определяемся только в сопоставлении с «другими».

Националистический дискурс может быть эффективным только тогда, когда он воспроизводится на повседневной основе. Дело в том, что национализм складывается из разнородного набора различных «националистических» идиом, практик и возможностей, которые на постоянной основе существуют в современной политической и культурной жизни. Мы не сможем до конца понять сущность национализма без учета его повседневных проявлений. Следы национализма прослеживаются во всех структурах, институтах, процессах современного общества, которые утверждают гегемонию одной (этнической/национальной) группы над другой.

Без минимального знания языка, норм, привычек, традиций, правил человек не может существовать в обществе. Это знание обеспечивается широким спектром институтов, начиная с семьи и школы и кончая СМИ и местом работы. Вместе эти институты формируют процесс социализации личности и передачи набора необходимых для повседневной жизни знаний от поколения к поколению, обеспечивая тем самым воспроизводство существующей системы. Когда националистический дискурс проникает в повседневную жизнь, его воспроизводство становится неизбежным.

Наконец, представляется необходимым признать, что на протяжении жизни по мере изменения значимости этничности, гендера, класса или места жительства для отдельно взятого человека меняется и его национальная идентичность.

Каково же будущее национализма? Уже очевидно, что до «конца истории», провозглашенного Фукуямой [17], в мире, разрываемом на части этнополитическими конфликтами, жестокими этническими чистками, агрессивностью различного рода фундаменталистов, весьма далеко. Сегодня национализм выступает в качестве одной из мощных сил в мире. Отсюда необходимость его понимания во всем разнообразии его форм и противоречивости проявлений представляется крайне важной.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999.
2. Ачкасов В.А. Этнополитология. СПб.: СПбГУ, 2005.
3. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов н/Д: ЦВВР, 2000.
4. Коротеева В.В. Воображенные, изобретенные и сконструированные нации: метафора и проблема объяснения // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.
5. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002.
6. Ходнев А. Национальный вопрос в контексте мирового порядка: история и современное состояние // <http://www.prof.msu.ru/publ/book/iamomo1.html>.
7. Bauman Z. Modernity and Ambivalence. Cambridge: Polity Press, 1997.
8. Becoming National: A Reader / Ed. by G. Eley, R.G. Suny. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1996.
9. Billig M. Banal Nationalism. L.: Sage, 1995.
10. Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester: Manchester University Press, 1993.
11. Calhoun C. Nationalism. Buckingham: Open University Press, 1997.
12. Chatterjee P. Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse? New Jersey: Zed Books, 1996.
13. Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton: Princeton University Press, 1999.
14. Dijk T.A. van. Ideology. L.: Sage, 2000.
15. Enloe C. Feminism, Nationalism and Militarism: Wariness Without Paralysis? // Feminism, Nationalism and Militarism / Ed. by C.R. Sutton; the Association for Feminist Anthropology; American Anthropological Association. Arlington: s.e., 2001.
16. Essed P. Understanding Everyday Racism. Newbury Park; L.: Sage, 1997.
17. Fukuyama F. The End of History // The National Interest. 1989. № 16.
18. Gellner E. Nationalism. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1997.
19. Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
20. McCrone D. The Sociology of Nationalism. L.: Routledge, 1998.

21. Nation and Narration / Ed. by H. Bhabha. L.: Routledge, 1996.
22. *Ozirimli U.* Theories of Nationalism: A Critical Introduction. N.Y.: Palgrave, 2003.
23. *Smith A.D.* Nationalism and Modernism. L.: Routledge, 1998.
24. *Yuval-Davis N.* Gender and Nation. L.: Sage, 1997.

РОССИЙСКАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ

.....

В. Б. Слатинов*

Стартовавшая в 2003 г. административная реформа стала одним из наиболее значимых событий в общественной жизни России. Масштаб административных преобразований чрезвычайно высок, и, если не учитывать революционную трансформацию политической системы страны, произошедшую в начале 1990-х гг., то нынешние административные изменения по праву можно назвать наиболее крупной реформой государственного управления за последние полвека. Заметим при этом, что трансформация политической системы в процессе становления российской государственности после перестройки на самом деле слабо затронула собственно административный механизм, поэтому потребность в глубокой административной реформе и ее предпосылки вызревали все 1990-е гг.

Основные направления и приоритеты административной реформы

Важным методологическим моментом является определение того, что включает в себя понятие «российская административная реформа». Каковы ее масштабы и перспективы, что служит объектом реформирования? По этому вопросу в экспертном сообществе наметился широкий концептуальный разброс. В основном позиции ученых сводятся к двум точкам зрения.

В узком понимании административная реформа трактуется как реформирование системы органов исполнительной власти [3], в широком – включает в себя значительно более обширный круг вопросов политико-административного управления. Одним из первых основные направления реформы сформулировал в конце 2002 г. глава Министерства экономического развития и тор-

* Слатинов Владимир Борисович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета. Электронная почта: kgu@uni.kursk.ru.

говли Г. Греф. Признав, что «административная реформа, реформа государства наиболее сложна с точки зрения и технологической и психологической», он выделил три основные ее составляющие: 1) разграничение полномочий между уровнями власти; 2) реформу государственной службы и определение статуса государственного служащего; 3) реформу собственно устройства исполнительной власти [4].

Широкую трактовку административной реформы разделяют многие авторы, в частности, В. Комаровский, А. Шадрин и А. Шаров [6; 32; 33]. Их подход значительно расширяет «горизонт» административной реформы, делая ее комплексным системным мероприятием по преобразованию всего механизма политико-административного управления. Подобное толкование реформы представляется более продуктивным. Преобразование системы исполнительной власти вряд ли возможно без разграничения полномочий, источников бюджетных доходов и расходных обязательств между федеральным центром, субъектами Федерации и муниципалитетами. Изменения в системе государственной службы в свою очередь должны быть тесно увязаны с новыми принципами построения и функционирования исполнительной власти. В сущности, расширенный подход к реформе заложен и в нормативном документе, определяющем ее основные направления и приоритеты. В Указе Президента РФ «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» в качестве ее приоритетных направлений обозначены: ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования; исключение дублирования функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти; развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики; организационное разделение функций, касающихся регулирования экономической деятельности, надзора и контроля, управления государственным имуществом и предоставления государственными организациями услуг гражданам и юридическим лицам; завершение процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ, оптимизация деятельности территориальных органов исполнительной власти [18].

Таким образом, административная реформа как комплексная политико-административная трансформация включает в себя, во-первых, реформирование полномочий федеральных и региональных органов государственной власти (реформа государственных полномочий), реформирование системы и структуры органов исполнительной власти (реформа исполнительных органов) и, наконец, реформирование системы государственной службы РФ (реформа службы). Следует отметить, что реформа полномочий потребовала существенной корректировки Бюджетного и Налогового кодексов, а реформа структуры и системы федеральных органов исполнительной власти сопровождается

переходом к программно-целевому бюджетному планированию (бюджетная реформа). Реформирование федеральных органов исполнительной власти не ограничивается сугубо гражданскими ведомствами, а в полной мере затронула «силовой блок» Правительства РФ (реформа «силовых» органов). Кроме того, были проведены серьезные мероприятия по реформированию Администрации Президента РФ. Реформа полномочий государственных органов Федерации и ее субъектов и связанная с ней бюджетная реформа тесно «привязаны» к реформе местного самоуправления (речь идет о новом балансе полномочий, доходных источников и расходных обязательств между тремя уровнями публичной власти в РФ). Таким образом, фактически реформированию подвергся почти весь механизм политико-административного управления.

Далее мы остановимся на двух взаимосвязанных направлениях реформы: реформировании системы и структуры органов исполнительной власти и реформе государственной службы.

Политические детерминанты и методология реформы

На протяжении прошлого десятилетия тему административной реформы в том или ином виде затрагивали представители политической элиты, а в конце 1990-х гг. была подготовлена ее концепция, но реальностью масштабные административные преобразования так и не стали¹. Одной из основных причин затягивания административных реформ был, на наш взгляд, сам характер политического режима в 1990-е гг. В постсоветской России сложилась уникальная ситуация размежевания государства и режима, ставшая следствием распада советской системы². В отличие от восточноевропейских стран, где произошло своевременное отделение коммунистического режима от государства, которое сохранилось, став инструментом реформ уже при другом режиме, в России выход из советской системы сопровождался падением и режима, и государства. В дальнейшем образование нового режима предшествовало формированию государства, а затем режим начал подменять государство и тормозить государственное строительство [34, с. 11]. Таким образом, сам режим не был заинтересован в полноценном функционировании государственных институтов и верховенстве права, поскольку вполне обходился опорой на неформальные, теневые институты в процессе перераспределения государственной собственности и частнокорпоративного использования бюджетных средств.

Приход к власти В. Путина заметно активизировал процессы политико-административного реформирования. В первую очередь это было обусловлено логикой развития политического режима в первый срок пребывания В. Путина

¹ О проектах административных реформ в 1990-е гг. см. подробно [24].

² Под режимом мы понимаем не только стиль правления, но и совокупность институциональных и прочих отношений в сфере политики, а также обусловленный ими характер взаимоотношений между государством и обществом.

на посту Президента РФ. Речь шла о необходимости элементарного сохранения целостности Российского государства, фактической реанимации большинства государственных институтов и ограничения бесконтрольного влияния крупного капитала на государственную политику. При этом сохранилась и даже усилилась прорыночная ориентация социально-экономической политики правящей элиты.

Указанные качественные изменения повлекли за собой пересмотр отношения к процессам административной трансформации: проведение административной реформы становится потребностью формирующегося нового режима. Не случайно о возвращении к теме административной реформы В. В. Путин говорит уже в первом Послании Федеральному Собранию в 2000 г. Модернизационная программа нового режима в ее социально-экономической части опиралась на либеральные подходы, на желание «быстро и решительно провести либеральные реформы» [34, с. 16]. Ориентация В. Путина на укрепление государства в сочетании с проведением социально-экономической либерализацией и прагматическим отстаиванием национальных интересов на международном поле позволяет классифицировать идеологическую направленность его режима как правоконсервативную [15]. С точки зрения административных изменений это имело немаловажное значение. Именно при правоконсервативных правительствах на Западе в конце 1970-х – начале 1980-х гг. началось активное внедрение в государственное управление идей «нового менеджизма». В этом смысле объективное влияние глобализационных процессов, задающих «передовые» образцы административных институтов, построенных на идеях «нового государственного менеджмента», совпало с политико-идеологической ориентацией авторов модернизационной программы путинского режима (во всяком случае, его либерального крыла).

Таким образом, новый режим обнаружил политическую волю к проведению масштабной административной реформы, методологической базой этой реформы стали идеи «нового государственного менеджмента». Общий вектор менеджериальной реформы может быть сведен к попытке введения рыночных механизмов, институтов и установок в организацию и деятельность современного государства. Совокупность новых теоретических построений в государственно-управленческой науке на базе менеджериального подхода создали «реалистическую» трактовку бюрократии, основными чертами которой выступают:

- резкий рост внимания к финансовому менеджменту в государственной сфере, повышение ценности общественных денег, экономия государственных финансов и стимулирование заинтересованности государственных служащих и структур в их зарабатывании;

- повышение значимости оценки деятельности государственных служащих организаций и органов по результатам, а не по активности и количеству действий;
- утверждение служебной роли государства и его исполнительных структур в отношении общества; демонополизация ряда социально значимых услуг, предоставляемых государственными органами;
- признание неустраимости политической роли бюрократии и как результат – поиск новых форм контроля над ней, оптимального соотношения политических и профессиональных задач в администрации;
- уменьшение роли вертикальной иерархии, развитие функциональных органов, «плоских» структур;
- ограничение значимости традиционной административной «лестницы чинов»;
- создание культуры государственного предпринимательства, внедрение принципов менеджмента в деятельность государственного аппарата, перевод его части за рамки государственной службы;
- децентрализация, стремление к сокращению и удешевлению аппарата, попытки сделать государственную бюрократию прозрачной и отзывчивой на общественные ожидания и требования [20, с. 12–13; 27, с. 380–381].

Разработка концептуальных моделей для российской административной реформы, значительный вклад в которую в 2000–2002 гг. внес либерально ориентированный Центр стратегических разработок, велась в русле менеджеристской методологии. В результате в программе социально-экономической политики Правительства РФ на среднесрочную перспективу (2003–2005 гг.) [23] получили отражение такие идеи, как переход к программно-целевому финансированию организаций бюджетной сферы, реструктуризация и приватизация значительной части государственных унитарных предприятий, обеспечение «минимально необходимого вмешательства государства только в тех случаях, когда действие рыночных механизмов не может быть эффективным», т. е. де-бюрократизация.

Ключевое место отводилось поддержке формирования гражданских институтов, стимулирующих действия хозяйствующих субъектов по повышению качества и конкурентоспособности продукции (в первую очередь саморегулируемых организаций), а также сокращению излишних и упорядочению оставшихся контрольно-надзорных функций государства. Указывалось на необходимость введения презумпции целесообразности государственного регулирования в той или иной сфере, обеспечения максимальной прозрачности при выполнении процедур и разработке правовых актов. Подчеркивалась важность организационного разделения функций государственных органов по выработке стратегии, реализации принятых решений и контрольно-надзорной деятельности.

Отмечалось, что предстоит окончательно перейти от отраслевого к функциональному принципу построения органов исполнительной власти.

Предлагалось проведение инвентаризации всех государственных функций на предмет выявления избыточных и дублирующих, а также возможность передачи части из них (обеспечивающего характера) частному сектору и учреждениям в организационно-правовой форме некоммерческих организаций.

Повышение привлекательности государственной службы объявлялось центральной задачей, для чего предполагались увеличение денежного содержания чиновников и «повсеместный переход к открытому конкурсному найму».

Деятельность государственных служащих должна быть заключена в строгие рамки должностных регламентов, формируемых на основе повсеместно внедряемых административных регламентов государственных органов.

Прозрачность государственной службы и кадровой политики и активизация участия в государственном управлении гражданского общества должны быть обеспечены как через информационную открытость государственных органов, так и через участие представителей общественности в деятельности конкурсных, аттестационных комиссий и комиссий по конфликтам интересов в государственных органах [23].

В сущности, в указанной программе нашли отражение адаптированные к российской реальности положения методологии «нового государственного менеджмента», попытка реализации которых состоялась уже в период президентства В. В. Путина.

Реформирование структуры и системы исполнительной власти

Реформирование структуры исполнительной власти рассматривалось в качестве ключевой задачи административных изменений на всех этапах их подготовки. Однако в течение 2000–2002 гг. федеральная власть не могла выработать адекватного механизма подготовки данных перемен. Реформа разрабатывалась в Министерстве экономического развития и торговли, в комиссии, образованной в аппарате Правительства РФ. Их политический вес явно не соответствовал масштабу поставленных задач. В результате попытки провести комплексный анализ ситуации в многочисленных ведомствах и даже «пилотные» проекты административных изменений «тонули» в бесконечных согласованиях и аппаратной конкуренции.

Политический импульс реформе, данный уже упомянутым президентским указом летом 2003 г. выразился, помимо прочего, в формировании наделенной широкими полномочиями комиссии во главе с вице-премьером Б. Алешиним, целью которой стала подготовка окончательного варианта административных изменений. Последние были представлены в конце февраля 2004 г. и базировались на функциональном подходе: проанализировав более пяти тысяч функций

федеральных органов исполнительной власти, комиссия смоделировала новую структуру федерального правительства, предлагая ее трансформировать параллельно с пересмотром властных функций и изменением нормативно-правовых актов, их определяющих [25]. Однако, как выяснилось, параллельно официально созданной комиссии проект административных изменений готовила рабочая группа под руководством Д. Козака [22] и именно наработки последней легли в основу масштабной административной трансформации, произведенной в марте 2004 г. Указанная трансформация исполнительных органов включала в себя:

- разделение федеральных органов исполнительной власти по трем группам функций (правоустанавливающие, контрольно-надзорные, по правоприменению и оказанию государственных услуг) на министерства, службы и агентства;
- реорганизацию аппарата правительства, сокращение количества департаментов, заместителей министров и вице-премьера, увеличение роли департаментов федеральных министерств и политического веса последних;
- внедрение программно-целевого финансирования государственных органов (бюджетирование, ориентированное на результат);
- разработку административных регламентов государственных органов и стандартов оказания государственных услуг;
- реформирование системы государственных учреждений и государственных унитарных предприятий.

Предложенный ранее комиссией Б. Алешина конкретно-функциональный подход к реформированию системы и структуры федеральных органов был проигнорирован: в основу новой системы легла общая логическая схема (три группы функций) и построенная на ее базе структура федеральных ведомств. Результат нововведений оказался неоднозначным. Схематизм инноваций стал заметным уже сразу, когда выяснилось, что в новой структуре попросту отсутствует метеорологическая служба, которую, по прозвучавшему позже признанию президента, просто забыли включить в сформированную реформаторскую конструкцию [26].

Количество федеральных органов исполнительной власти резко возросло. Если до реформы их насчитывалось 58, то после первой масштабной реорганизации в марте 2004 г. стало 76. В мае 2004 г. конструкция была «подправлена», в результате чего количество органов возросло до 80. К настоящему моменту их уже 84³.

Непрекращающаяся корректировка структуры обусловлена неотработанностью трехзвенной схемы органов исполнительной власти. Разделение всех федеральных органов на три вида (министерства, службы, агентства) привнесло

³ Подсчет сделан в результате анализа Указов Президента РФ, устанавливающих структуру федеральных органов исполнительной власти.

некоторую долю функциональной определенности, но не устранило конфликта интересов в случае подчинения ряда служб и почти всех агентств федеральным министерствам. Таким образом, министерства оказались во главе «кустов» из служб и агентств, а последние, получив в распоряжение бюджетные средства и право издания индивидуальных правовых актов, превратились фактически в «малые» министерства. Следствием стали конфликты между федеральными ведомствами (Министерством культуры и Федеральным агентством по культуре, Министерством сельского хозяйства и Федеральным агентством по сельскому хозяйству, которое недавно было просто упразднено). Упразднение Федерального агентства по сельскому хозяйству [1] стало окончательным признанием того, что трехзвенная модель не работает в ряде функциональных областей.

Сами функциональные сферы, определенные для некоторых из созданных органов чрезвычайно обширно, явно превысили порог управляемости. Министерство транспорта и связи спустя некоторое время было вновь расформировано на Министерство транспорта и Министерство связи. Та же участь постигла созданное в процессе реформы Федеральное агентство по физической культуре, спорту и туризму. Ныне спорт и туризм «разведены» по разным агентствам. До сих пор ведутся дискуссии о функциональной целесообразности объединения в рамках одного министерства таких обширных областей, как социальное развитие и здравоохранение.

Ряд служб и агентств, подчиненных первоначально министерствам, в последующее время перешли в непосредственное подчинение главе правительства (в начале реформы их было 2, сейчас 11). К этому привел очевидный конфликт интересов (когда, например, Федеральная служба государственной статистики оказалась подчиненной Министерству экономического развития и торговли), а также необходимость обеспечения политического веса отдельных служб и независимости их контрольно-надзорной деятельности. При этом Президент РФ спустя два месяца после первой попытки реформы структуры федеральных исполнительных органов дал право подчиненным главе Правительства РФ службам издавать нормативно-правовые акты, т. е. фактически наделил отдельные службы правоустанавливающими функциями (закрепленными ранее только за министерствами).

Схематизм административных инноваций наиболее ярко проявился в вопросе радикального сокращения должностей заместителей министров (до двух) и вице-премьеров (до одного). Сокращение заместителей министров объяснялось необходимостью повысить роль менеджеров среднего звена управления в министерствах (директоров департаментов) с одновременным резким увеличением высшего и среднего уровня управления денежного содержания. Последнее действительно существенно возросло, однако функции координации деятельности структур среднего уровня «провисли». Примечательно, что

максимально пострадали от сокращения заместителей министры финансов и экономического развития и торговли, т. е. сторонники либеральных изменений. У главы Министерства экономического развития и торговли Г. Грефа на момент проведения реформы было 14 заместителей, осталось, подобно другим министрам, два. В результате, как выяснилось позже, оставшиеся заместители просто физически не могли справиться с колоссальным объемом управленческой нагрузки (в указанном министерстве на оставшихся двух заместителей министра в день приходилось не менее 500 документов для рассмотрения) [9].

Проблема сокращения должностей вице-премьеров и заместителей федеральных министров носила не только технический, но и политико-административный характер. Реформа федерального правительства ставила целью повысить политическую роль министерств (в формировании курса, подготовке проектов законов и других нормативно-правовых актов) с одновременным ослаблением роли аппарата правительства и премьер-министра. Последнему была уготована роль технического руководителя правительства (в этом контексте следует рассматривать и персональную кандидатуру М. Фрадкова). Однако вся отстроенная конструкция (высокая роль менеджеров среднего звена министерств, минимизация промежуточных звеньев в лице замминистров и вице-премьеров, резкое повышение политического веса министров при техническом статусе главы правительства) оказалась нежизнеспособной. Любопытно, что, сокращая замминистров, упразднили посты статс-секретарей – тех, кто отвечал за связи министерств с парламентом. Как это соотносилось с целью реформы – повысить законопроектную роль федеральных министерств как центров разработки государственной политики, остается неясным.

Возвращение министрам по третьему заместителю – статс-секретарю – стало естественным заполнением образовавшегося вакуума между правительством с усилившимися министерствами и парламентом [12]. Не оправдалась и ставка на чисто техническую роль главы правительства. В условиях суперпрезидентской республики глава государства не в состоянии целиком и детально контролировать выработку политического курса и правоустанавливающую деятельность министерств. Поэтому политическая значимость главы правительства объективно усиливается (пусть и в рамках президентской стратегии). Но при политически сильных министрах, часть из которых имеет прямой доступ к президенту, и беспартийном характере правительства конфликт между его главой и министрами по ключевым вопросам экономической политики становится почти неизбежным, что полностью подтвердила нынешняя российская реальность. Наиболее вопиющим в этом плане является то обстоятельство, что до сих пор (по состоянию на конец 2005 г.) у правительства отсутствует среднесрочная программа, принятие которой регулярно переносится, т. е. исполнительная власть не имеет заявленной социально-экономической стратегии развития страны. Впрочем, при сохраняющейся конструкции исполнительной

власти выработка любого консолидированного и ответственного политического курса (в том числе в отношении административных преобразований) представляется практически невозможной.

Политическое усиление федеральных министров при наличии одного вице-премьера привели к тому, что, по словам главы правительства М. Фрадкова, стало «невозможно договариваться на уровне министров» [10], иначе говоря, до предела обострилась проблема координации при выработке согласованной социально-экономической политики. Непрекращающиеся сигналы об этом со стороны оборонной промышленности и Министерства обороны и выдвижение национальных проектов, требующих широких координирующих усилий, подтолкнули президента к введению двух дополнительных должностей вице-премьеров [30]. Глава правительства при этом намекнул на возможность введения в некоторых министерствах поста четвертого заместителя министра [11]. При этом все указанные структурные изменения (слияние агентства по сельскому хозяйству с министерством, введение дополнительных постов замминистра и вице-премьеров) совпали с назначением главой правительственной комиссии по административной реформе С. Нарышкина, возглавляющего аппарат правительства, а также с провозглашением второго этапа административной реформы. Так что можно говорить о значительной, если не радикальной коррекции прежних, весьма схематических принципов, по которым она осуществлялась в первой половине 2004 г.

Говоря о недостатках проведенных административных инноваций, следует особо отметить, что сформированная из логической схемы новая конструкция федеральных органов исполнительной власти, введенная в действие в марте 2004 г., долгое время находилась в институциональном вакууме: министерства, службы и агентства сначала создавались, а затем (в течение полугода, а иногда и более) появлялись положения о них. Произошло вопиющее игнорирование принципов управления изменениями. Любая реорганизация означает некоторое уменьшение управляемости, но реорганизация без своевременного нормативного наполнения приводит к фактической утрате полноценного управления. Слова премьер-министра М. Фрадкова о «хаосе административной реформы» точно отразили фактическое положение дел в федеральных органах исполнительной власти. Замедлился документооборот, количество принятых нормативно-правовых актов в 2004 г. оказалось примерно в два раза ниже, чем в предыдущие годы [14].

Процессуальный порядок функционирования новых органов должным образом до сих пор так и не определен. Отсутствуют административные регламенты федеральных государственных органов, только зимой 2005 г. увидел свет общий порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти между собой [28]. В августе 2005 г. (спустя более года с начала реформы) был обнародован типовой регламент внутренней организации федеральных органов

исполнительной власти [29]. Стандарты государственных услуг не разработаны. Отсутствуют должностные регламенты гражданских служащих, несмотря на указание президента об их разработке к маю 2005 г. Зарботная плата федеральным государственным служащим была повышена весной 2004 г. только по центральному аппарату, так и не достигнув конкурентоспособного уровня. Федеральным государственным служащим в территориальных аппаратах установлена надбавка в размере оклада, при этом отсутствует (по состоянию на середину декабря 2005 г.) указ президента об их денежном содержании.

О промежуточных результатах административной реформы красноречиво говорят рейтинги международных организаций, оценивающих качество государственного управления. В частности, в рейтинге международной конкурентоспособности Всемирного экономического форума за последний год Российская Федерация по показателю «качество государственных институтов» опустилась с 81-го на 89-е место. Согласно индексу GRICS (Governance Research Indicator Country Snapshot), который определяется один раз в два года Всемирным банком и оценивает эффективность государственного управления в 209 странах, Россия по таким показателям, как эффективность работы правительства, качество законодательства, верховенство закона и контроль за коррупцией, находится в нижней части рейтинга. По индексу восприятия коррупции, рассчитываемому международной организацией «Транспэрэнси Интернэшнл», в 2004 г. Россия среди 146 стран занимала 90-е место [13].

Попытки отдельных представителей федеральной бюрократии активизировать процесс административной реформы через принятие в конце 2004 г. федеральной целевой программы «Административная реформа» потерпели фиаско: Министерство финансов не одобрило дополнительных расходов на программу [8]. В полной мере проявился замкнутый круг российской политико-административной системы: существующая конструкция федеральной исполнительной власти не позволяет выработать консолидированного политического курса, в том числе в сфере административных изменений, а это в свою очередь консервирует неэффективную структуру той же власти. Вместо федеральной целевой программы утверждена концепция административной реформы, реализация которой поручена самим ведомствам при координирующей роли правительственной комиссии (в проекте целевой программы предлагалось создание специального органа по управлению реформой – Дирекции с широкими полномочиями) [21]. Что касается российских регионов, то в них реализация принципов административной реформы осуществляется локально и только в виде экспериментов.

Реформа государственной службы

Преобразования государственной службы осуществляются параллельно с реформой системы и структуры федеральной исполнительной власти и базиру-

ются на концепции реформы системы государственной службы РФ 2001 г. (официально опубликована не была) и Федеральной программе «Реформирование государственной службы РФ (2003–2005 гг.)» [31]. В этом смысле концептуальная и нормативная проработка изменений государственно-служебных отношений более существенна, ибо, по признанию одного из разработчиков реформирования системы органов исполнительной власти М. Дмитриева, «как такового плана административной реформы не было» [7].

Процесс реформирования государственной службы был начат в 2003 г. с принятия Федерального закона «О системе государственной службы РФ» [19], который заложил новую модель правового регулирования государственной службы РФ посредством разделения ее на три вида – гражданскую, военную и правоохранительную.

1 февраля 2005 г. вступил в действие Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ» [16], существенно меняющий сложившуюся модель государственной службы. В частности, введены новые категории должностей гражданской службы (более точно отражен характер разделения политико-патронажных и административных функций в государственном аппарате), классные чины гражданской службы и порядок их присвоения (через квалификационный экзамен), расширен и конкретизирован перечень правоограничений и требований к служебному поведению гражданских служащих, введено понятие конфликта интересов на гражданской службе, конкретизированы условия и порядок проведения конкурса для замещения должностей гражданской службы, аттестации гражданских служащих, их переподготовки и повышения квалификации. Детальным образом отрегулированы особенности заключения служебных контрактов, их содержание и изменения. Точно определено понятие «кадровая работа» на гражданской службе, уточнены социально-правовые гарантии гражданским служащим. Введено понятие должностного регламента гражданского служащего, детализированы порядок наложения дисциплинарных взысканий и служебных проверок, предусмотрено создание комиссий по служебным спорам, служебному поведению и конфликту интересов. Введена возможность более гибкой и дифференцированной оплаты труда гражданских служащих. Все эти законодательные новеллы призваны сделать государство конкурентоспособным работодателем, а государственных служащих – эффективными исполнителями функций государства. В этом основное значение реформы государственной службы для административной реформы.

Однако, будучи концептуально более проработанной и нормативно обеспеченной, чем реформа органов исполнительной власти, реформа госслужбы столкнулась с тем же комплексом проблем. Главные из них – отсутствие координации при проведении изменений и затянутость самих инноваций, в результате чего институциональные нестыковки и явное запаздывание с норматив-

ным обеспечением осуществляемых преобразований приводит к девальвации уже принятых мер и введенных норм.

Так, в развитие Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» приняты указы Президента РФ, касающиеся проведения аттестаций, конкурсов и присвоения чинов, в то же время остаются без внимания такие важные аспекты, как формирование реестра должностей гражданской службы, комиссий по служебному поведению и конфликту интересов, новый порядок выплат денежного содержания и пенсионного обеспечения гражданских служащих. По последнему вопросу, как и в части медицинского страхования, должны быть приняты специальные законы, которых пока нет.

Несложно понять, что вопрос о денежном содержании – один из наиболее значимых с точки зрения мотивации служащих и социально-психологического климата в государственных органах. Если в субъектах Федерации новый порядок выплат введен (этот вопрос находится в их ведении), то по состоянию на 1 декабря 2005 г. указ президента о денежном содержании федеральных гражданских служащих отсутствовал, а без его принятия не вводится в действие глава закона в части денежного содержания федеральных чиновников.

Но наиболее вопиющим является факт, что спустя 10 месяцев после введения в действие нового закона не принят даже новый реестр должностей федеральной гражданской службы. Закон ввел новые категории должностей, но кто есть кто в соответствии с ними в федеральных органах пока можно определить только интуитивно. Отсутствие реестра делает невозможным принятие указа о денежном содержании федеральных чиновников, что в свою очередь тормозит перезаключение контрактов и введение нового порядка оплаты труда. Предполагалось принять реестр должностей и новый порядок начисления денежного содержания федеральных служащих к 1 января 2006 г. будет исполнено, хотя негативный характер (в частности, демотивирующий служащих) подобных затяжек уже вполне очевиден.

Указанные пробелы нормативного регулирования и затягивание очевидных организационных мер не в последнюю очередь связаны с отсутствием полноценной системы управления государственной службой и ее реформой (как и в случае с реформой органов исполнительной власти). Стоит отметить, что в подавляющем большинстве консолидированных демократий существуют специальные исполнительные органы по вопросам государственной службы и государственных реформ (во Франции – министерство государственной службы; в Швеции – министерство государственного управления и т.п.). В России верховная власть все 1990-е гг. категорически отказывалась создавать подобную структуру, и только Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ» [16], принятый в 2004 г., наконец предусмотрел возникновение подобного органа. Однако, несмотря на введенную норму закона, специальный орган по делам государственной службы до сих пор не создан. Доходит

до курьезов: согласно Указу Президента РФ № 159 от 16 февраля 2005 г. в трехмесячный срок надлежало разработать и утвердить должностные регламенты гражданских служащих [18]. Но Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ» поручает разработку этих регламентов органу по делам госслужбы, которого нет. Таким образом, президент давал поручение несуществующему органу.

Представители Администрации Президента РФ (где в 2004 г. создано управление государственной службы) утверждают, что пакет законов и подзаконных актов, конкретизирующих и развивающих положения реформы госслужбы, будут приняты в течение 2005–2006 гг. [5, с. 17]. Однако уже сейчас ясно, что реформа госслужбы попала в ту же институциональную ловушку, что и реформа исполнительных органов, – несвоевременность нормативного наполнения и отсутствие координации в правовом и организационном обеспечении привели к резкому снижению эффективности уже введенных норм и принятых мер. Те же представители президентской администрации оговариваются, что планируемые изменения «должны быть синхронизированы с бюджетными возможностями в текущем году и в последующие годы» [5, с. 18]. Таким образом, вновь всплывает проблема межведомственных согласований, которые не могут эффективно осуществляться без создания адекватной системы управления административной реформой, включающей и реформу госслужбы.

Что дальше?

Объявленный второй этап административной реформы, очевидно, становится периодом исправления структурных ошибок первого этапа (это уже активно происходит). Преодоление структурного хаоса означает фактическое возвращение к тем задачам, которые первоначально декларировались при разработке идеологии административной трансформации – построение «отзывчивой» и транспарентной административной системы, обеспечение ориентации государственного аппарата «на клиента», т. е. на граждан. Утверждена концепция административной реформы, рассчитанная на 2006–2008 гг. В числе ее основных приоритетов – введение принципа управления по результатам, стандартизация и регламентация государственных услуг (планируется внедрить стандарты всех общественно значимых госуслуг), введение антикоррупционной экспертизы правовых актов и механизма досудебного обжалования решений государственных органов. Прорекларировано фактическое возвращение к идее инвентаризации государственных функций на предмет избыточности и дублирования с последующей их трансформацией и изменением структуры федеральных органов. Предполагается принятие закона об информационной открытости органов государственной власти и последовательная реализация идеи «электронного правительства».

Уже сам факт принятия концептуального документа по второму этапу административных изменений радует (напомним, что первый этап проходил без всякой концепции). Однако необходимо заметить, что значительная часть положений концепции носит декларативный характер. В частности, о том, каков конкретно будет механизм досудебного обжалования решений госорганов, не сказано ни слова. То же касается и механизма антикоррупционной экспертизы правовых актов и ряда других элементов второго этапа реформы.

Еще одна интересная деталь: в концепции в качестве первоочередных государственных услуг, подлежащих стандартизации, названы государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним и выдача паспорта гражданина РФ. О том, что эти услуги будут в ближайшее время стандартизированы, А.В. Шаров, руководитель департамента госрегулирования в экономике Министерства экономического развития и торговли, говорил еще в январе 2005 г. [2]. И вот теперь речь идет как минимум о годе 2006-м. Более чем красноречивое свидетельство темпов качественных административных изменений.

Предполагаемый в концепции механизм управления реформой передает основные мероприятия по ее осуществлению в ведение самих ведомств. Координацией реформы, как и ранее, будет заниматься правительственная комиссия, не имеющая полноценного статуса в системе органов исполнительной власти. Таким образом, основная проблема реформы – создание адекватного механизма управления изменениями – по-прежнему не решена, что ставит под сомнение достижение планируемых институциональных эффектов.

Библиографический список

1. *Арсюхин Е.* Россельхоз «ушли» в отставку. Федеральное агентство не выдержало административной реформы // *Российская газета*. 2005. 5 окт.
2. *Велетминский И.* Регламент для реформы // *Российская газета*. 2005. 25 янв.
3. *Вишняков В.Г.* Административная реформа в России: от кризиса государственного управления к эффективному государству // *Журнал российского права*. 2003. № 10.
4. *Греф Г.* Наиболее сложная реформа – это реформа самих себя // *Эксперт*. 2002. 9 дек.
5. *Карпенко А.С.* Профессия – государственный служащий // *Государственная служба*. 2005. № 3.
6. *Комаровский В.С.* Административная реформа в Российской Федерации // *Политические исследования*. 2005. № 4.
7. *Короп Е.* Главная тема // *Профиль*. 2004. 6 дек.
8. *Короп Е.* Отказ от административной реформы и Курильских островов // *Профиль*. 2005. 27 июня.
9. *Кузьминов Я.* Не увязаны в систему и подвисли... // *Профиль*. 2004. 25 окт.
10. *Лашкина Е.* Здоровый интерес // *Российская газета*. 2005. 18 нояб.
11. *Лашкина Е.* По четвертому заместителю // *Российская газета*. 2005. 7 нояб.

12. *Лаишкина Е.* Чем будет заниматься третий? Статс-секретарь пополнит штат заместителей министров // Российская газета. 2005. 19 авг.
13. *Мау В.* Иностранные инвестиции растут, а рейтинги падают // Профиль. 2005. 31 окт.
14. *Миндич Д.* Ума – не надо // Профиль. 2004. 25 окт.
15. *Никонов В.* Стратегия Путина // Российская газета. 2004. 22 дек.
16. О государственной гражданской службе РФ: ФЗ // Российская газета. 2004. 31 июля.
17. О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах: Указ Президента РФ // Российская газета. 2003. 25 июля.
18. О примерной форме служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы РФ и замещении должности государственной гражданской службы: Указ Президента РФ // Российская газета. 2005. 18 февр.
19. О системе государственной службы РФ: ФЗ // Российская газета. 2003. 31 мая.
20. *Оболонский А.В.* Бюрократия для XXI века. Модели государственной службы. М.: Дело, 2002.
21. *Одноколенко О.* Вся власть – директории. Через шесть лет народ должен любить своих чиновников на 90 процентов // Итоги. 2004. 9 ноября.
22. *Письменная Е.* Бесчинства по чину. Административная реформа спустилась с правительственного на ДЕЗовский уровень и окончательно заглохла // Русский Newswек. 2005. 15 авг.
23. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 годы) // Российская газета. 2003. 2 сент.
24. Реформа государственной службы России. История попыток реформирования с 1992 по 2000 год / Под ред. Т. Зайцевой. М.: Весь мир, 2003.
25. *Смирнов К.* Борис Алешин смоделировал новое правительство // Коммерсант. 2004. 2 марта.
26. *Смирнов К. И.* О погоде // Коммерсант-власть. 2004. 17 мая.
27. *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002.
28. Типовой регламент взаимодействия федеральных органов исполнительной власти // Российская газета. 2005. 25 янв.
29. Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти // Российская газета. 2005. 5 авг.
30. *Тропкина О.* Назначения: от Кремля до самых до окраин. Новые люди в администрации президента, правительстве, двух федеральных округах // Российская газета. 2005. 15 ноябр.
31. Федеральная программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)» // Российская газета. 2002. 23 нояб.
32. *Шадрин А.Е.* Направления и параметры российской административной реформы // Политические исследования. 2004. № 3.
33. *Шаров А.В.* Об основных элементах административной реформы // Журнал российского права. 2005. № 4.
34. *Шевцова Л.Ф.* Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999.

.....**КОНСОЛИДАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ**.....

В. С. Кот*

Академический интерес к изучению политических сообществ делает необходимым новое обращение к изменениям того, что американский политолог Дж. Рагги назвал в свое время «социальными эпистемами», т. е. знаниями людей как коллектива о себе и других, или иначе, intersubъективными образами реальности [4, p. 157].

В последние пять столетий понятие «дом», если иметь в виду политическую организацию, предполагающую также наличие власти и привязанности со стороны жителей, стало означать прежде всего «национальное государство». Б. Андерсон рассматривает национальный «дом» как «воображаемое сообщество», поскольку «члены даже самой маленькой нации никогда не смогут узнать всех сограждан, встретиться с ними и даже услышать о них, тем не менее в мыслях каждого человека присутствует образ всего сообщества» [1, p. 15].

В политической сфере главной задачей, соответственно, становится формирование нации как осознание каждым гражданином своей принадлежности к единому народу, как формирование политического сообщества. Таким образом, речь идет о строго постепенном замещении субнациональной приверженности лояльностью и привязанностью к единой нации. Но в таком контексте и демократизация становится следствием интеграции нации. Если же демократизация процесса осуществления государственной власти имеет место до достижения единства нации, то возникает опасность дезинтеграции государства. В этом заключается одна из важнейших причин распада СССР, Югославии и ряда других стран.

Р. Даль неоднократно подчеркивал, что иностранный контроль или оккупация – сильное препятствие для демократизации. Так, наличие определенной доли конкуренции и военной угрозы со стороны соседних государств способствует процессу формирования национального государства, но слишком силь-

* Кот Виктор Степанович, кандидат политических наук, доцент Борисоглебского педагогического института.

ная и постоянная угроза извне ведет к централизации и милитаризации общества, если удастся избежать разрушения проекта государственного строительства вообще. Именно так произошло с Россией, которая, столетиями находясь в окружении противников, все же сумела устоять, но создала жесткое централизованное государство. В Европе ситуация была иной. Большинство проектов создания государств не выдержало давления и было снято с повестки дня. По существу, лишь некоторые государственные образования смогли сохраниться и превратиться со временем в национальные государства. Это говорит о том, какое важное значение для создания государства играет геополитический фактор.

Так, неплохие шансы на самосохранение имелись в государственных образованиях, расположенных высоко в горах, однако всегда сохранялся риск, что политические институты там будут носить несколько патриархальный характер. Это мы и можем наблюдать в Швейцарии. Те государства, которые пошли по пути «закрытости» и находились географически достаточно далеко от центров политики, столкнулись со стагнацией и сопротивлением всяким переменам. Именно это имело место в Китае. В Европе полная изоляция вообще была невозможной. В центре Европы вероятность завоевания более сильными соседями была очень велика – эта участь постигла большинство немецких княжеств. Институты не совершенствовались, а обычно просто уничтожались. Следствием подобного развития событий становились следующие негативные процессы и явления: недостаточная стабильность и преемственность; отсутствие веры в необходимость государственного строительства; недостаточное число королевских слуг, верящих в необходимость лояльности. Поэтому в таких условиях наилучшие возможности для сохранения оказывались у сильных милитаризованных государств типа Пруссии с крайне неразвитым демократическим этосом.

Немаловажным фактором в консолидации государств была также географическая близость к Римской церкви, означавшая возможность использования организации и ресурсов церкви как инструмента, а в ряде случаев даже помощника. В средние века, по мере удаления от Рима, уменьшалась вероятность вступления в конфликт с церковью, но и ресурсы церкви оказывались недоступными. С. Роккан назвал это «удаленностью от римского фактора».

Одной из важнейших теоретических и практических проблем, стоящих сегодня перед правительствами разнотипных государств, оказывается проблема внутренней консолидации и интеграции сообществ. Если в государствах авторитарного типа, опирающихся преимущественно на силовой контроль, постоянно возникает проблема нахождения определенного баланса между административно-насиловыми действиями и пропагандистским влиянием во имя обеспечения легитимности власти, то в обществах демократического типа согласие и единство обеспечиваются несколько иными методами.

Из 19 наиболее развитых демократических государств лишь пять относятся к категории «фрагментированных и децентрализованных». К их числу Х. Виленски относит в основном страны, опиравшиеся в своем развитии преимущественно на британскую политическую традицию. Это США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия. С определенной долей условности в эту же группу может быть отнесена Швейцария. Х. Виленски считает, что фрагментированные и децентрализованные демократии более уязвимы к давлению со стороны массовых обществ и их правительств. В то же время в этих странах рабочее движение так сильно децентрализовано, что позволяет правительствам более успешно осуществлять над ним контроль [5].

Еще один тип демократии – «корпоративистское государство». Иногда в качестве синонима употребляются понятия «концессуальная демократия» или «политическая экономия на основе переговоров». Такой тип государственного устройства предполагает взаимодействие централизованного правительства с другими секторами, также в большей или меньшей степени централизованными. К этому же типу демократий можно отнести Швецию, Норвегию, Финляндию, Бельгию, Нидерланды, ФРГ, а также отчасти Италию, причем степень централизации существенно разнится. Швеция имеет умеренно децентрализованный характер, в то время как Нидерланды относятся к числу высокоцентрализованных стран – даже мэров городов назначает правительство. Рабочее движение, равно как и федерации работодателей, также централизованы. Можно привести пример Федеративной Республики Германии, в которой действует 16 мощных профсоюзов. Так, профсоюз металлистов «ИГ Металл» занимается координацией деятельности профсоюзов и имеет 3,5 млн членов, является важнейшим участником трояственного «политического торга» при определении политического курса правительства и в выборных кампаниях.

В этом случае складывается система «торга» среди множества групп интересов, причем экономический блок приобретает приоритетное значение. При этом происходит своего рода размывание границ между публичной и частной сферой, в сферу «торга» попадает очень широкий круг вопросов. Речь идет не только об уровне заработной платы, продолжительности рабочего дня и условиях труда, как это, например, происходит в США. «Торг» включает практически все вопросы современной социальной политики и политической экономики – инфляцию, платежный баланс, экономический рост, производительность труда, инвестиции и т.д. Эта практика, объединяющая за метафорическим «круглым столом» трех основных акторов – государство, предпринимателей и трудящихся, широко применяется в капиталистических обществах начиная с 1950 г.

Опыт ряда стран показывает, что концессуальная демократия обеспечивает более мирный порядок в обществе. Обычно уровень забастовочного движения в них существенно ниже, чем при других типах демократического устройства.

То же можно сказать и о специальных программах, направленных на снижение современных рисков в обществе. Однако подчеркнем еще раз – это возможно при мощном давлении и контроле над предпринимателями и государственной бюрократией со стороны структурированного движения трудящихся в рамках гражданского общества. Весьма показателен, например, опыт Дании – конституционной монархии с 1848–1849 гг. Но лишь к 1901 г. в этой стране завершилась борьба за ликвидацию права монархов назначать министров. Именно тогда впервые король назначил министров, опираясь на большинство в парламенте. В 1915 г. женщины получили право голоса, а с 1920 г. была введена пропорциональная электоральная система. И только в 1953 г. принцип парламентаризма был внесен в конституцию Дании. С конца XX столетия Дания считается «концессуальной демократией», сочетающей прагматическую политическую культуру с крайне низким уровнем конфликтности в обществе.

Система государства «всеобщего благоденствия» шаг за шагом формировалась с конца XIX столетия, что нашло свое выражение, помимо всего прочего, в широких полномочиях местных органов власти. Таким образом, датский путь к демократии начался довольно рано (по сравнению со многими другими государствами), носил поэтапный и постепенный характер.

В 1536 г. Дания стала лютеранской страной. По мнению датских исследователей Тима Кнудсена и Уффе Якобсена, «Реформация была наиболее важной исторической предпосылкой ранней грамотности, гомогенности и децентрализованного управления помощью бедным и позднее структуры „обеспечения благосостояния“ на Севере. Короче, если и существует нечто, достойное быть названным „Скандинавской моделью“, включая концессуальную и децентрализованную демократию и универсалистское „государство всеобщего благоденствия“, то оно базируется на Реформации» [3, р. 4].

По Роберту Далю, низкий уровень культурных конфликтов создает благоприятные условия для демократизации. На протяжении нескольких столетий королевство Дания было многонациональным государством, объединившимся в единое национальное государство в результате нескольких проигранных войн. При этом от Датского королевства отделились Норвегия, Шлезвиг-Гольштейн, часть территории отошла к Швеции. Согласно Версальскому договору 1919 г. в пограничном районе был проведен референдум, в результате которого северная часть Шлезвига была возвращена Дании. Так, после 1920 г. Дания превратилась в мононациональное государство.

Уровень гомогенности датского населения был очень высок практически до последнего десятилетия XX в., когда появились группы иммигрантов и беженцев – так называемые новые датчане. Гомогенность предполагает не только единую национальность, но и единство верований. В 1973 г. 95 % населения принадлежало к государственной церкви. Дания уже более ста пятидесяти лет не знает никаких межнациональных или межконфессиональных конфликтов.

Не было никаких националистических проявлений, хотя уровень патриотизма был традиционно высок. Еще одним аспектом датской модели является ценность умеренности.

Датская идентичность, помимо всего прочего, была сформирована под влиянием знаменитого поэта-священника Грундтвига (1783–1872). В одной из поэм, известной ныне каждому датскому школьнику, говорится о том, что государство должно бороться не только с нищетой, но и с концентрацией слишком большого богатства в руках немногих. Аналога такого типа эгалитаризма и антиэлитизма практически нет нигде в мире. Так складывалась датская версия «хорошего общества», в котором государство призвано обеспечивать социальную безопасность для своих граждан, причем делать это не сверху, а снизу, через активное участие самих граждан в решении важнейших социальных и политических проблем. Проект «государства всеобщего благоденствия», таким образом, в датском варианте означает проект одной нации.

В научной литературе часто можно встретить утверждение, что наличие развитого буржуазного класса и капиталистического рынка также способствуют демократизации, это же утверждение обычно распространяется на свободных крестьян-землевладельцев. Такой вариант весьма типичен для некоторых прибрежных районов Западной Европы, в то время как низкий уровень урбанизации и наличие крепостничества создают низкий потенциал для демократизации.

Хотя уровень урбанизации в Дании был весьма высок уже в раннем Модерне, датские крестьяне еще в XVIII в. не имели земли. Однако они никогда не находились в наследуемой личной зависимости без каких-либо гражданских прав или прав на собственность (*Leibeigenschaft*). Среди крестьян существовала система взаимозависимости, которая распространялась и на землевладельца. Землевладельцы зависели от крестьян, поскольку 9/10 земли обрабатывалось арендаторами. Королевский указ 1682 г. запретил землевладельцам выгонять крестьян с их ферм. Иными словами, датский крестьянин, в отличие, например, от английского, не мог быть лишен права на свое наследство. Кроме того, существовала система государственного протекционизма по отношению к крестьянам, в немалой степени связанная с традиционно низким уровнем доверия между королем и аристократией. С 1780 г. начался процесс постепенных реформ, который в конце концов привел к возникновению класса независимых фермеров.

Либеральное движение в Дании, получившее развитие после 1830 г., не только выступало против абсолютизма, но и ратовало за свободу торговли. В Конституции 1849 г. ни разу не упоминалась демократия, но были гарантированы права собственности. В целом развитие датского конкурентного капитализма опиралось на сильные эгалитаристские тенденции и массовое участие. Уже в конце XIX столетия началось интенсивное развитие кооперативного

движения в сельском хозяйстве, основой управления стал принцип «один человек – один голос», а не доля внесенного имущества. Этому способствовали элементы идеологии опоры на собственные силы – важный элемент в датской политической культуре.

Таким образом, условия для формирования национального государства и демократизации в Дании были исключительно удачными. Преемственность, гомогенность, священники, чьим призванием было распространение грамотности, участие множества крестьян в децентрализованном управлении обществом, рыночная экономика, меритократически сориентированная, практически некоррупцированная бюрократия, пользующиеся доверием суды и сильный гражданский контроль над военными – все было противоположно тому, что наблюдалось в Восточной Европе и в России.

Само абсолютистское государство постепенно поощряло свободу ассоциаций, составлявших гражданское общество. Уже к 1848 г. 73 % мужчин старше 30 лет имели право голоса. Даже германская оккупация в период Второй мировой войны не нарушила особого статуса Дании. В ней действовала собственная администрация, и статус оккупации был установлен на основании переговоров между двумя министрами иностранных дел. После окончания войны развернулось движение за большую открытость в управлении. В 1953 г. в Конституцию страны был внесен ряд изменений: введен институт омбудсмана, двухпалатный парламент превратился в однопалатный, упростилась процедура референдумов и т. д. Тем не менее две трети конституции 1849 г. остались без изменений.

В связи с этим встает важный вопрос о временном факторе демократизации. По сравнению со странами Восточной Европы после 1989 г., Дания прошла более длительный и стадийный путь демократизации. В Восточной Европе совпадение во времени трех фундаментальных процессов – разрешение межнациональных конфликтов, регулирование резкой экономической поляризации и неравенства в процессе формирования национального государства, а также переход к капиталистической рыночной экономике («тройственный транзит») – может поставить под вопрос проблему демократизации. На этом фоне у Дании, бесспорно, были значительно лучшие условия для консолидации политического сообщества. Практика транзитных обществ позволяет сделать вывод о том, что правы исследовательницы А. Гжимела-Буссе и П. Лонж, писавшие в одной из своих статей, что «чем быстрее трансформация, тем больше потенциальная роль норм, практик и понимания, унаследованного от прошлого при формировании решений элиты» [2, р. 529].

Особые проблемы возникают в связи с развитием так называемых мировых государств, стремящихся обрести собственную идентичность. Такие нации могут рассматриваться в качестве «политических» как минимум в двух смыслах. Во-первых, во многих случаях они обретают свою государственность только в результате борьбы против колониального господства. Как следствие, их наци-

ональная идентичность находится обычно под сильным влиянием объединяющего стремления к обретению национальной независимости. Национализм в этом случае приобретает форму антиколониализма и носит, по крайней мере в первые годы после обретения независимости, ярко выраженный постколониальный характер. Во-вторых, освободившиеся государства, как правило, сохраняют территориальные границы, доставшиеся им в наследство от колониального периода. Это особенно типично для Африки, где новые государства часто становятся крайне диверсифицированными, объединяя широкий спектр этнических, религиозных и региональных групп, связанных между собой лишь немногим большим, нежели общее колониальное прошлое. В результате этого многие африканские «нации» отличаются крайней религиозно-этнической раздробленностью при несовпадающих социальных интересах. Например, в Нигерии проживает 250 племен. Для таких стран гражданские войны оказываются обычной практикой. Одна из ожесточенных гражданских войн в Нигерии продолжалась около трех лет, когда живущие на востоке страны племена Ибо попытались выйти из состава страны и создать собственное независимое государство Биафра.

Некоторые формы национализма носят жестко антилиберальный и нетерпимый характер. Такой эксклюзивный национализм, как правило, представляет собой ответ на реальную или перцептивную угрозу извне или изнутри, провоцирующую обостренное чувство единства и часто находит свое выражение во враждебности по отношению к другим нациям. Интегрированность нации может быть подвергнута множеству вызовов, включая быстрое социально-экономическое развитие; фундаментальные реформы, к которым общество может быть неготовым; политическую нестабильность; конкуренцию внутри общества между разными группами, переходящую в конфликт; массовую иммиграцию; быстрый рост военной мощи соседних государств. В подобных случаях национализм предлагает образ упорядоченного, безопасного и единого сообщества. Такой национализм неизбежно отрицает принципы либеральной демократии и обычно ассоциируется с авторитаризмом.

Либерализм предполагает совершенно иную форму национализма, традиционно утверждая, что национализм – это толерантная и демократическая по своему характеру идеология, хорошо сочетающаяся с международным миром и космополитизмом. С начала XIX столетия такие мыслители, как Ричард Кобден и Джон Брайт, а также другие либералы, принадлежавшие к так называемой манчестерской группе, выступали за свободу торговли на том основании, что она будет способствовать взаимопониманию на международном уровне, что в конце концов сделает войну в принципе невозможной. Либералы, таким образом, полагают, что если главная цель национализма будет достигнута и каждая нация станет самоуправляющимся единством, основная причина международного конфликта будет устранена: у национальных государств не будет стимула

воевать друг с другом. Культурное и этническое своеобразие, по их мнению, не только не угрожает национальному единству, но и обогащает жизнь общества и способствует взаимопониманию людей.

Либералы и социалисты соглашались с тем, что космополитизм подвергает сомнению идею нации как естественного, природного единства. Они отвержены разным формам интернационализма, предполагающего, что политическая деятельность в конечном счете будет организована в интересах всего человечества, а не отдельных наций. Эти убеждения опираются на положение об универсальной природе человека, преодолевающей лингвистические, территориальные, этнические и национальные границы. Сейчас же приходится констатировать, что в контексте глобализации наднациональные формы политической ассоциации будут играть все более важную и легитимную роль. Важнейшими детерминантами этой роли становятся прогресс в развитии техники вооружений, прогрессирующая интернационализация экономической жизни и растущее понимание того, что само выживание, сохранение человечества зависят от поддержания глобального экологического баланса.

Простое применение национального суверенитета предполагает, что каждая нация должна быть полностью независимой. Следствием этого становится анархический мировой порядок. Теоретики классического суверенитета проявляли мало озабоченности относительно опасностей международной анархии, поскольку вооруженные силы в то время, когда они писали свои труды, представляли собой относительно небольшие армии, воевавшие преимущественно друг с другом и отнюдь не обязательно затрагивавшие жизнь населения. Ситуация радикально изменилась именно в период Первой мировой войны. Столкновения армий, насчитывающих благодаря мобилизации несколько миллионов человек, оснащенных относительно совершенным вооружением, включающим танки, отравляющие газы и аэропланы, использованные во время военных действий впервые, привели к гибели 10 млн человек и разрушению значительных территорий по всей Европе. Результатом Первой мировой войны стали попытки установить новый мировой порядок, ограничивающий независимость отдельных национальных государств.

Воплощением этого нового порядка стала Лига Наций, пытавшаяся установить контроль над вооружениями и ростом армий, создав форму для разрешения международных конфликтов через переговоры, поддерживаемые, по крайней мере в теории, способностью накладывать экономические и политические санкции. Следующая серия инициатив завершилась подписанием 65 странами пакта Бриана – Келлога (1928 г.), поставившего войну вне закона, за исключением случая необходимой самообороны.

Вторая мировая война в еще большей степени подтвердила правильность этого пути. Новая эпоха началась с момента первого применения ядерного оружия американцами против японских городов Хиросима и Нагасаки. Планы

по созданию новой международной организации возникли в период войны и завершились подписанием в июне 1945 г. Сан-Францисского договора, одобренного 50 национальными государствами. Устав ООН признает суверенитет каждого государства в легальном смысле, а также право наций на самоопределение. Меры, предпринимавшиеся Советом Безопасности ООН, а также резолюции Генеральной Ассамблеи заложили основы современного международного права. В ядерную эпоху, когда все большее число государств получает доступ к средствам массового уничтожения, анархия независимых и суверенных государств может стать попросту неприемлемой. По мере распространения стремления к собственному суверенитету, грозящему ядерным конфликтом, вопрос о наднациональном суверенитете становится исключительно актуальным.

Перспективы национальных государств в экономическом порядке также весьма сомнительны, поскольку в мировой экономике все более важную роль играют транснациональные корпорации и международная торговля. Подобно тому как в XIX столетии стремление к национальному суверенитету стимулировалось стремлением к расширению национальных рынков, в XX в. устремленность к экономическим преимуществам движет развитием прогрессирующей интернационализации торговли. Международная торговля открывает перспективы взаимной выгоды, поскольку позволяет государствам специализироваться в производстве товаров и услуг, наиболее эффективных для него. После Второй мировой войны систематически предпринимались усилия по развитию международной торговли с помощью Международного валютного фонда, Мирового банка и ВТО. Процесс экономической интеграции в Европе также внес важный вклад в поддержание этой тенденции.

Наконец, многие политологи рассматривают национальное государство как угрозу окружающей среде, т. е. самому существованию человечества. Начиная с 1960-х гг. экологизм показывает, насколько близко человечество подошло к самоуничтожению. Главный принцип экологизма заключается в том, что все живые существа взаимозависимы, создают экосистему, в которой человек занимает важное, но отнюдь не главное место.

Национальный суверенитет допускает, как правило, лишь краткосрочные решения в интересах отдельных народов, не принимая во внимание долгосрочные интересы развития всего человечества. Прогресс в защите человека требует, таким образом, наличия международных и наднациональных институтов, которые в свою очередь могут быть достаточно авторитетны для принятия решений к исполнению, а также лояльны по отношению к самим себе со стороны большинства населения планеты. Иными словами, возникла необходимость в формировании и конструировании мирового сообщества.

Библиографический список

1. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso. 1983.
2. *Grzymela-Dusse A., Lounge P.J.* Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism // Politics and Society. 2002. Vol.30. N 4.
3. *Knudsen T., Jakobsen U.* The Danish Path to Democracy: Paper for the Second ECPR General Conference. Marburg, 2003.
4. *Ruggie J.* Territoriality and Beyond // Problematizing Modernity in International Relations 11 International Organization. 1993. Vol. 47. N 1.
5. *Wilenski H.* Rich Democracies. Berkeley: University of California Press, 2002.

БАРЬЕРЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКО- АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЭЛИТЫ

.....

А. А. Гнедаш*

Принцип равенства политического представительства мужчин и женщин заложен в Конституции РФ. В реальной жизни женщины продолжают оставаться дискриминируемой социально-демографической группой. Дискриминация женщин на современном этапе проявляется прежде всего при реализации тех политических прав, которые непосредственно связаны с формированием политико-административных структур.

В 2004 г. в законодательных органах 7 областей РФ женщины-депутаты отсутствовали. Самую большую группу – 50 субъектов Федерации, в том числе и Краснодарский край, – составляли регионы, где число женщин в законодательных органах колебалось от 1 до 10 %. В 25 субъектах удельный вес женщин-депутатов составляет от 11 до 20%, в 5 субъектах – от 20 до 30 %. В парламентах трех субъектов женщины составляют от 30 до 43 %, в их число входят два автономных округа и одна автономная область [5, с. 164–171]. В целом в учреждениях государственного управления женщины численно преобладают (70 %), но на высшем уровне власти женщин почти нет: чем он выше, тем больше представлены мужчины и менее женщины [5, с. 164].

Это дает право говорить о дискриминационной практике, которая, с одной стороны, относится к основным ресурсам конструирования гендера – создания между полами различий, не являющихся естественными, сущностными или биологическими, с другой стороны, сама формируется под воздействием гендерной системы, существующей в обществе.

В то же время конструирование дискриминации само основывается или подпитывается широко распространенными стереотипами об особенностях гендерных ролевых репертуаров в публичной сфере и в сфере управления в

* Гнедаш Анна Александровна, преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: ana_gnedash@lenta.ru.

частности [4, с. 32; 3, с.78]. Цель настоящей статьи – показать, что эти стереотипы в большей или меньшей степени разделяются женщинами и мужчинами, занятыми в сфере управления.

В 2005 г. автором было взято 25 интервью у представителей политико-административных элит: депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края (8 чел.), служащих администрации Краснодарского края (8 чел.) и муниципальных образований (9 чел.), занимающих руководящие должности¹ (начальники управлений, заведующие отделами, руководители комитетов).

1. Качество взаимодействий на работе

Чтобы проверить, детерминируется ли наличие гендерных пирамид в органах власти и управления индивидуальными гендерными предпочтениями, задавался вопрос: «С кем Вам легче работать: с мужчинами или с женщинами?» Указанная формулировка не фокусирует внимание на дискриминации, а потому позволяет в нейтральном контексте выявить наличие или отсутствие различий в конструировании гендерных образов в сфере рабочего взаимодействия. В результате выявились разные подходы.

Гендерная эгалитарность. К этому подходу мы отнесли те высказывания, в которых респонденты говорили о том, что им все равно с кем работать. Для этого подхода характерно заострение внимания на профессиональных и деловых качествах работников, а также на способности сосредоточиться на работе для получения наилучших результатов. Встречалось и эксплицитное отрицание влияния роли биологического пола на качество рабочих взаимодействий. Данный подход выражали и мужчины, и женщины:

«В работе пол не играет никакой роли»; «я оцениваю не пол, а деловые качества», «специалистов нельзя делить по полу, главное – насколько человек профессионал», «легко работать с профессионалами», «главное – человека заинтересовать работой».

Женский фаворитизм. К этому подходу мы отнесли те высказывания, в которых подчеркивались особенные «женские» качества, отсутствующие или менее выраженные, по мнению респондентов, у мужчин. При этом респонденты-мужчины формулировали свои предпочтения в функционалистской риторике разделения труда между мужчинами-руководителями и женщинами-исполнителями (в терминах господства и подчинения), тогда как женщины, по сути, о тех же самых деловых качествах говорили в терминах сотрудничества и личной вовлеченности в общее дело.

¹ Два принципа построения выборки: доступность для интервьюера (автора) и соблюдение гендерного представительства.

Мужчины: *«Самые лучшие работницы, исполнители – женщины»; «Женщины более усидчивы, трудолюбивы, исполнительны, ими легче командовать, а мужчины чаще уклоняются от работы».*

Женщины: *«Женщины не считаются со временем, более дисциплинированы, пока все не сделают с работы, не уйдут»; «С женщинами мне работать легче – они пропускают все через сердце и докапываются до истины».*

В подобных рассуждениях проявился стереотип «наилучшего работника» – семейная женщина 30–40 лет с одним ребенком. В силу возраста она лишена амбиций и в карьерном, и в личном планах и при этом мотивирована добросовестно работать.

Мужской фаворитизм. Этот подход встретился только в интервью с законодателями, причем с большим содержательным разнообразием. В частности, мужчинами использовалась риторика гомосоциальной нормальности (*«Работать с мужчинами – это нормально, главное, чтобы в основе был профессионализм»*) и укорененные в «природе» эмоциональность и неспособность женщин работать на коллективную задачу:

«В ЗСК специалисты не должны выражать свои эмоции, а это могут только мужчины»; «Природой заложено соперничество между женщинами. Они постоянно соревнуются, кто лучше выглядит, это очень мешает работе».

Отметим, что в предыдущем случае – в риторике «женского фаворитизма» – и мужчины, и женщины подчеркивали именно коллективизм женщин – их способность концентрироваться на работе. К сожалению, выборка и собранные данные не дают права говорить о том, что нам удалось зафиксировать какие-то различия между ветвями власти. Однако гипотеза о том, что возможности для позитивного проявления «женских» деловых качеств в исполнительной и законодательной ветвях власти различны, заслуживает внимания: ценимая в женщинах скрупулезность может быть вредна (!?) при принятии политических решений:

«Женщины более склонны все детализировать, уделяют внимание мелочам, более тонкие натуры, чем мужчины».

Упомянутая утонченность женщин может мешать им быть требовательными (особенно если под требовательностью понимается грубость и игнорирование личностных особенностей подчиненных):

«Мне сложно требовать от женщин исполнения их должностных обязанностей. Мне хочется их пожалеть. У них всегда столько проблем в доме, в семье, они постоянно об этом думают, переживают».

Пребывание в меньшинстве, обладание особыми качествами таит не только недостатки, но и известные преимущества. Уверенная в себе женщина, добившаяся равного с мужчинами статуса, именно благодаря завоеванному равенству едва ли не автоматически получает (как бонус) дополнительные пре-

имущества. Эти преимущества связаны не с гендерной солидарностью, а с индивидуальными достижениями за счет коммуникативных навыков и умения пользоваться властью «слабого пола»:

«Мне легче работать с мужчинами, потому что с ними проще договориться, иногда в работе чуть-чуть помогает женственность».

2. Гендерные требования к руководителю

Сопоставляя гендерные предпочтения в работе с представлениями экспертов о руководителе каждого типа коллектива, выделим следующие гендерные модели возможного взаимодействия управляемых и управляющего. Отвечая на вопросы «Кто на Ваш взгляд, должен быть руководителем коллектива по преимуществу мужского/женского?», эксперты проявили свои проекции гендерной асимметрии политико-административных элит.

Гендерный фаворитизм. Гендерные стереотипы, особенно у мужчин-экспертов, не допускают женщин к руководству женским, а тем более мужским коллективом. Модели обоснования этого тезиса встретились самые разные. В частности, в законченной форме был озвучен известный принцип «стеклянного потолка»²:

«Руководить мужчинами должен мужчина, чтобы мужским коллективом руководила женщина, она должна быть во много раз лучше всех мужчин вместе взятых».

Аналогичное высказывание встретилось в интервью с женщиной-экспертом, из которого следует, что мужчине-руководителю могут простить гораздо больше, чем женщине:

«Мужчины терпят женщину-руководителя, если она проводит взвешенное, правильное решение».

Неспособность женщин к руководству (к исполнению функции в публичной сфере) объяснялась некоторыми мужчинами в терминах интимной сферы:

«Проблема в том, что женщина-руководитель любит ушами и не может плохо относиться к людям, которые ей делают комплименты. Мужчина любит глазами – у него другой подход к документам».

Кроме того, в этой фигуре сравнения производится подмена объекта восприятия: то, как *женщина* (в соответствии со стереотипом) воспринимает человека, сравнивается с тем, как *мужчина* воспринимает документ – неживой предмет. Ясно, что при желании (точнее, если исходить из альтернативного сексистского предрассудка) используемую фигуру можно было бы обратить

² «Стеклянный потолок» – невидимые и формально не обозначенные барьеры, которые препятствуют карьерному росту женщин. См.: Словарь гендерных терминов // <http://www.owl.ru/gender/202.htm>; Breaking through the glass ceiling. P. 2.

в пользу женщин: поскольку женщина любит ушами, а документы молчат, то именно женщина способна объективно воспринять написанное...

Неспособность женщин к руководству связывалась и с другими якобы врожденными гендерными особенностями, которые на самом деле формируются в процессе воспитания и поддерживаются в практике повседневных социальных взаимодействий [2, с. 243; 1, с. 276; 6, с. 22]. В частности, речь идет об отсутствии лидерских качеств и неспособности к особому стилю общения:

«Руководителем должен быть лидер, а женщины ими быть не могут»; «Мужчинам легче руководить – у них другой уровень общения. Например, ненормативный лексикон – это облегчает понимание».

Последнее обстоятельство весьма красноречиво характеризует особенности либо (привычной) политической культуры – общение с равными себе политиками, принимающими решение, либо стиль общения руководителя со своим штабом или аппаратом³.

Не годится, по-видимому, и индивидуальный подход в сочетании с доверием профессионализму сотрудников и их обязательности:

«Мужчины более критичны к подчиненным, а женщины более доверительны к людям, поэтому часто обманываются»; «Главное условие для мужчины-руководителя – относиться ко всем одинаково: и к мужчинам, и к женщинам. Женщины так не могут».

Риторика маскулинного империализма («Только мужчина может быть настоящим руководителем») противостояла риторике гендерной сегрегации: «Женским коллективом успешно может руководить только женщина». Причем в этой риторике встретилась и ориентация на оптимальные взаимоотношения и взаимопонимание, и ориентация на успех дела:

«Женщине-руководителю легче работать с женщинами»; «Женщинами должна руководить женщина, иначе они будут влиять на мужчину в своих интересах».

Гендерная эгалитарность. В риторике эгалитарности упор делается на гендерно нейтральных деловых качествах под лозунгом «все равно кто управляет»:

«Руководитель в первую очередь должен быть профессионалом, а в последнюю уже определять лидера по полу. Коллектив оценивает руководителя по качествам и работает с ним или с ней»; «Есть прекрасные руководители женщины, но их так мало, что их заслуги и достижения не сразу приходят на ум».

³ В советское время ленинградскими исследователями было установлена связь между производительностью заводских бригад и интенсивностью коммуникативной активности бригадира. По-видимому, интенсивность коммуникации обеспечивает успех управленческой деятельности в гораздо более широком пространственном и временном ареале [8].

Во многих интервью проявилось представление о мужском страхе перед женщиной-руководителем, связанном с тем, что эксперты не могут адекватно судить о женщинах-руководителях из-за отсутствия опыта работы под их началом. Также проявились патриархатные стереотипы, в основе которых лежит мужское доминирование во всех сферах и которые определяют женщину только как хорошего исполнителя и подчиненного; ни один из мужчин-экспертов не рассматривал возможность достаточной профессиональной подготовки для занятия женщиной должности руководителя. Руководителям-мужчинам труднее критиковать результаты труда женщин, чем мужчин, поэтому женщины имеют худшие обратные связи, меньше возможностей узнать правдивую оценку своей работы, ликвидировать промахи и добиться лучших результатов. Вышедшая за рамки соответствующей гендерной роли, женщина-руководитель детерминируется окружающими как «существо», дестабилизирующее предписания полу и нарушающее механизм гомосоциального воспроизводства⁴ политико-административных элит.

3. Качества руководителя

В описаниях лидера и женщины, и мужчины делали упор на профессиональные качества, умение вдохновлять людей, вести их за собой и убеждать:

«Лидер – человек, обладающий умом, талантом, организационными способностями, высокой порядочностью, это правильный лидер»; «Лидер – человек, который может вдохновить друзей, коллег, население на выполнение обязанностей»; «Большое значение имеют волевые качества, способность принять правильные и быстрые решения».

А вот в списках упомянутых личностных качеств проявилась гендерная асимметрия. Мужчины подчеркивали, что лидер должен уметь навязать свою волю и использовать людей для достижения поставленных целей:

«Лидер – это авторитетный человек для подавляющего большинства»; «Лидер может навязать свою волю окружающим»; «Лидер убеждает всех личным примером»; «Лидер умеет людей использовать»).

Женщины-эксперты выделили такие качества, как порядочность и авторитет, порождающий желание равняться на лидера, чувство юмора:

«Профессионал, с чувством юмора»; «умеет вдохновить на работу, поддерживать инициативу»; «умный, настойчивый, который может увлечь, поддержать, на кого хочется равняться, даже зная, что ты умнее»; «главное, чтобы он продвигал твои идеи, а ты можешь почерпнуть у него умения, которых нет у тебя»; «порядочность, честность, искреннее отношение к людям, забота о любом человеке».

⁴ Гомосоциальное воспроизводство – свойственная организациям тенденция отказа от неоднородности групп [7, с. 392; 10, р. 63].

Для выявления представлений о лидерских чертах мужчин и женщин использовался метод перекрёстного опроса, позволившего получить четыре вида гендерно дифференцированных оценок:

1) мужчины о качествах лидера-женщины – *«тактичность, мужчины меньше ее боятся как конкурента и не оценивают как соперника», «красота, корректность», «нет таких качеств»;*

2) женщины о качествах лидера-женщины – *«профессионализм, порядочность, внимание к другим, умение слушать и понимать, ораторские способности», «должна быть интересной, открытой, умной, иметь прекрасный имидж, уметь себя держать», «взвешивать принятые решения»;*

3) мужчины о качествах лидера-мужчины – *«жесткость, идти напролом, ломать все барьеры», «коммуникабельность, умение четко представлять проблему и решить ее», «умение так использовать обстоятельства, чтобы дальнейший событийный ряд был в его пользу», «решиительность, деловые качества»;*

4) женщины о качествах лидера-мужчины – *«жесткость», «может быть хоть Квазимодо», «должен быть умным, порядочным, чистоплотным, правильно говорить, с чувством юмора».*

Несмотря на то что лидерские качества имеют общую природу и не зависят напрямую от половых различий (*«Есть разные женщины-лидеры и разные мужчины-лидеры»*), можно выделить почти полное совпадение качеств человека-лидера и лидера-мужчины в представлениях обоих гендеров-экспертов (*«Лидером может быть только мужчина, для женщин это противостоит естеству, поэтому и черты мужские», «женских лидерских черт нет, а вот мужских много: профессионализм, коммуникабельность, умение слушать других и принимать ответственные решения»*) и наблюдать привнесение в модель женщины-лидера набора типичных фемининных качеств (*«Женщине всегда должна быть свойственна красота, корректность, а мужчине – решительность, деловые качества»*). Некоторые эксперты отказались проводить дифференциацию качеств, но мотивация была разной: мужчины-эксперты определили, что *«нет таких женских лидерских качеств»*, а женщины-эксперты отметили следующее: *«Нельзя выделять лидерские качества по полу. Иначе получается, что у мужчин этих качеств больше, а у нас меньше»;* *«Женщины очень редко бывают лидерами и у всех мнение, что они ими быть не могут, очень жаль, так в женщине много хороших качеств, которых часто не хватает мужчинам-лидерам – они всегда топчутся по головам тех, кто под ними».*

Можно сделать вывод, что и мужчины, и женщины центрированы на задаче, но женщины в большей степени, чем мужчины центрированы на работниках (*«Жесткие лидеры, властные, великолепные руководители, не всегда достигают в коллективе тех результатов, что мягкие, человеческие женщины-лиде-*

ры»; «В управлении у нас большинство мужчин и они не привыкли работать с женщиной как с равной»). К тому же появление женщины в группе мужчин приводит к амортизации агрессивности последних («Многие вещи мужчины решают в компании, женщина стесняет мужчин, заставляет их быть в рамках»).

Совпадение качеств лидера-человека и лидера-мужчины наблюдалось практически у всех групп экспертов. Говоря о женщинах-руководителях, эксперты добавляли нестандартные лидерские характеристики. Результаты качественного анализа подтверждают мысль о наличии социально сконструированных (гендерных) границ проникновения на высшие должности в политико-административных элитах. Данные представления формируют стереотипы и «стеклянный потолок» – уровень, выше которого женщины не поднимаются.

Интерпретируя ответы экспертов, можно выделить наиболее распространенные стереотипы, которые формируют «стеклянный потолок» в нашем регионе:

1) женщины-руководители имеют более слабый профессиональный капитал; хороший руководитель – это прежде всего мужчина, а не женщина в силу своей биологической непригодности к данной роли: «Женщина не всегда тянет на хорошего организатора. Мужчина по своей природе уже „перст указующий“»; «Есть внутренние особенности у организма. У женщин-лидеров сбой этого внутреннего механизма, что приводит к патологиям. Нормальная женщина не может быть хорошим политиком. Это ей не надо, как не дано мужчинам рожать»;

2) женщины сами не хотят выполнять функции руководителя, которые предполагают частые поездки, повышенный риск и физические нагрузки: «Мужчине просто легче быть лидером, он не связан бытовыми проблемами, обязанностями, временем»;

3) у женщин более высокая склонность к исполнительским видам деятельности, послушание, более высокая терпимость к выполнению монотонной работы и более высокая готовность соглашаться на низкую оплату труда и меньшая потребность в обеспечении дохода: «Мне легче работать с женским полом, они более исполнительны, более ответственно относятся к порученному делу», «К сожалению, негласно понятие того, что власть – удел мужчин»;

4) для того чтобы успешно конкурировать в сфере власти и управления женщины вынуждены принимать мужские ориентации и мужскую систему ценностей, менять свой психотип, в итоге они начинают транслировать «маскулинную картину мира» и «забывают свои собственные женские черты».

Таким образом, барьеры рекрутирования женщин в политико-административные элиты конструируются стремлением организаций к гомосоциальному воспроизводству. Пытаясь уменьшить разнохарактерность оценок и межлич-

ностных отношений в сфере выполнения должностных обязанностей, организационные структуры стремятся к однородности своих членов, они привлекают и тянут вверх тех, кто им подобен и по половой принадлежности, и по ментальности, и по поведению, но отвергают тех, кто не похож на них. Колебания при принятии решений влияют на единство мнения внутри политико-административных элит, и виновниками этого выступают женщины, воспринимаемые как Другие, как непонятливые и непредсказуемые. Гомосоциальное воспроизводство, наряду с субъективными факторами, объясняет сложившуюся «маскулинную культуру» политико-административных элит.

Сохранению барьеров способствует институционализация патриархатных стереотипов в феномене «стеклянного потолка». Данный феномен объясняют, исходя из устойчивости связанных с полом стереотипов, которые отстраняют женщин от занятия определенных должностей и замыкают их в рамки социально приемлемого поведения.

Воспроизводство данных барьеров происходит путем:

- детерминирования биологических функций и семейных обязанностей женщин для оправдания и воспроизводства механизма дискриминации, что порождает ролевые конфликты между женственностью и компетентностью и лишает объективности оценку трудовых достижений женщин;
- гендерной системы ролей женщина-исполнитель и мужчина-руководитель, проецируемой в сознании граждан, замещающих должности государственной гражданской службы, как привычная. С помощью гендерных границ выстраивается традиционная (патриархатная) иерархия власти.

Библиографический список

1. Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2005.
2. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
3. Вариации на тему гендера / Отв. ред. Т.А. Мелешко, М.В. Рабжаева. СПб.: Алетейя, 2004.
4. Женщины в парламенте. По ту сторону цифр. Ереван: б.и., 2003.
5. Женщины и мужчины России 2004: Стат. сб. М.: Росстат, 2004.
6. Клецина И.С. Психология гендерных отношений. СПб.: Алетейя, 2004.
7. Липовецки Ж. Третья женщина. СПб.: Алетейя, 2003.
8. Методы социальной психологии Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
9. Breaking through the glass ceiling. Women in management. Report for discussion at the tripartite. Geneva: ILO, 1997.
10. Kanter R. M. Men and women of the corporation. N.Y.: Basic book, 1977.
11. Словарь гендерных терминов// <http://www.owl.ru/gender/202.htm>.

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ИНТРАИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ

.....

Д. А. Марьяненко*

Давнее стремление психологов построить универсальный категориальный аппарат для описания личности привело к порождению множества конкурирующих теорий, списков личностных черт и типов личности. К признанным дескриптивным моделям относятся пять ортогональных (независимых друг от друга) суперфакторов, обобщенных личностных черт, получивших название «большой пятерки» (Big Five, B5) [8; 10; 15]. Это экстраверсия (E), нейротизм (N), сотрудничество (дружелюбие) (A), добросовестность (C) и открытость опыту (O). Если начальные буквы английских названий пяти факторов расположить в иной последовательности, получится слово OCEAN. Считается, что эта аббревиатура не только помогает запомнить названия черт, но и вызывает «ассоциации с бездонной глубиной или же с беспокойной поверхностью личностной сферы» [10, с. 14].

Наиболее весомые критические замечания в адрес B5 сводятся к тому, что выделенные 5 факторов являются поверхностными, а не сущностными характеристиками личности – своеобразным обобщением обыденного сознания (реконструированного, впрочем, при помощи научных методов), набором типичных конструкторов, которые используются при познании и оценивании незнакомых и малознакомых людей. Описание личности в терминах пяти психологических свойств, некоторые из которых имеют больше врожденную природу, а другие формируются в социуме, не дает возможности понять целостную индивидуальность.

Если признать, что личностные характеристики B5 отражают поверхностные перцептивно-оценочные конструкторы обыденного сознания, то приближение к

* Марьяненко Дарья Александровна, преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: psyhoder@manag.kubsu.ru.

сущностным характеристикам исследуемой личности, очевидно, возможно в том случае, если мы будем знать, как связаны факторы В5 с ее ценностно-мотивационными характеристиками (последние имеют более непосредственное отношение к ядерным, сущностным структурам личности). Если поставить вопрос шире, речь идет о необходимости прояснения некоторых интраиндивидуальных связей, а в операционально-методическом плане – между данными, получаемыми в виде профиля личностных черт и в виде ценностного профиля.

О необходимости комплексного исследования индивидуальности, выявления связей между одноуровневыми свойствами (принадлежащими к одному уровню индивидуальности) и между разноуровневыми свойствами писали Б.Г. Ананьев, В.С. Мерлин, Т.Ф. Базылевич и др. [1; 14; 2]. Не касаясь дискуссий между сторонниками терминов «индивидуальность» и «личность» (в широком смысле, с включением характера и темперамента), отметим, что многоуровневость регуляции и соответствующих свойств/черт признается большинством психологов, независимо от их теоретических ориентаций, а потому указанные проблемы не перестают быть актуальными. Одним из направлений исследований в этой области являются попытки изучения связей личностных черт и ценностных предпочтений. Так, С.С. Бубнова считает важнейшей характеристикой системы ценностных ориентаций многоуровневость и выделяет в системе ценностных ориентаций личности ценности, закрепляющиеся в процессе жизнедеятельности и проявляющиеся как свойства, черты личности: общительность, любознательность, активность, доминантность [4]. На взаимосвязь черт личности и ценностей указывал еще М. Рокич, который предложил различать терминальные и инструментальные ценности [17]. Терминальные ценности – это убеждения в том, что определенные конечные цели индивидуального существования заслуживают того, чтобы к ним стремиться. Инструментальные ценности – это убеждения в том, что определенный образ действий или свойство личности (например, честность, рационализм) является предпочтительным в большинстве ситуаций. Это различие соответствует делению на ценности-цели и ценности-средства, последние, в свою очередь, указывают на некоторые личностные черты.

Конечно, не следует отождествлять личностные черты, которые субъект считает желательными, ценными, с теми, которые ему фактически свойственны. Однако и отрицать определенную взаимообусловленность первых и вторых было бы неправильно. Интерес исследователей к таким взаимосвязям непостоянен. Остановимся на некоторых причинах этого. Доминирующая традиция изучения личностных черт, сложившаяся главным образом в англо-американской психологии (имеются в виду факторные исследования), предполагает выявление индивидуальных диспозиций, определяющих наиболее вероятное поведение личности в типичных ситуациях. Эта декларируемая сфокусированность эмпирической психологии личности на предпочтениях в

поведении на время отодвинула на второй план проблемы аксиологического слоя индивидуального сознания, представлений личности о должном. И тому были свои причины. Аттитюды и ценностные ориентации в тот период чаще изучались социальной психологией и социологией, а не психологией личности. Как показали социально-психологические исследования (начиная с известного эксперимента Р. Лапьера в 1930-е гг.), выявляемые аттитюды плохо предсказывают фактическое поведение человека. Тогда ценностные ориентации личности следовало считать еще менее связанными с поведением. Это нашло отражение в теориях, представляющих диспозиции личности в виде иерархической структуры. Например, в схеме диспозиционной регуляции, предложенной В.А. Ядовым [16], более всего с поведенческими актами связаны элементарные фиксированные установки (первый уровень регуляции) и менее всего – ценностные ориентации. В модели, предложенной Б.С. Братусем [3], над психофизиологическим уровнем регуляции расположен уровень психологический или «исполнительский», к которому можно отнести основные наблюдаемые черты личности, тот самый поведенческий рисунок, который для многих психологов был главным объектом интереса. Но глубинная рефлексия, поиск и конструирование личностью смыслов своего поведения, осознанное соотнесение его с собственными представлениями о должном – все это находится не на уровне характера, а на следующем, собственно личностном уровне регуляции. Именно здесь функционируют ценностные ориентации субъекта, особенно если они – результат собственной смысловой работы, а не слепая копия представлений, доминирующих в социокультурном окружении. Б.С. Братусь подчеркивает, что этот уровень регуляции связан с нравственным сознанием личности, с ее отношением к другим людям. Два описанных уровня относительно независимы друг от друга: согласно Б.С. Братусю, бывает хорошая личность с плохим характером и плохая личность с хорошим характером. Вместе с тем постулат о целостности личности заставлял психологов вновь и вновь возвращаться к поискам закономерностей, связывающих уровни между собой. Интерес к этой проблеме, на наш взгляд, во многом подстегивался развивавшимся в психологии личности когнитивным подходом и идеями конструктивизма. Поскольку личностные черты в психологии изучались главным образом с помощью опросников, накапливалось все больше свидетельств, что Q-данные слабо предсказывают фактическое поведение человека. Тесты-опросники и техники шкалирования отражают *представления* личности о своих поведенческих предпочтениях, а также представления об аспектах своей индивидуальности, не связанных с поведением как таковым. Так, в исследованиях 1960-х гг., которые сегодня считаются начальным этапом разработки модели В5, использовались перечни терминов, характеризующих не только черты, но и «внутренние состояния, социальные роли и аффективные процессы» [10, с. 12]. Вскоре ученые осознали проблематичность операционального разделения в составе личностных диспозиций когнитивного, аффективного и поведенческо-

го аспектов. Понятие «личностная черта» стало возможным трактовать значительно шире. Все большее распространение получают трактовки этого понятия с позиций когнитивной психологии личности, психосемантики [11]. Осознание недостаточной операционализации ряда теоретических понятий и связанных с этим методических трудностей послужило еще одним поводом подробнее исследовать, как соотносится то, что традиционно называлось чертами личности, с тем, что именуется ценностными ориентациями. А.А. Лузаков обратил внимание на следующее: «Известно, что пункты (утверждения, вопросы) личностных тестов-опросников обычно имеют самую разную степень обобщенности и могут касаться как выбора или оценки поведения в конкретной ситуации, так и согласия – несогласия с некими абстрактными идеями, общими утверждениями. Чем в таком случае они принципиально отличаются от стимульного материала, обычно используемого для диагностики социальных установок и ценностей?» [13, с. 79].

Представляют интерес некоторые факты, демонстрирующие связи личностных черт В5 с социальными установками, которые в свою очередь могут косвенно указывать на ценностные ориентации их носителей. Риманн с коллегами исследовал группу студентов немецкого университета, чтобы сконструировать инструмент оценки установок по отношению к текущим политическим проблемам [15, с. 141–142]. Посредством факторного анализа конкретных установок было выявлено четыре фактора: 1) общий консерватизм, 2) поддержка движения за увеличение социальной помощи и равноправие женщин, 3) либерализм и вера в технологический прогресс; 4) одобрительное отношение к повышению налогов с целью получения средств на охрану окружающей среды и развитие стран Восточной Европы (исследование проводилось в 1993 г.). Была обнаружена отрицательная связь между общим консерватизмом и шкалой В5 «открытость новому опыту» и положительная связь между консерватизмом и шкалой добросовестности. Шкалы В5 «открытость новому опыту» и «готовность к сотрудничеству» (сговорчивость, дружелюбие) оказались связаны с фактором поддержки социальной помощи и равноправия женщин положительной корреляцией. Фактор веры в технологический прогресс отрицательно коррелировал с нейротизмом, готовностью к сотрудничеству и экстраверсией. Одобрительное отношение к повышению налогов было связано с открытостью новому опыту и сговорчивостью положительной корреляцией, а с экстраверсией – отрицательной корреляцией.

Это исследование показало логическую связь между социальными установками людей и их личностными характеристиками. В частности, открытость для нового опыта, как правило, связана с более гибкими, неортодоксальными установками, а консервативным установкам сопутствует такая черта личности В5, как добросовестность. Далее мы увидим, что противопоставление «откры-

тость изменениям – консерватизм» является также одним из основных в модели, описывающей ценности личности.

Понятие инструментальных ценностей (ценностей-средств) М. Рокича близко понятию прототипа человека-в-ситуации Н. Кантора, т. е. индивидуальным представлениям о наиболее вероятном и/или социально соответствующем поведении для разных типов повседневных ситуаций [7]. Согласно У. Мишелю, прототипы человека-в-ситуации тесно связаны с ценностной сферой личности, испытывают влияние когнитивных характеристик и зависят от типа взаимодействия с социальными условиями, в которые включен человек (см. [6]).

Сходные идеи мы обнаруживаем в концепции Ш. Шварца. Обобщая многочисленные определения ценностей, Шварц и Билски выделяют следующие основные их характеристики [9]:

1) ценности – это убеждения, которые связаны с эмоциональной сферой личности: они смешиваются с чувством и окрашиваются им;

2) ценности – желаемые человеком цели (например, равенство) и образ поведения, который способствует достижению этих целей (например, честность, склонность к помощи);

3) ценности не ограничены определенными действиями и ситуациями (т. е. трансцендентны). Послушание, например, относится к работе или школе, спорту или бизнесу, семье, друзьям или посторонним людям;

4) ценности выступают как стандарты, которые руководят выбором или оценкой поступков, людей, событий;

5) ценности упорядочены по важности относительно друг друга; упорядоченный набор ценностей формирует систему ценностных приоритетов; разные личности могут быть охарактеризованы системой их ценностных приоритетов.

Таким образом, ценности – это некие критерии выбора и оценки человеком своих поступков, а также оценки других людей и событий. Основываясь на результатах теоретических и эмпирических исследований, Ш. Шварц выделил повторяющиеся в разных культурах десять основных ценностей. Люди, разделяющие те или иные ценности, различаются своими основными мотивационными целями [18]. Соотношения ценностей и доминирующих целей приведены в статье А.А. Лузакова [12].

Проведенное нами пилотажное эмпирическое исследование преследовало цель прояснить некоторые взаимосвязи ценностных ориентаций и личностных черт, проверить, насколько согласуются данные, получаемые в виде ценностного профиля и в виде профиля личностных черт. Эта работа является продолжением исследования, опубликованного А.А. Лузаковым [13], но в данном случае при обработке данных применялся иной подход. В исследовании приняли участие студенты Кубанского государственного университета гума-

нитарных и естественных специальностей (примерно поровну) в количестве 60 человек в возрасте 18–21 лет (40 девушек и 20 юношей).

Использовался личностный опросник NEO-PI-R, разработанный П. Коста и М. МакКрейем (в русскоязычной адаптации НПЦ «Психодиагностика», г. Ярославль), и методика для изучения ценностей личности – «Профиль личности» Ш. Шварца (адаптированная В.Н. Карандашевым [9]). Была проведена эмпирическая классификация испытуемых по их ценностным профилям (набранным баллам по 10 ценностям) с использованием алгоритма кластерного анализа. Выделены три группы субъектов, которые в данном случае можно рассматривать как определенные психологические типы. Полученная «ценностная» типология, конечно, отразила особенности конкретной выборки и не претендовала на то, чтобы обнаружить все ценностные типы, встречающиеся в популяции. При сравнении групп мы исходили из понятий абсолютного и относительного веса ценностей, которые могут не совпадать [5]. Для описания каждой из трех групп использовались оба критерия. При анализе различий по абсолютному весу ценности группы сравнивались между собой по среднему баллу, полученному той или иной ценностью. Согласно этому показателю первая группа (13 человек) отличается от двух других понижением значения таких ценностей, как самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижения и власть.

Следуя теоретической модели отношений между ценностными типами (по Ш. Шварцу), все ценности можно представить в двухмерном пространстве, что позволяет выделять конкурирующие и дополняющие ценностные типы [9]. При этом одна из осей измерения будет характеризовать *открытость опыту*, включающую ценности самостоятельности и стимуляции, в противоположность *консерватизму*, включающему ценности безопасности, конформности и традиций, а другая – *самовозвышение* (ценности власти и достижения) в противоположность *самотрансцендентности* (универсализм и доброта). Гедонизм включает элементы как открытости изменениям, так и самовозвышения. Таким образом, в первой группе открытость изменениям и самовозвышение выражены в меньшей степени, чем в двух других.

При определении относительной значимости (веса) ценности учитывалось ее место в ранговом ряду ценностей в конкретной группе. На основании количества баллов, набранных данной ценностью в среднем по группе, ей присваивался ранг от 1 до 10. К первому рангу отнесены ценности, имеющие наиболее высокий средний балл (наиболее предпочитаемые), к десятому рангу – имеющие самый низкий средний балл. Для описания ценностной специфики каждой группы принимались во внимание как ценности наиболее предпочитаемые (ранги 1–3), так и ценности, имеющие низкую субъективную значимость (ранги 7–10).

В первой группе приоритетными оказались доброта, безопасность и универсализм. Эти ценности получили ранги от 1-го до 3-го соответственно. Ранги от 7-го до 10-го получили гедонизм, власть и стимуляция. Можно сказать, что данная группа характеризуется такими мотивационными целями, как сохранение и повышение благополучия людей, безопасность отношений для других и самого себя.

Для выявления специфики личностных характеристик в каждой ценностной группе был найден индивидуальный профиль по основным шкалам В5 (тест NEO-PI-R). Особенности первой группы проявились в следующем: более низкие по сравнению с другими группами показатели по экстраверсии, открытости опыту (здесь и далее учитывалась значимость различий по Т-критерию на уровне $p < 0,05$), но более высокий показатель по готовности к сотрудничеству по сравнению с третьей группой (см. далее). Интерес представляет также анализ субшкал В5. Каждая из пяти базовых шкал методики NEO-PI-R имеет 6 субшкал, которые измеряют специфические области каждого фактора и дают более детальное представление о личности или группе людей. Соответственно по 5 субшкалам экстраверсии в первой ценностной группе были получены более низкие баллы, а именно: по общительности, настойчивости, активности, поиску возбуждения и позитивным эмоциям. Таким образом, у представителей данной группы (в сравнении с другими) заметна тенденция быть в одиночестве. Они предпочитают «держаться в тени», предоставляют инициативу другим в ведении бесед, более медлительны по темпу деятельности, не испытывают особой потребности в поиске ярких впечатлений и волнующих переживаний, для них нехарактерна бурная избыточная энергия и приподнятое настроение. Субшкалы фактора В5 «открытость опыту» раскрывают различные аспекты познавательного опыта личности. По четырем субшкалам данного фактора (эстетика, чувства, действия и идеи) в первой группе получены более низкие значения в сравнении с другими группами.

Таким образом, для респондентов первой группы свойственна тенденция вести себя традиционным, общепринятым способом и проявлять консервативность во взглядах. Они предпочитают известное новому, а их эмоциональные реакции приглушены. Эти психологические особенности (представленные в терминах личностных черт) достаточно хорошо согласуются с ценностными приоритетами группы. Среди ключевых ценностей – безопасность и конформность. Если использовать две основные оси ценностной модели Шварца, можно заметить, что в данном случае «консерватизм» преобладает над «открытостью изменениям», а «самотрансцендентность» – над «самовозвышением».

По пяти субшкалам фактора В5 «сотрудничество», которые характеризуют отношение к другим людям, – доверию, честности, уступчивости, скромности и чуткости, – получены более высокие значения по сравнению с третьей группой (см. таблицу). Эти субъекты склонны демонстрировать искренность,

откровенность в отношениях, но в то же время они могут быть застенчивы, робки при самопредъявлении, имеют тенденцию подавлять свою агрессию, стремятся забывать и прощать, заботливы, готовы прийти на помощь, больше движимы потребностями других людей. Эти личностные черты согласуются с предпочитаемыми данной группой ценностями – добротой и универсализмом. По совокупности всех личностных характеристик субъекты этой группы могут быть названы «доброжелательными, осторожными традиционалистами». Следует отметить, что психологическая специфика этой и других групп в нашем исследовании имеет много общего с эмпирически полученными группами, описанными А.А. Лузаковым [13]. И это несмотря на то, что в его исследовании группировка осуществлялась иным способом, а именно на основе кластеризации респондентов по шкалам «большой пятерки» (профилю личностных черт). Так, субъекты из группы «доброжелательных традиционалистов» по своим ценностным ориентациям и личностным характеристикам напоминают группу «тревожных» из указанной работы. Несмотря на признаки психологического сходства, мы используем иные названия групп, поскольку алгоритм их выделения был другим.

Вторая и третья группы отличаются от первой тем, что для них характерны более высокие баллы (абсолютный вес ценности) по ценностям самостоятельности, стимуляции, гедонизма, достижения и власти. Это, согласно теоретической модели Ш. Шварца, характеризует тенденцию к открытости изменениям и самовозвышению. Рассмотрим отличия этих групп друг от друга.

Вторая группа (30 человек) – самая многочисленная, и в ней выше ценятся самостоятельность, стимуляция, доброта и универсализм (по абсолютному весу ценностей). В ранговом ряду ценностей группы (относительный вес ценностей) наиболее значимы самостоятельность, стимуляция и достижения (на следующем, четвертом месте – доброта), а наименее важны – власть, конформность, традиции. По личностным чертам В5 субъекты данной группы демонстрируют относительно высокую экстраверсию и открытость опыту. Они любят быть среди людей, предпочитают большие группы, напористы, активны, энергичны, оптимистичны, подвержены возбуждению и стимуляции. Эти люди подвергают сомнению авторитеты и готовы поддержать новые эстетические, социальные и политические идеи, предпочитают новизну и разнообразие рутине и обыденности, могут иметь широкий набор увлечений. Условное название группы – «ищущие стимуляции». Сходные по основным психологическим характеристикам субъекты описаны и в упомянутой публикации А.А. Лузакова [13].

Третья группа (17 человек) по абсолютному весу ценностей характеризует-ся заметным понижением значимости конформности, традиций и доброты с одновременным повышением значимости гедонизма. Ранговый ряд ценностей внутри группы (относительный вес ценностей) подтверждает эту закономер-

ность: на первых трех местах гедонизм, самостоятельность, достижения. В профиле личностных черт по сравнению с остальными группами обнаруживается более низкая готовность к сотрудничеству, что проявляется в скептическом и критическом мышлении, эгоцентризме, предпочтении скорее соревнования, а не сотрудничества. В сравнении со второй, а тем более с первой группой, это более практичные и более расчетливые люди, менее склонные поддаваться призывам к состраданию со стороны окружающих. Отличия наблюдаются и по отдельным субшкалам основных факторов В5. В отличие от второй группы снижены «сердечность» (Е1) и «альтруизм» (А3) в межличностных отношениях. Таким образом, эти субъекты в социальных отношениях более формальны и сдержанны, в большей степени отгораживаются от других людей и неохотно вникают в чужие проблемы. В отличие от первой группы явно повышены «фантазия» (О1) и «чувства» (О3). Яркое воображение здесь – не способ бегства от реальности, а скорее способ создания для самих себя интересного внутреннего мира. Для респондентов этой группы важно получать наслаждения и чувственные удовольствия, что в данном случае не исключает расчетливости и умения вовремя «выключить» чувства. Эти данные о личностных чертах согласуются с ценностной спецификой обсуждаемой группы субъектов, а именно с преобладанием ценности гедонизма. Условное название данной группы – «эгоцентричные прагматики». По основным характеристикам она сопоставима с группой «прагматиков», выделенных А.А. Лузаковым [13]. Особенности ценностных ориентаций и характерные личностные черты представителей трех ценностных групп изображены в таблице.

Сопоставление ценностных ориентаций и личностных черт в ценностных группах

Ценностная ориентация	«Доброжелательные традиционалисты»	«Ищущие стимуляции»	«Эгоцентричные прагматики»
Преобладающие ценности	Доброта Безопасность Универсализм Конформность	Самостоятельность Стимуляция Достижения	Гедонизм Самостоятельность Достижения
Малозначимые ценности	Гедонизм Власть Стимуляция	Безопасность Власть Конформность Традиции	Конформность Власть Традиции
Личностные черты (названия шкал теста NEO-PI-R)	↓ Экстраверсия ↓ Открытость опыту ↑ Сотрудничество	↑ Экстраверсия ↑ Открытость опыту	↓ Сотрудничество

Примечание. Ценности приведены на основе анализа их относительного веса в каждой группе. Сравнение групп по абсолютному весу ценностей дано в тексте. Знаками ↑ и ↓ обозначены более высокие или более низкие (по сравнению с другими группами) показатели по шкале теста.

Еще раз подчеркнем, что исследование носило разведочный характер, полученная эмпирическая типология не отражает всех возможных вариантов ценностных профилей, а в психологических характеристиках с высокой вероятностью отразились особенности конкретной выборки. Так, власть оказалась в числе малозначимых ценностей во всех трех группах, и это, возможно, объясняется преобладанием в составе выборки женщин.

Эмпирико-типологический подход с использованием алгоритмов автоматической классификации – один из способов показать специфику интраиндивидуальных связей между ценностями личности и ее характерологическими чертами. Типология субъектов на основании их ценностных ориентаций дает одновременно различия личностных черт, не противоречащие ценностным различиям, а проясняющие их. Результаты двух рассмотренных методик («Профиль личности» Ш. Шварца и NEO-PI-R) взаимно обогащают друг друга, и это следует использовать в психодиагностической практике. Личностные черты и ценности образуют хорошо интерпретируемые и достаточно устойчивые интраиндивидуальные связи. Дополнительным свидетельством тому является следующее. Опубликованные ранее результаты эмпирической классификации субъектов (из сходной по составу выборки), в которой основанием группировки выступал профиль личностных черт [13], и результаты нашей классификации, в которой группировка осуществлялась на основе индивидуального профиля ценностных предпочтений, обнаружили признаки сходства. Возможно также, что две различные по теоретическому основанию и способу конструирования методики обращаются к близким аспектам личности испытуемых. Некоторые теоретические модели относят понятия «черты личности» и «ценностные ориентации личности» к разным уровням регуляции, к разным сферам личностных проявлений. Но, как уже отмечалось, традиционные диагностические методы – личностные тесты-опросники, вербальные шкалы – ограничивают возможность надежного операционального различения этих понятий (сходные трудности обнаруживаются при попытках с помощью опросников операционально различить темперамент и характер), что служит дополнительным аргументом в пользу более широкой трактовки понятия черт личности и дальнейшего прояснения их видов и уровней, включая ценностные ориентации.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
2. *Базылевич Т.Ф.* Развитие концепции целостной индивидуальности // Небылицин В.Д.: Жизнь и научное творчество. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1996.
3. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.

4. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. № 5.
5. Гаврилова Е.В. Субъективная категоризация в межличностном познании и ценностные ориентации личности: Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар: КубГУ, 2003.
6. Егорова М.С. Психология индивидуальных различий. М.: Планета детей, 1997.
7. Кантор Н. Восприятие ситуаций: прототипы ситуаций и прототипы «человека-в-ситуации» // Психология социальных ситуаций / Сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001.
8. Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб.: Питер, 2003.
9. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
10. Лаак Я. тер, Бругман Г. Big 5: Как измерить человеческую индивидуальность: оценки и описания. М.: Книжный дом «Университет», 2003.
11. Лузаков А.А. Проблемы изучения категорий субъективного опыта: психосемантический подход // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: ИП РАН, 2005.
12. Лузаков А.А. Структура ценностных предпочтений и категории самовосприятия // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 4.
13. Лузаков А.А. Субъект социального познания: к проблеме взаимосвязи личностных черт, ценностных ориентаций и семантических пространств межличностной перцепции // Психология личности и ее бытия: теория, исследования, практика. Краснодар: КубГУ, 2005.
14. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
15. Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. СПб.: Питер, 2001.
16. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1975.
17. Rockeach M. The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press, 1973.
18. Schwartz S. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. M.P. Zanna. N.Y.: Guilford, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

.....

С.А. Кирсанов, А.Т. Ошурков*

Особый путь и особый опыт Санкт-Петербурга и Москвы в построении системы местного самоуправления интересен не только жителям этих городов, но и депутатам, чиновникам, ученым, преподавателям и студентам других городов России – всем, кто по роду деятельности связан с проблематикой местного самоуправления (МСУ).

Основным аргументом противников самостоятельного местного самоуправления в Санкт-Петербурге была и остается необходимость «сохранения единства городского хозяйства». Но необходимость, да и само наличие такого единства представляется сомнительным в мегаполисе, площадь и численность населения которого превышает иные европейские страны, а составные части – пригороды и города-спутники – по своим размерам и инфраструктуре сравнимы с самостоятельными развитыми городами этих стран.

В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» обратим внимание на словосочетание «сохранение единства городского хозяйства», в связи с которым возникает ряд юридических, экономических и организационных проблем:

- действующее законодательство не определяет термин «городское хозяйство», следовательно, неясны правовые, организационные, финансовые и иные принципы обеспечения «единства городского хозяйства»;
- отсутствуют критерии, по которым можно оценить «единство» городского хозяйства, т. е. едино оно или не едино;
- не определены юридические последствия недостижения цели по «сохранению единства городского хозяйства» [6, ст. 79, п. 3].

* Кирсанов Сергей Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент СПбГИЭУ, исполнительный директор «УНЦ ГМУ», г. Санкт-Петербург. Электронная почта: ksaimr@rol.ru.

Ошурков Андрей Тихонович, кандидат технических наук, руководитель Комитета по законодательству Законодательного Собрания г. Санкт-Петербурга.

Поскольку в действующем законодательстве толкование формулировки «единство хозяйства» отсутствует, появляется объективное желание такую формулировку иметь. Кроме того, возникает ряд вопросов: разве в других субъектах РФ не нужно «сохранять единое региональное хозяйство»? если МСУ «не сохраняет хозяйство», то зачем вообще в России создавать и развивать данный институт?

Подчеркнем, что придание МСУ различного правового статуса в зависимости от географического или иного положения субъекта РФ не будет способствовать развитию МСУ в целом на территории РФ. Например, пользуясь неопределенностью понятия «единство городского хозяйства», органы государственной власти Санкт-Петербурга вместо реального МСУ на внутригородских территориях создали, по сути, дорогостоящую муниципальную декорацию. Вспомним, что в 1991–1993 гг. по действовавшему тогда законодательству местное самоуправление в Москве и Санкт-Петербурге работало по общей для всей России схеме. Никакого развала городского хозяйства при этом не произошло, хотя полномочия МСУ были гораздо шире нынешних.

Петербургская модель

В июне 1997 г. Законодательное собрание Санкт-Петербурга приняло закон, в соответствии с которым в Петербурге была реализована территориально-поселенческая модель МСУ и образовано 111 территориальных единиц – муниципальных образований (8 городов, 21 посёлок и 82 муниципальных округа) [4]. В границах каждого административного района оказалось от одного (в Ломоносовском и Кронштадтском районах) до 11 (в Курортном районе) муниципальных образований. Все муниципальные образования (далее – МО) оказались разнородными как по численности населения (от 106 жителей в поселке Серово до 142 000 в городе Колпино), так и по социально-экономическим показателям. Особенностью петербургских МО является то, что их органы МСУ не были чьими-либо правопреемниками и начали свою жизнь «с чистого листа».

Петербургские МО, территориально располагаясь внутри границ соответствующего района, де-юре самостоятельны. Однако предметы ведения МО, определенные законом Санкт-Петербурга, не способствуют вовлечению органов МСУ в реальное управление мегаполисом. Тем не менее в настоящее время предлагается следующее:

- а) выбрать эволюционный путь и на неопределённое время сохранить все 111 МО, присвоив им статус равноправных внутригородских территорий города федерального значения;
- б) установить границы новых МО по ныне существующим границам, сохранив наименования МО;

в) сосредоточить главное внимание на следующих компонентах муниципальной реформы:

- расширении полномочий МО и сферы деятельности органов МСУ;
- контроле за деятельностью органов и должностных лиц МСУ и усилении их ответственности перед государством и населением;
- стимулировании межмуниципального сотрудничества в условиях неизбежной конкуренции МО;
- активном использовании института делегирования полномочий на муниципальном уровне;
- активной организационной и иной помощи органам МСУ со стороны органов государственной власти в адаптации к новым условиям (в первую очередь – качественная и своевременная законодательная работа).

Естественный путь развития МСУ сам расставит все точки над «i», тем более что новое муниципальное законодательство будет этому, несомненно, способствовать.

Петербургские МО имеют право на муниципальную собственность как экономическую основу МСУ. Процесс формирования муниципальной собственности в Санкт-Петербурге главным образом осуществляется посредством передачи объектов из региональной собственности в муниципальную. Каждый объект, намеченный к передаче, документально и фактически изучается в органах исполнительной власти и только при наличии соответствующих документов становится предметом рассмотрения в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. Процедура передачи объектов в муниципальную собственность прописана в специальном законе Санкт-Петербурга [5], а передача конкретных объектов (групп объектов) осуществляется на основании отдельных («локальных») законов Санкт-Петербурга. В соответствии с указанным законом «локальные» проекты законов о передаче подлежат рассмотрению Законодательным Собранием в трехмесячный срок после представления субъектом законодательной инициативы необходимых документов. К сожалению, надо признать, что при отсутствии мер ответственности за нарушение процедуры (по крайней мере, по срокам) нарушается и закон, и распоряжение администрации Санкт-Петербурга.

Местные бюджеты

Развитие системы МСУ в Санкт-Петербурге можно проследить через призму муниципальной составляющей законов о бюджете Санкт-Петербурга на очередной финансовый год – той их части, которая регулирует отношения между бюджетом Санкт-Петербурга и местными бюджетами, определяет функциональное распределение финансовых прав и ответственности. Как правило, это несколько статей в текстовой части закона и несколько приложений

к закону. Общая структура муниципальной составляющей законов о бюджете Санкт-Петербурга остается неизменной, начиная с 1998 г. Так, в текстовой части закона устанавливается следующее:

- минимально необходимые расходы местных бюджетов, под которыми понимается минимальный уровень гарантированного бюджетом Санкт-Петербурга расчётного¹ объема расходов местных бюджетов, связанного с финансированием расходов по решению вопросов местного значения (ВМЗ);
- порядок образования фонда финансовой поддержки местных бюджетов и расходования средств из этого фонда;
- порядок перечисления местным бюджетам целевых субвенций;
- меры по обеспечению сбалансированности местных бюджетов;
- порядок представления органами МСУ бюджетной отчетности;
- право финансового органа Санкт-Петербурга выдавать бюджетные ссуды местным бюджетам на покрытие кассовых разрывов;
- право Контрольно-счетной палаты и исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга в определённых случаях проводить проверки и осуществлять контроль за расходованием средств, поступивших в местные бюджеты из бюджета Санкт-Петербурга.

В приложениях к законам о бюджете Санкт-Петербурга, являющихся его неотъемлемыми частями, содержатся:

- перечень источников доходов местных бюджетов (например, на 2004 г. было утверждено 25 источников, в том числе 6 налоговых, 12 неналоговых, 7 безвозмездных перечислений [2]);
- нормативы минимальной бюджетной обеспеченности местных бюджетов (в 2004 г. по 12 направлениям расходования использовалось несколько десятков единых, групповых и индивидуальных нормативов);
- минимально необходимые расходы местных бюджетов по каждому МО (в 2004 г. в сумме 1 226 379 тыс. р.);
- перечень источников доходов образования фонда финансовой поддержки местных бюджетов (на 2004 г. два источника);
- распределение средств фонда финансовой поддержки местных бюджетов (в 2004 г. в сумме 212 023 тыс. р. для 51 МО).

В связи с тем, что в Санкт-Петербурге пока нет развитой муниципальной бюджетной сети, а избиратели требуют от муниципалов «конкретной работы», из местных бюджетов финансируются «чужие» объекты, находящиеся в ведении Санкт-Петербурга (школы, поликлиники, жилые дома, отделения милиции и др.). Причем в некоторых органах МСУ эти расходы до недавнего времени

¹ Минимально необходимые расходы рассчитываются на основе нормативов минимальной бюджетной обеспеченности.

являлись основными, а в этом случае местные бюджеты фактически превращаются в благотворительные фонды, депутаты же – в попечителей этих фондов.

Проблема еще и в том, что нет разделения полномочий между органами государственной власти и органами МСУ. МО зачастую не хватает не только доходных источников, но и расходных полномочий!

В последние годы внимание общественности приковано к проблеме обеспечения прозрачности бюджета и бюджетного процесса. Прежде всего, здесь речь идёт о возможности доступа граждан и некоммерческих организаций к бюджетной и иной экономической информации. В рамках бюджетно-муниципальной реформы органы государственной власти Санкт-Петербурга к вопросу информирования населения относятся весьма серьезно. Так, в 2002 г. во исполнение программы государственной поддержки МСУ в Санкт-Петербурге был издан первый сборник, впервые объединяющий местные бюджеты МО Санкт-Петербурга. На 1016 страницах этого уникального издания представлены постановления (со всеми приложениями) об утверждении местных бюджетов практически всех 111 МО [1].

Проблемы наполнения доходов местных бюджетов характерны для всей России: фискальная неполноценность местных налогов, нестабильность распределения доходных источников по уровням бюджетной системы, зависимость от финансовой помощи из региональных бюджетов и др. Не исключение и местные бюджеты муниципальных образований Санкт-Петербурга. Поэтому важным направлением реформы МСУ в Санкт-Петербурге является укрепление доходов местных бюджетов, их реструктуризация для обеспечения реальной финансовой самостоятельности органов МСУ.

Доходы местных бюджетов МО в Санкт-Петербурге полностью формируются исходя из решений органов государственной власти Санкт-Петербурга. В рамках действующего налогового и бюджетного законодательства органы МСУ Санкт-Петербурга практически лишены налоговых прав и не имеют реальной налоговой самостоятельности. Как следует из данных табл. 1, структура доходов местных бюджетов муниципальных образований Санкт-Петербурга в 2000–2004 гг. не претерпевала существенных изменений: наибольший удельный вес в общей сумме доходов составляли налоговые доходы, доля которых изменялась в пределах 12% (минимум – 59,75%, максимум – 71,70%). Вторым по величине доходным источником являлись безвозмездные перечисления (их удельный вес колебался от 19,74 до 31,03%). Неналоговые доходы в этот период в общей сумме доходов составляли в среднем около 8%.

В соответствии с Законом Санкт-Петербурга о бюджете [3] в 2005 г. доходы местных бюджетов муниципальных образований Санкт-Петербурга формируются за счет следующих налогов:

- 1) налога на имущество физических лиц;

Таблица 1

Анализ фактических доходов местных бюджетов муниципальных образований Санкт-Петербурга за 2000–2004 гг.

Показатели	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Всего доходов, тыс. р.	755 678	923 808	1 645 516	2 072 812	2 486 308
Налоговые доходы, тыс. р.	482 216	551 979	1 127 511	1 487 323	1 684 783
Удельный вес в общей сумме доходов, %	63,81	59,75	68,52	71,75	67,76
Неналоговые доходы, тыс. р.	39 008	93 093	109 024	163 447	310 740
Удельный вес в общей сумме доходов, %	5,16	10,08	6,63	7,88	12,50
Безвозмездные перечисления, тыс. р.	234 454	278 736	408 981	422 042	490 785
Удельный вес в общей сумме доходов, %	31,03	30,17	24,85	20,37	19,74

2) налога с имущества, переходящего в порядке наследования и дарения;

3) единого налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения:

– по нормативу 20% от сумм, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга, для муниципальных образований, расположенных на территории Адмиралтейского, Московского и Центрального районов;

– по нормативу 40% от сумм, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга, для муниципальных образований, расположенных на территории Василеостровского, Выборгского, Кировского и Петроградского районов;

– по нормативу 60% от сумм, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга, для муниципальных образований, расположенных на территории Красногвардейского, Приморского и Фрунзенского районов;

– по нормативу 80% от сумм, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга, для муниципальных образований, расположенных на территории Калининского, Красносельского, Невского, Курортного, Колпинского, Кронштадтского, Петродворцового и Пушкинского районов;

4) единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности:

– по нормативу 10% от сумм, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга, для муниципальных образований, расположенных на территории Петроградского, Центрального, Курортного, Колпинского и Петродворцового районов;

– по нормативу 20% от сумм, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга, для муниципальных образований, расположенных на территории Адмиралтейского, Красногвардейского, Московского, Приморского и Фрунзенского районов;

– по нормативу 30% от сумм, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга, для муниципальных образований, расположенных на территории Василеостровского и Красносельского районов;

– по нормативу 40% от сумм, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга, для муниципальных образований, расположенных на территории Выборгского, Калининского, Кировского, Невского и Пушкинского районов Санкт-Петербурга;

– по нормативу 50% от сумм, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга, для муниципальных образований, расположенных на территории Кронштадтского административного района;

5) налога на рекламу в части сумм по расчетам за 2004 г. и погашения задолженности прошлых лет.

Для обеспечения бюджетной самостоятельности муниципальных образований Санкт-Петербурга в 2005 г., а также учитывая потери местных бюджетов в связи с изменением федерального законодательства в части отмены налога на рекламу, увеличены нормативы отчислений от сумм единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности, подлежащих зачислению в бюджет Санкт-Петербурга. В целом применение групповых дифференцированных нормативов по налогу с продаж (до 2004 г.), единому налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, и единому налогу на вмененный доход для отдельных видов деятельности призвано в относительно простой форме обеспечить сбалансированность бюджетов МО с учетом использования дотаций из фонда финансовой поддержки. Распределение доходов консолидированного бюджета Санкт-Петербурга между бюджетом города и бюджетами МО на 2005 г. представлено в табл. 2.

Прогноз объема поступлений налогов в бюджеты муниципальных образований Санкт-Петербурга в 2005 г. представлен в табл. 3. Предполагалось, что наибольший удельный вес в сумме налоговых доходов муниципальных образований Санкт-Петербурга составит единый налог, взимаемый в рамках упрощенной системы налогообложения (57,06%), а наименьший – единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности (8,96%). Всего от основных закрепленных источников в доходы местных бюджетов в 2005 г. планировалось поступление 1 926 014 тыс. р., что на 16% больше, чем по плану на 2004 г.

Общая сумма налоговых доходов бюджетов муниципальных образований Санкт-Петербурга составляет лишь 2% в сравнении с суммой налоговых доходов мегаполиса (в соответствии с законом о бюджете на 2004 г.). Определение состава доходных источников местных бюджетов муниципальных образований, стабильных по поступлению и достаточных по величине, является в настоящее время одной из важнейших задач, стоящих перед органами власти Российской

Федерации в целом и Санкт-Петербурга в частности. Установленные законодательством ограниченные налогово-бюджетные полномочия органов местного самоуправления позволяют перекадывать политическую и финансовую ответственность за состояние социальной сферы на субъект РФ.

Таблица 2

Распределение доходов консолидированного бюджета Санкт-Петербурга между бюджетом города и бюджетами муниципальных образований на 2005 г., %

№ п/п	Налоговые доходы	Бюджет Санкт-Петербурга	Бюджеты МО
1	Налоги на прибыль		
1.1	Налог на прибыль организаций	100	–
1.2	Налог на доходы физических лиц	100	–
1.3	Налог на игорный бизнес	100	–
2	Лицензионные и регистрационные сборы		
2.1	Акцизы по подакцизным товарам (продукции) и отдельным видам минерального сырья, производимым на территории РФ	100	–
2.2	Лицензионные и регистрационные сборы	100	–
3	Налоги на совокупный доход		
3.1	Единый налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения	От 20 до 80% в зависимости от МО	От 20 до 80% в зависимости от МО
3.2	Единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности	От 50 до 90% в зависимости от МО	От 10 до 50% в зависимости от МО
4	Налоги на имущество		
4.1	Налог на имущество физических лиц	–	100
4.2	Налог на имущество предприятий	100	–
4.3	Налог с имущества, переходящего в порядке наследования и дарения	–	100
5	Платежи за пользование природными ресурсами		
5.1	Налог на добычу полезных ископаемых	100	–
5.2	Земельный налог	100	–
6	Прочие налоги, пошлины и сборы		
6.1	Государственная пошлина	100	–
6.2	Прочие федеральные налоги	100	–
6.3	Налоги субъектов РФ	100	–

Анализ исполнения бюджетов муниципальных образований Санкт-Петербурга показывает, что приоритетными направлениями расходования бюджетных средств в разрезе статей функциональной классификации расходов в последние четыре года являлись:

Таблица 3

Прогноз объема поступлений налогов в бюджеты муниципальных образований Санкт-Петербурга в 2005 г.

Наименование доходного источника	Сумма, тыс. р.	Удельный вес в общей сумме доходов, %
Единый налог, взимаемый в рамках упрощенной системы налогообложения	829 964	57,06
Единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности	130 297	8,96
Налог на имущество физических лиц	174 402	11,99
Налог на имущество, переходящее в порядке наследования и дарения	134 691	9,26
Налог на рекламу	185 156	12,73
Всего налоговых доходов	1 454 511	100,00

- жилищно-коммунальное хозяйство;
- функционирование органов местного самоуправления;
- образование;
- здравоохранение и физическая культура;
- социальная политика.

Доля расходов на ЖКХ, куда входят расходы на благоустройство и озеленение территории муниципального образования, организацию и содержание детских и спортивных площадок, обеспечение санитарного благополучия населения и др., устойчиво держится на первом месте в структуре расходов местных бюджетов. При этом следует отметить, что фактические расходы по статье ЖКХ значительно превышают установленный нормативами минимальный уровень расходов, а темпы роста фактических расходов на ЖКХ превосходят темпы увеличения норматива расходов на эти цели, устанавливаемого бюджетом Санкт-Петербурга. Иными словами, муниципальные образования направляют на развитие жилищно-коммунальной сферы города все больше и больше средств по сравнению с предусмотренными нормативами. Если в 2000 г. это превышение было всего лишь в полтора раза (по нормативу 175 872 тыс. р., фактически 283 986 тыс. р.), то в 2003 г. оно составило уже трехкратную величину (по нормативу 315 692 тыс. р., фактически 97 5947 тыс. р.). Такая возможность появилась у муниципальных образований в связи с ростом поступления

средств от налогообложения и общим улучшением финансового положения муниципальных образований.

Вместе с тем все увеличивающийся разрыв между величиной норматива на ЖКХ и фактическим расходованием средств свидетельствует о несовершенстве самого норматива, методики его расчета и величины этого норматива. В табл. 4 приведены данные о величине минимально необходимых расходов МО, установленных нормативами в период 2000–2004 гг.

Таблица 4

Минимальные нормативные расходы муниципальных образований, тыс. р.

Показатель	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Содержание органов местного самоуправления	96336	144544	239162	308135	407017
Охрана общественного порядка			18643	21251	23351
Ремонт и озеленение придомных и других территорий	152368	169137	189699	227678	273567
Обеспечение санитарного благополучия населения	23504	26063	29227	33323	36587
Организация и содержание детских и спортивных площадок			23332	27965	30715
Содержание мест захоронения		3034	3492	4122	4499
Содержание дорог местного значения		16380	18510	22604	24818
Предупреждение чрезвычайных ситуаций и защита населения от ЧС	14089	17371	19483	22185	24374
Приобретение школьной формы детям из многодетных семей	15568	16798	16676	17314	15182
Пособия опекаемым	70932	91392	130532	161016	205440
Оплата труда приемных родителей					273
Проведение летней оздоровительной кампании			11521	14257	16093
Организация и содержание СМИ			16315	18601	20508
Организация военно-патриотической работы			13988	15940	17521
Содержание объектов собственности	1095	1215	1458	28822	47789
Вывоз мусора с территории частного жилого сектора					5963
Проведение избирательной кампании					72682
Прочие	18450				
Итого расходов	392342	485934	732038	923213	1226379

Динамика расходов бюджетов муниципальных образований в расчете на одного жителя также позволяет судить о приоритетности тех или иных направ-

лений деятельности органов местного самоуправления в обеспечении жизнедеятельности локальных сообществ. По темпам роста удельных расходов муниципальных образований в 2000–2004 гг. выделяются следующие статьи:

- средства массовой информации (рост в 5,7 раза);
- правоохранительная деятельность (рост в 3,7 раза);
- жилищно-коммунальное хозяйство (рост в 3,4 раза);
- культура и искусство (рост в 3,4 раза);
- молодежная политика (рост в 3,0 раза);

Показатель удельных расходов на обеспечение деятельности органов местного самоуправления также оказался в тройке лидеров. Эти расходы выросли за четыре года в 3,4 раза, увеличившись с 29,6 р. до 100,1 р. на одного жителя муниципального образования. В меньшей степени муниципальные образования уделяли внимание таким направлениям деятельности как предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, оказание поддержки учреждениям образования, здравоохранения, культуры и т.п. (табл. 5).

Таблица 5

Исполнение бюджетов муниципальных образований в расчете на 1 жителя, р.

Показатель	Код по ФКР	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Функционирование органов местного самоуправления	0106	29,6	52,9	80,6	100,1
Правоохранительная деятельность	0500	1,4	1,3	4,7	5,2
Охрана окружающей среды	0900	0,1	0,0	0,0	0,0
Транспорт, связь и информатика	1000	0,3	0,1	0,3	0,9
Жилищно-коммунальное хозяйство	1200	60,9	88,2	150,0	209,4
Предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	1300	2,6	3,3	5,2	6,1
Образование	1400	27,5	25,2	41,9	53,7
Культура и искусство	1500	3,0	3,0	5,5	10,2
Средства массовой информации	1600	1,4	2,2	6,0	8,0
Здравоохранение и физическая культура	1700	6,3	5,4	7,8	8,7
Социальная политика	1800	13,6	12,3	19,5	20,9
Прочие расходы	3000	8,0	7,8	7,8	11,7

Сопоставление динамики изменения удельных расходов муниципальных образований по различным статьям с показателями изменения удельных затрат на содержание органов местного самоуправления показывает, что рост последних, а также пропорции между ними примерно соответствовали лишь одной статье расходов местных бюджетов – на жилищно-коммунальное хозяйство.

Данные об исполнении бюджетов в разрезе нормативов минимальной бюджетной обеспеченности свидетельствует о том, что муниципальные образования Санкт-Петербурга проводят политику дифференцированного подхода к определению приоритетов расходования средств. По одним направлениям расходы местных бюджетов значительно превышают суммы, предусмотренные нормативами минимальной бюджетной обеспеченности, по другим они соответствуют этой величине или даже ниже норматива, предусмотренного законом о бюджете Санкт-Петербурга.

Наибольшую сумму средств муниципальные образования направляют на мероприятия по благоустройству. Причем в рамках этого ряд МО занимается благоустройством и озеленением не только придомовых и внутридворовых территорий, на что рассчитан норматив минимальной бюджетной обеспеченности, но и в целом всей территории муниципального образования.

В целом превышение расходов по нормативу на благоустройство территории (ремонт и озеленение придомовых и внутридворовых территорий, организация и содержание детских и спортивных площадок) обусловлено возрастающими финансовыми возможностями муниципальных образований, наличием у них профицитного бюджета. Так, в 2003 г. фактические расходы на ремонт и озеленение придомовых и внутридворовых территорий, а также муниципального образования в целом превысили норматив в МО «Литейный округ» в 5 раз, в МО «Смольнинское» – в 12 раз. Рекордное превышение фактических расходов над нормативными отмечено в МО № 78 – в 24 раза.

Решение социальных проблем также становится одним из приоритетов муниципальных образований. Это видно из того, что значительные суммы идут на мероприятия для ветеранов, молодежи, другие категории населения, нуждающиеся в социальной защите. Так, повсеместно в число расходов муниципальных образований попадают расходы на поддержку образовательных учреждений, другие мероприятия в области образования, которые, кстати, в большинстве своем не задаются нормативами минимальной бюджетной обеспеченности.

Среди полномочий, которые исполнялись муниципальными образованиями в соответствии с нормативами или с незначительным превышением (а в ряде МО не исполнялись в полной мере), можно отметить лишь «обеспечение санитарного благополучия населения», а также «предупреждение чрезвычайных ситуаций и защиту населения от чрезвычайных ситуаций».

Согласно проведенному анализу все муниципальные образования Санкт-Петербурга проводят социально ориентированную бюджетную политику, выбор приоритетов которой определяется двумя важнейшими факторами:

- территориальными, инфраструктурными особенностями МО;
- финансовыми возможностями (налоговым потенциалом) МО.

Анализ динамики удельных расходов муниципальных образований по основным статьям показывает, что в деятельности МО в целом все более явно прослеживается упор на реализацию функций, связанных с обеспечением деятельности жилищно-коммунального комплекса, в ущерб другим не менее важным функциям. При этом исполнение большинства полномочий, за исключением ЖКХ, становится все более затратным: расходы на содержание органов МСУ растут быстрее, чем затраты на другие предметы ведения. Это еще раз подтверждает вывод о необходимости пересмотра отдельных нормативов расходования средств муниципальных образований, особенно в части реализации их полномочий по статьям, обеспечивающим социальное развитие местных сообществ.

Одной из особенностей муниципальных образований является проведение широкого спектра мероприятий по социальной политике, не попадающих сегодня под финансирование по нормативам. К ним относятся мероприятия по поддержке образовательных учреждений, помощь ветеранам, другие мероприятия по социальной политике. За счет местного бюджета часть муниципальных образований финансирует праздничные мероприятия, используется также практика создания резервных фондов администраций.

Большинство муниципальных образований в последние годы фактически приступили к исполнению отдельных составляющих государственных полномочий. В частности, оказывается финансовая поддержка учреждениям социальной сферы (детским дошкольным образовательным учреждениям, учреждениям здравоохранения и пр.), помощь отдельным категориям социально незащищенных слоев населения, активно реализуются мероприятия «молодежной политики» и пр. Анализ исполнения полномочий, свидетельствует о том, что номенклатура и величина нормативов минимальной бюджетной обеспеченности не отражают особенностей муниципальных образований различного типа и требуют корректировки.

Таким образом, местное самоуправление в Санкт-Петербурге – не искусственно насаждаемый институт, а объективная необходимость. Даже при активном противодействии с течением времени МСУ в северной столице продолжает развиваться.

Библиографический список

1. Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Спец. вып. 2002. 29 июня.
2. О бюджете Санкт-Петербурга на 2004 год: Закон Санкт-Петербурга от 19.11.03 № 676-101 // www.kodeks.ru (ИПС «Кодекс»).
3. О бюджете Санкт-Петербурга на 2005 год: Закон Санкт-Петербурга от 29.11.04 № 578-81 // www.kodeks.ru (ИПС «Кодекс»). (См. также: Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Спец. вып. 2004. 14 дек.).

4. О местном самоуправлении в Санкт-Петербурге: Закон Санкт-Петербурга от 18.06.97 № 111-35 // www.kodeks.ru (ИПС «Кодекс»).
5. О порядке передачи объектов государственной собственности Санкт-Петербурга в собственность муниципальных образований: Закон Санкт-Петербурга от 22.03.00 № 137-12 // www.kodeks.ru (ИПС «Кодекс»).
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: ФЗ-№131 от 06.10.03 г. // www.kodeks.ru (ИПС «Кодекс»).

ШОППИНГ КАК РУДИМЕНТ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

.....

Б. С. Гладарев*

...Мы с Эмили сворачиваем за угол секции кухонной мебели. Наша тележка все еще почти пустая, хотя Эм добавила туда три бутылочки снотворного. Чтобы наполнить тележку, я покупаю пару пачек салфеток. Они редко бывают мне нужны, но я все время их покупаю, чтобы выглядеть практичнее. Мои шкафы уже забиты ими до отказа, когда-нибудь придется пожертвовать все это добро Армии Спасения.

Джонатон Китс

Героиням романа Китса «Патология лжи» по 27 лет, они живут на рубеже тысячелетий в Сан-Франциско, работают в крупных корпорациях, не замужем. В общем, они – типичные представители среднего класса. К описанию их повседневной прогулки по супермаркету мы вернемся в заключительной части.

Теоретическим основанием этой статьи стали идеи, сформулированные французским философом Жоржем Батаем в его незаконченной работе «Теория религии» [1]. В магистральную линию французской мысли XX в. Ж. Батай (1897–1962) вошёл в качестве спорной фигуры автора-provокатора и мастера саркастической критики. Отечественный исследователь его творчества С. Фокин считает его «самым двусмысленным французским писателем XX века» [18, с. 4]. Другой исследователь литературного наследия Ж. Батая, С. Зенкин, называет его «мыслителем, испытывавшим свои мысли, словно врач вакцину, на себе самом» [10, с. 59]. М. Бланшо в статье «Опыт-предел» говорит о Батае как об авторе, чтение работ которого потрясает [5, с. 65]. Мишель Фуко в предисловии к первому тому полного собрания сочинений философа писал:

* Гладарев Борис Сергеевич, сотрудник Центра независимых социологических исследований, аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге. Электронная почта: boris@indepresoc-res.spb.ru.

«Теперь нам известно: Батай является одним из самых значительных писателей века» [21, р. 5].

Действительно работы этого автора являют собой очень сложное, многогранное явление, чье влияние на современное развитие гуманитарного знания ещё не до конца осмысленно. Достаточно сказать, что такие «новые классики», как М. Фуко или Ж. Деррида, признавали значительное влияние Батая на формирование их исследовательских подходов.

Ж. Батай начинает анализ религиозного сознания с «фундаментальных положений» [1, с. 14–65]. Он фокусируется на проблеме антропогенеза, выдвигая тезис о фундаментальном отличии человека от животного, которое заключается в том, что мир животного имманентен, т. е. в нем отсутствуют субъектно-объектные категории: «В мире животного попросту не существовало пейзажа, не было никакого видения, не было ничего, кроме слепого опьянения, которому ужас, страдание и смерть, пределом которого они и являлись, придавали некоторую осязаемость. Животное не может взглянуть на мир со стороны» [1, с. 19–21]. При всем разнообразии своего поведения животное не проводит осознанных различий между той или иной ситуацией. «Ничто не способно нарушить такого единения, при котором даже страх, испытываемый животным, не позволяет ему что-либо различать перед лицом смерти. Даже борьба в пылу соперничества является ни чем иным, как спонтанной реакцией, вынужденным ответом на побудительные мотивы, возникающие из бесплодных теней неведомого» [1, с. 22–23].

Посылка об имманентности животного существования – это лишь смелая гипотеза. К примеру, в работах знаменитого зоопсихолога К. Лоренца описывается весьма сложное поведение животных, которое по уровню своей организации приближается чуть ли не к ритуалу [15]. Однако сложные групповые взаимодействия рыб или пары канадских гусей не доказывают окончательно их возможности к субъектно-объектной дифференциации реальности, и здесь, возможно, логику Батая пока нельзя подвергнуть обоснованной критике. Насколько нам известно, существенного прогресса в приоткрытии завесы животного восприятия реальности пока не произошло, и даже самые сложные формы поведения пока укладываются в рамки инстинктивной программы, которая не противоречит гипотезе об имманентности.

На мировоззрение Батая сильно повлиял семинар А. Кожева. Философ находился под влиянием марксистской интерпретации антропогенеза, что объясняет то значение, которое он придавал появлению первых орудий труда. «Рукотворное орудие труда олицетворяет зарождающуюся форму того, что есть не „я“», – пишет он [1, с. 24]. Именно появление возможностей применять палку-копалку рождает, по Батаю, субъектно-объектное восприятие мира и символизирует конец животной имманентности. Более того, палка-копалка становится основанием такой значимой социальной категории, как власть.

Животное, поедающее другое животное, не владеет им так же, как австралопитек владеет, например, скребком. То есть животное, растворенное в имманентности своего восприятия мира, не может помыслить другое животное как объект, как вещь, в то время как скребок для австралопитека именно объект (труда, использования, обмена) и в этом смысле – вещь. Далее Батай исключительно оригинальным образом находит основания для появления религиозных представлений, он пишет: «Цель, для достижения которой используется орудие труда, означает то же, что и его использование... которое должно отвечать требованию полезности» [1, с. 25–26]. Действительно, сложно представить себе бесполезное и бесцельное орудие труда. Таким образом, субъектно-объектный мир вещей-орудий труда взывает к неким целям, а в итоге, по Батаю, с неизбежностью встает вопрос о конечной, «истинной цели». Но «поиск „истинной цели“ способен привести лишь к существу, прибывающему в состоянии единения с окружающим подобно потоку воды в водной стихии» [1, с. 26], т. е. к животному, имманентному окружающему. Его мир бесполезен и бесцелен, ибо не служит никакой цели, а потому лишен какой-либо значимости: мир ценен сам по себе.

Для человека, оторванного от имманентности субъектно-объектным восприятием мира, ничего не остается, кроме как пытаться приблизиться к миру как к объекту. Но в отличие от скребка, который изготовлен и используется по назначению, а значит, понят, мир не может быть изготовлен человеком, следовательно, не может быть понят (следы этого подхода можно обнаружить в фукольтианской трактовке власти-знания). Эта невозможность («невозможность» – одно из любимейших слов Батая), с одной стороны, порождает тоску по имманентности, а с другой – становится основанием для формирования религиозных представлений. Мысля мироздание как объект, человек вынужден приписывать ему некоторую ценность, и эта ценность должна превосходить все прочие ценности. Так зарождаются представления о священном. Характеристикой священности наделяется некий объект, который именуется «Высшее Существо». Оно, по Батаю, становится в ряд прочих объектов и соответственно выпадает из контекста единения всего сущего [1, с. 32]. Процесс объективации имманентного мироздания в «Высшее Существо» сводит на нет все попытки человечества прорваться к имманентности. Эта подмена лежит в основе первых жертвоприношений (вещь приносится в жертву более ценной вещи – «Высшему Существу»), которые суть попытки первобытных людей восстановить ощущение единства с окружающим миром. Далее Батай, уже не являясь исключительно оригинальным, выводит основания культуры и искусства из ритуалов жертвоприношений. Цель жертвоприношения – разорвать цепь производственных субъектно-объектных отношений полезности, сделать что-то безумное, совершенно бесполезное в традиции рациональности, тем самым ощутить «мир, в котором властвует безотчетный каприз» [1, с. 43].

Жертвоприношение в этом контексте понимается как универсальный механизм удовлетворения жажды имманентности. В течение тысячелетий человеческие общества практиковали множество форм жертвоприношений, начиная от кровавых экстатических ритуалов, встречающихся в первобытных культурах, и кончая рутинизированными и бескровными христианскими причастиями. Сам факт столь устойчивого существования на протяжении всей человеческой истории института жертвоприношения косвенно подтверждает гипотезу Батая о том, что стремление преодолеть субъектно-объектное восприятие есть глубинная потребность человека любой культуры. Батай указывает на то, что принцип полезности не может быть единственным принципом в объяснении человеческого существования. Некая часть человеческого существования регулируется не поиском пользы, накоплением, сохранением энергии (богатств), а прямо противоположным принципом непроизводительной траты. Необходимость траты, которая по представлениям Батая, по-разному дает себя знать в разных культурах, напрочь отвергается логикой капиталистического общества, которое ориентировано исключительно на накопление и отвергает необходимость бездумной траты [19, с. 151]. Однако критика Батая капиталистического общества исходила из его личного опыта конца 1940 х гг., когда фундамент «общества всеобщего благоденствия» только закладывался в странах Европы и Северной Америки. Если обратиться к современной культуре позднего капитализма и суммировать разнородные, подчас противоречивые характеристики «людей постмодерна», то получится, что welfare state, средства массовой информации и коммуникации превратили их в массу изолированных индивидов, которые оторваны от сословий и классов, атомизированы и неспособны ни с кем разделить свою «суверенность», для ощущения которой стало значительно больше социального пространства и времени: «То, что раньше преодолевалось сообща как классовая судьба, люди должны теперь приписывать самим себе как личную судьбу» [3, с. 264].

Перед нами предстает печальная картина одинокого человека, потерявшего веру в Бога, неспособного к «трансгрессии»¹, поскольку Я и Другой не могут жить в одно и то же время, неспособны быть вместе (в синхронности), являться современниками: даже составляя пару, они отъединены один от другого формулами «еще нет» или «уже нет» [4, с. 60]. Речь идет о границах социальности, о фундаментальных основаниях человеческого существования в условиях позднего капитализма. Развитие этой тематики протекало на фоне зарождаю-

¹ «Трансгрессия» – еще один ключевой термин Батая, который упрощенно можно определить как способность преодолевать человеческие (социальные и психические) границы. Батай употребляет его в двояком значении – «внутренней трансгрессии» и «внешней трансгрессии». Обе невозможны. Первая невозможна, потому что человек не способен объединить внутренний опыт из-за внешнего общественно-нормативного контроля, а также из-за отсроченности своего опыта во времени. Вторая невозможна, поскольку сопричастность, понимание другого наталкивается на непреодолимые барьеры языка и понимания всегда отсроченного во времени.

щегося «государства всеобщего благоденствия», тотального повышения благосостояния, осмысления стилей жизни прежде всего как «потребительских стратегий»², децентрализации источников власти, перерастания ее во «власть разнообразия» и появления глобалистских тенденций в экономике и культуре [3, с. 23, 70]. Мечта о государстве социальных гарантий почти осуществилась, но всеобщего человеческого счастья не последовало. Наоборот, стало зарождаться то, что более поздний по отношению к Батаю, но близкий ему по духу Ульрих Бек назвал «обществом риска»: «Многие поколения и эпохи мечтали о том, как бы окончательно сбросить ярмо труда или ослабить его тем, что все большее богатство производилось бы со все меньшими затратами труда. Вот мы теперь и достигли этого, но никому не ведомо, как быть с этой ситуацией» [3, с. 213].

Таким образом, на протяжении второй половины XX в. в экономически развитых странах крупные социальные группы, сформированные по сословному, классовому, религиозному и даже национальному признаку, стали распадаться на сонмы атомизированных индивидов, включенных в саморазрастающуюся гонку массового потребления. Важно подчеркнуть, что эта трансформация происходила на фоне секуляризации сознания в странах Европы и Северной Америки. Первая мировая война, социалистические революции и ницшеанская «смерть бога» привели к массовому разочарованию в традиционных религиозных моделях. Постепенно «высшая ценность», место которой на протяжении тысячелетий занимало «Высшее Существо», оказалось вакантным.

В условиях капиталистического способа ведения хозяйства, где значительная часть транзакций производится посредством денег, денежные знаки стали если не «высшей ценностью», то уж в значительной мере ценностью универсальной. Политические ценности «свобода, равенство и братство», провозглашенные французской революцией 1789 г., к концу XX в. так и не смогли заменить фактически уничтоженные ими религиозные ценности. Как пишет французский философ М. Сюриса, «именно с того дня, когда судьба потребления стала всеобщей долей, судьба равенства утратила свою былую способность утверждать политические ценности. Не через обмен, а через подмену. Хватило того, что деньги доказали, будто равенство всенепременно будет установлено потреблением» [17, с. 12]. Политические ценности, пришедшие на смену религиозным, были растворены в потреблении. И левые, и правые (включая религиозных фундаменталистов) нуждаются в деньгах. Как отмечал Сюриса, для многих презрение к деньгам было политикой. «Но сейчас, – подчеркивает Сюриса, – нет уже никакой политики, которая могла бы приладиться к такому презрению. Поскольку нет больше никакой политики. Поскольку нет такой политики, над которой не возобладали бы деньги. Нет такой политики, над которой не возобладали бы деньги, поскольку нет политики, в которой деньги не

² «Люди суть то, что они покупают (или могут купить)» [3, с. 82].

решали бы все. Деньги до такой степени все решают, что нет больше политики, даже политики денег» [17, с. 21].

Таким образом, именно деньги стали для атомизированных, неверующих в Бога потребителей основной ценностью. В них сливаются воедино усилия и время, затраченные на их приобретение, в них хранятся ключи к власти. Деньги являются универсальным артефактом, способным преобразовываться в любые другие объекты. Однако важно подчеркнуть, что отрыв от религиозного и политического сознания вовсе не означает отсутствия батаевского стремления к имманентности. Оно принимает самостийные формы в рамках социально санкционированных поведенческих моделей. Одну ценность, т.е. деньги, тратят на другую ценность – на моменты имманентности. Здесь уместно привести отрывок из романа В. Пелевина «Generation „П“», который описывает психологический механизм реализации жажды имманентности: «Татарский окончательно понял, что в душу заползала депрессия (читай: жажда имманентности – Б.Г.). Ее можно было убрать двумя способами – выпить грамм сто водки или срочно что-нибудь купить, потратив долларов пятьдесят. Некоторое время назад Татарский с удивлением понял, что эти два действия вызывают сходное состояние легкой эйфории, длящейся час-полтора» [16, с. 110]. Получается, что жертвование определенной суммы денег (долларов пятьдесят) вызывает у нашего современника, правда ненадолго (час-полтора), чувство близкое к целостной реальности животного – «легкую эйфорию». Это ощущение религиозного ритуала жертвоприношения в секуляризованном мире. Как писал Жан Бодрийяр, «ныне, когда исчезают религиозные и идеологические инстанции, нашим единственным утешением остаются вещи; это бытовая мифология, в которой гасится наш страх времени и смерти» [6, с. 108]. Страх времени и смерти, незнакомый животному, преодолевается посредством шоппинга. Он на время погружает потребителей в животное состояние имманентности.

Потребительское поведение в настоящий момент очень далеко отстоит от модели, которую использует классическая экономическая теория, где индивид рассматривается как рациональный субъект, стремящийся к получению выгоды при максимальном владении информацией о товаре [7, с. 55–58]. Современные исследователи потребления (см., например, [9]) подчеркивают, что человек на потребительском рынке действует нерационально: не руководствуется разумными потребностями, не выбирает наиболее качественный товар по минимальной цене, а в значительной степени поддается иррациональным порывам.

В социологии выделяют несколько иррациональных мотивов потребительского поведения. В первую очередь это «эффект присоединения к большинству», который отражается в увеличении спроса на товар из-за того, что другие его потребляют [12, с. 142–143]. Во-вторых, «демонстративное потребление», введенное в социологию Т. Вебленом, т.е. потребление как средство поддержания престижа (репутации) [8, с. 108]. И, в-третьих, потребление как гедонисти-

ческая практика [22, р. 2]. Эти модели с точки зрения экономической теории иррационального потребительского поведения имеют вполне объяснимую социальную мотивацию: быть как все и в то же время выделяться среди других, при этом получая удовольствие от самого процесса потребления. Последнее гедонистическое объяснение заставляет нас обратиться к теории религии Ж. Батая, которая позволяет нам понять природу этого удовольствия. Она по своей сути религиозна и рождает представление, что потребление товара не всегда связано с желанием им пользоваться или им владеть. Важен сам акт покупки как жертвенный ритуал, в ходе которого человек пытается прорваться к имманентности, к обретению мимолетного чувства «безотчетного каприза» [1, с. 43]. Как отмечал З. Бауман, во второй половине XX в. произошло постмодерновое перерождение героического производителя в беззаботного потребителя [2].

Таким образом, потребление предстает перед нами в совершенно новом, полностью и экономически и социологически иррациональном ключе. Шоппинг – новый секуляризированный вариант жертвоприношений, т. е. рудимент религиозного чувства, который реализуется в пространствах супермаркетов. «Современным эквивалентом готических соборов являются торговые мегацентры. Они заменили собой церкви как символ культурных ценностей» [9, с. 32]. «„Malls“ (супермаркеты-прогулочные дорожки) инициировали постмодерное выдвижение гуляющего человека, – пишет в своем эссе Бауман, – а кроме того подготовили почву для дальнейшего очищения жизненной модели фланера и создания полностью приватного, безопасного, замкнутого и защищенного от вторжений мира одинокой монады, где физическое присутствие посторонних не скрывает и не нарушает их психическую недостижимость» [2, с. 144–145]. Действительно, американские исследования показывают, что только четверть посетителей торговых центров приходят туда за конкретным товаром, при этом 93 % американских подростков называют хождение по магазинам своим любимым занятием [9, с. 35]. Английские исследования молодежной культуры также подтверждают факт тотальной увлеченности современной молодежи шоппингом: «На карте, по которой можно определить молодежные маршруты, доминируют магазины» [20, с. 250]. «Люди занимаются шоппингом, чтобы получить новые впечатления, сделать паузу в домашних делах, встретить друзей, – пишут Дж. Форнас и Г. Болин, – женщины-потребители могут, конечно, потреблять и больше, чем им нужно, но они получают нечто такое, что не поддается подсчету, – свободу» [20, с. 250]. То, что английские социологи понимают под «свободой» в терминологии Батая можно определить как удовлетворение жажды имманентности в атомизированном мире потребителей. Причем это бесконечный процесс, поскольку «потребительство не знает предела насыщения» [11, с. 4], а попытка обрести целостность через вещи всегда отмечена одиночеством [6, с. 118].

Если вернуться к эпиграфу этой работы и интерпретировать бытовую зарисовку Дж. Китса, то можно увидеть в банальном акте посещения магазина квазирелигиозный ритуал: «...мы с Эмили сворачиваем за угол секции кухонной мебели. Наша тележка все еще почти пустая, хотя Эм добавила туда три бутылочки снотворного. Чтобы наполнить тележку, я покупаю пару пачек салфеток. Они редко бывают мне нужны, но я все время их покупаю, чтобы выглядеть практичнее. Мои шкафы уже забиты ими до отказа, когда-нибудь придется пожертвовать все это добро Армии Спасения». О чем здесь идет речь? Две молодые женщины после работы пытаются заполнить свое время и магазинную тележку. Героиня романа приобретает пару пачек салфеток, желание приобрести которые она рационализирует по модели «демонстративного потребления» – чтобы выглядеть практичнее. Они ей не нужны. Шкафы уже забиты ими до отказа, но что-то подталкивает ее к приобретению салфеток. Ответ фигурирует в конце предложения, закамуфлированный под благотворительную деятельность. То, что она делает, – это жертвоприношение. Она жертвует свой труд и время, материализованные в деньгах на совершенно ненужные салфетки, потому что цель ее действий не в приобретении салфеток или пользовании ими, а в попытке обрести целостность, совершив растратное действие, полное бесполезности. Ею движет желание разорвать порочный круг рационального (полезного) поведения, предписанную соподчиненность событий: если купил салфетки – пользуйся ими. Можно сказать, что ею движут социальные нормы: если пришел в магазин – покупай. Но остается вопрос: зачем она пришла в магазин, если ей ничего не нужно? Ответ кроется в жажде имманентности, которая исходит из скрытой абсурдности субъектно-объектного восприятия мира. Как мы уже отмечали, Батай видит источник субъектно-объектных отношений в материальной деятельности человека по созданию орудий труда, которая была бы невозможна без отделения субъекта от объекта. Как уже указывалось, характерной чертой орудия труда должна выступать его полезность. Сегодня бесполезное начинает доминировать над полезным: только четверть посетителей торгового центра приходит туда за конкретным товаром [9, с. 35].

«Время, затраченное на изготовление орудия труда, – пишет Батай, – напрямую обуславливает его полезность, его подвластность тому, кто его использует для достижения той или иной цели. Орудие труда позволяет установить отчетливое различие между целью и средством, а также рассмотреть предпосылки его появления. Но вот незадача: цель оказывается обусловленной средством, которое в свою очередь, обусловлено степенью своей полезности. Цель, для достижения которой используется орудие труда, означает то же, что и его использование; в свою очередь последнее призвано отвечать такому требованию, как полезность» [1, с. 25–26]. Такова была ситуация в обществе труда. Современное общество потребления существует по несколько иной схеме: время, затраченное на зарабатывание денег, напрямую обуславливает их объем, т.е. покупательную способность этого универсального артефакта. Потребление

обусловлено деньгами, которые в свою очередь определяются объемом покупательной способности. Таким образом, время современного человека измеряется возможностями потребления (покупательной способностью). Иначе говоря, чтобы скрести шкуры, нужен скребок. Чем больше времени было затрачено на изготовление скребка, тем лучше он скребет, соответственно, тем больше его ценность. И по аналогии: чтобы потреблять, нужны деньги. Чем больше времени затрачено на их «делание», тем больше денег и, соответственно, тем выше покупательная способность. При этом время как раз и есть та категория, которая вырывает человека из мира животных, не имеющих представления о линейном времени и смерти (по Хайдеггеру). Следовательно, приходя в супермаркет, современный человек прежде всего тратит время, затраченное на зарабатывание денег, а не деньги как таковые. «Зачастую мы работаем больше, потому что хотим больше получить. Как культура в целом мы предпочли деньги свободному времени» [9, с. 89]. Получается порочный круг без цели: время тратится на зарабатывание денег, чтобы потратить время. На самом деле, время (материализованное в деньгах) жертвуется на вещи не для приобретения вещей, а для уничтожения времени, т. е. для приближения к состоянию имманентного всему сущему животного. То есть, создав субъектно-объектный мир артефактов, отношения власти и подчинения, люди путем неумного производства и потребления артефактов стараются разорвать рациональные нормы полезности, вернувшись в «мир, в котором властвует безотчетный каприз» [1, с. 43].

Сам шоппинг стал устойчивым паттерном культуры позднего капитализма. Даже тот человек, который не зарабатывает денег на потребление «каприза», все равно проводит огромное количество времени в магазинах, если не совершая, то хотя бы осмысливая возможность покупок. Магазин для современного человека не может быть чем-то вроде музея, потому что главное место занимает не только товар, но и ценник, который есть один из основополагающих знаков жертвенного ритуала потребления. Героиня романа Софи Кинселла «Тайный мир шопполика», пытаясь избавиться от синдрома избыточного потребления и заполнить внезапно образовавшееся свободное время, посещает лондонский музей декоративного искусства. Скучая, прогуливаясь по музею, она вдруг испытывает неподдельный интерес к одному из экспонатов: «Да, мисочка симпатичная – во мне вдруг пробудился интерес, – любопытно, сколько это может стоить? Выглядит дорого... И только я начала вглядываться, пытаюсь высмотреть ценник, как поняла, где нахожусь. Ой, это же не магазин. Тут ценников нет. И зря, между прочим. С ними было бы намного познавательнее. Вот так просто смотреть на вещи быстро надоедает» [13, с. 128]. Даже если цена не соизмерима с финансовыми возможностями потребителя, сам ценник имеет огромное значение, поскольку оставляет потенциальную возможность приобретения. Ценник определяет необходимый размер жертвы, который рассчитывает человек, осуществляющий «визуальный шоппинг». В современных

супермаркетах визуальное потребление легко перерастает в реальное благодаря распространенной системе кредитных карт и других форм кредитования, которые суть заем времени и усилий будущей жизни потребителя. Стремясь реализовать жажду имманентности посредством расточительной траты денег, сконцентрировавших в себе время и усилия, люди жертвуют не только накопленными, но иногда и будущими ресурсами. Так происходит шоппинг, суть которого можно выразить как «ностальгию по невозможному» [14, с. 322].

Библиографический список

1. Батай Ж. Теория религии. Литература и зло. Минск: Современный литератор, 2000.
2. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Бланишо М. Неопишемое сообщество. М.: МФФ, 1998.
5. Бланишо М. Опыт предел // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
7. Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS. 1993. № 3.
8. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
9. Де Графф Дж., Ванн Д., Нэйлор Т.Х. Потреблядство. Болезнь, угрожающая миру. М.: Ультра. Культура, 2003.
10. Зенкин С. Жорж Батай: между возможным и невозможным // Иностранная литература. 1999. №7. С. 48–66.
11. Зенкин С. О первой книге Жана Бодрийяра // Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино. 1999.
12. Ильин В.И. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2000.
13. Кинселла С. Тайный мир шоппоголика. М.: Фантом Пресс, 2003.
14. Лиотар Ж.Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ежегодник лаборатории постклассических исследований института философии РАН / Под ред. Е.В. Петровской. М.: Ad Marginem, 1994. С. 303–323.
15. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). СПб.: Амфора, 2001.
16. Пелевин В. Generation «П». М.: Варгиус, 2004.
17. Сюриа М. Деньги. Крушение политики. М.: Наука, 2001.
18. Фокин С. Жорж Батай в 30-е годы. Философия. Политика. Религия. СПб.: СПбГУЭиФ, 1998.
19. Фокин С.Л. Философ-вне-себя. Жорж Батай. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002.
20. Форнас Дж., Болин Г. Молодежная культура поздней современности // Молодежные культуры и субкультуры / Под ред. Е. Омельченко. М.: ИС РАН, 2000. С. 229–254.
21. Foucault M. Presentation // Bataille G. Complètes. P.: Gallimard, 1970. Vol. 1.
22. Gronow J. The Sociology of Taste. L.: Routledge, 1997.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ПУБЛИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

.....

Н. В. Дёмина*

Сравнение практики защит диссертаций в России XIX – начала XX в. (до революции 1917 г.) с нашим временем интересно тем, что позволяет проследить за изменением ценностных представлений российского научного сообщества «от Ромула до наших дней». Диссертационный диспут – неотъемлемый, привычный ритуал науки, и в ходе него, как и в ходе любого научного ритуала, происходит, по мнению Т. Кашмэна, мощная публичная демонстрация приверженности определенным культурным идеалам [13, р. 175].

Диспут – технология западноевропейская. Процедура защиты магистерской и докторской диссертации была заимствована из опыта научной аттестации западноевропейских университетов, прежде всего немецких. Первым правовым документом, регулирующим его появление в России, был Устав Императорского Дерптского университета 1803 г.¹ [10, с. 124–186].

* Дёмина Наталия Валентиновна, научный сотрудник Сектора социологии знания Института социологии РАН, аспирант Государственного университета гуманитарных наук. Электронная почта: demina@msses.ru.

¹ Согласно Уставу в Дерптском университете сохранялось разделение на отделения, принятые в западных университетах: 1 – отделение философских и математических наук, 2 – естественных наук, 3 – филолого-исторических, 4 – технолого-экономический. Приведем выдержки из Устава: «Магистерское достоинство дается по предварительному строгому испытанию, произведенному от Отделения, и после публичного под председательством Промотора защищения диссертации, которую ищущий сего достоинства сочинил. Достоинством Докторским почтен бывает тот только, кто после нового со стороны Отделения строгого испытания будет читать в течение трех дней сряду о предмете, от Отделения ему назначенном, публичные лекции, и в торжественном собрании сверх того защитит диссертацию...» [10, с. 138–139]. «Следуя общему правилу, Магистерские и Докторские диспуты должны проходить на латинском языке; но Отделение, по причинам до учености принадлежащим, может дозволить оные и на Немецком языке по прошению испытуемого» [10, с. 140]. «При всяческих публичных диспутах, после обыкновенных состязателей, между коими по крайней мере должен быть один Профессор Отделения, всякой из присутствующих может предлагать свои вопросы» [10, с. 141].

Он занимал традиционное место в российской системе научной аттестации до октября 1917 г., правда, как отмечает А. Иванов, «с неоднократными ограничениями и приостановками». Ритуал диспута складывался на протяжении всего XIX в., хотя основные его черты сложились еще в средневековых университетах Европы [4, с. 164, 172].

Общий объем защищенных диссертаций был невелик по сравнению со статистикой сегодняшнего дня. Общее количество университетских диссертаций (кроме медицинских) с 1805 по 1863 г. включительно составило 625, в том числе 160 докторских. На долю диссертаций по социогуманитарному профилю приходилось 60 % (30 % историко-филологических, 30 % юридических) [6, с. 143]. Общее количество университетских диссертаций (кроме медицинских), защищенных с 1864 по 1916 г. включительно, достигло 2266, в том числе 880 докторских. Их них 50 % диссертаций было написано социогуманитариями (30 % историко-филологических и 20 % юридических) [6, с. 150]. По совокупному числу защит лидировали социогуманитарные факультеты – около 53 % всех защит (историко-филологические – около 30 %, юридические – около 23 %), естественные факультеты – около 45 %.

Основополагающей правовой нормой диссертационного диспута была публичность. В правление Николая I с 1849 г. публичность диспута была ограничена из-за цензурных соображений, чтобы предупредить беспорядки при публичной защите диссертаций, предписывалось допускать на диспуты «только лиц известных университетскому начальству, и не иначе, как по билетам» [11, с. 242] (цит. по [4, с. 164]).

После смерти императора, в условиях идеологического «потепления» запреты на гласность публичного диспута были сняты и названы вынужденной и временной мерой. На защиты диссертаций в университеты вновь стали допускаться «все образованные люди, принимавшие участие в ходе отечественного просвещения» [11, с. 242] (цит. по [4, с. 164]). Положение 1864 г. об ученых степенях давало всем желающим возможность участвовать в диссертационных дебатах, что отвечало духу буржуазных реформ в сфере университетского образования [4, с. 165].

На рубеже XIX–XX вв. проблема диссертационного диспута стала темой острых дискуссий, развернувшихся в академической среде. Ее инициатор, известный казанский юрист, профессор Г.Ф. Шершневич, в 1897 г. издал полемическую брошюру, в которой предлагал отменить публичный диспут, заменив его коллективным решением всех факультетов данного профиля. Каждая юридическая диссертация должна была рассматриваться всеми юридическими факультетами российских университетов. Каждый факультет имел бы один голос, и решение бы принималось большинством голосов. Роль арбитра, рассматривающего письменные отзывы, можно было бы поручить либо Академии

наук, либо Министерству народного просвещения, либо Петербургскому университету [6, с. 150].

Г.Ф. Шершневич «убежденно утверждал: публичные защиты как элемент средневековья не приносят никакой пользы науке, являются тяжелым испытанием для начинающего ученого и даровым зрелищем, нередко веселым, для праздных зрителей, с одинаковым удовольствием наблюдающих бой атлетов в цирке и ученые диспуты в университете. Свою убежденность профессор аргументировал, во-первых, тем, что содержание диссертации и без диспута доступно всем желающим с ней ознакомиться через заведомую обязательную публикацию ее в виде самостоятельной книги, либо в журнальном варианте, во-вторых, возможностью ознакомить публику и с заключением факультета о диссертационном сочинении через предварительную публикацию его» [4, с. 167].

Бесплодность диспута ученый обосновывал также тем, что его исход предопределен, и решение факультета не может изменить даже идущие с ним вразрез мнения официальных оппонентов. По словам Г.Ф. Шершневича, оппоненты воспринимались как докучная помеха, предписанная ритуалом защиты. «В самом деле, что представляет собой диспут с внешней стороны? С одной стороны, вы видите взволнованного и расстроенного диспутанта, с трудом собирающего свои мысли, с другой – оппонентов, в лучшем случае скушающих от обязанности повторять публично то, что уже было высказано ими на факультете, в худшем поставивших себе задачей блеснуть перед публикой своим остроумием на счет беззащитного диспутанта... Известно, что ученые, и именно настоящие, серьезные, привыкшие критически относиться к собственным мыслям, отличаются застенчивостью, которая при публичном появлении может совершенно связать язык» [12, с. 23] (цит. по [4, с. 167]).

Выдающийся историк русского права, профессор Петербургского университета В.И. Сергеевич опубликовал статью с ответом на основные вызовы Г.Ф. Шершневича. Он признал справедливость некоторых критических замечаний, но в целом счел необходимым отклонить предложенную реформу системы научной аттестации. По его мнению, «центральное учреждение, которому была бы поручена процедура утверждения, превратилось бы в механическую инстанцию суммирования отдельных отзывов. В.И. Сергеевич полагал, что предлагаемое нововведение не улучшит наличную практику, а будет означать только лишение университетов их исконного права присуждать ученые степени». Автор статьи также высказался в защиту публичных диспутов, отметив их важную роль в ознакомлении общественности с актуальными проблемами науки и ее представителями. Стоит отметить, что полемика 1897 г. не повлекла за собой никаких изменений в системе научной аттестации [6, с. 151].

Однако пессимистичный взгляд Г.Ф. Шершневича на значимость диссертационного диспута нужно рассматривать в совокупности положительных

откликов о значимости этого ритуала. На протяжении XIX в. защиты диссертаций превратились в интереснейшее и заметное явление культурно-общественной жизни университетских городов. Некоторые дебаты проходили при большом стечении просвещенной публики. Для диспутов резервировали одну из самых больших аудиторий университета. Звучали аплодисменты, публика реагировала горячо, выражая поддержку той или иной стороне диссертационного диспута.

О дебатах в университетах охотно писали газеты, иногда публикации в СМИ инспирировались самим соискателем, чтобы заручиться поддержкой публики и защититься от оппонентов.

Главными действующими лицами защиты диссертации, как и сейчас, были две стороны: соискатель и его оппоненты, официальные и неофициальные. Все они в совокупности назывались диспутантами.

После представления диссертации факультет назначал рецензента, который подготавливал факультетский отзыв: подробный мотивированный разбор диссертационной работы, заключающийся выводом о признании ее достойной или недостойной искомой степени. Вопрос о допущении к публичной защите решался на закрытом заседании факультета простым большинством голосов [6, с. 146].

Состав диспутантов определялся на основе научных достоинств диссертации. Чем она была интереснее и значимее для науки, тем более авторитетные оппоненты стремились участвовать в диспуте.

Точный ответ на то, как формировался состав оппонентов, дается в исследованиях Г.Г. Кричевского. Отмечается, что официальные оппоненты назначались, как правило, из профессоров и преподавателей факультета. Реже оппонентами назначались представители другого факультета этого же университета. «Приглашать оппонентов из других университетов было не принято, поскольку акт возведения в ученую степень для каждого университета был делом сугубо автономным» [4, с. 173–174]. Г.Г. Кричевский также сделал вывод, что официальный оппонент не обязательно должен иметь ту же ученую степень, на которую претендовал соискатель.

Какие критерии: универсалистские или партикуляристские (объективные или субъективные, пристрастные или беспристрастные) преобладали на защитах диссертации того времени? По мнению Г.Г. Кричевского, «в целом, эта система обеспечивала объективную оценку качества диссертационного исследования, однако иногда наблюдались и отклонения от правила». Так, в 1886 г. физико-математический факультет Харьковского университета не допустил к защите докторскую диссертацию П.С. Костычева «Почвы Черноземной области России», хотя в том же году она была опубликована в Петербурге и оценена как выдающееся достижение отечественной науки [3, с. 24]. Следует заметить,

что диссертация, отклоненная на защите одним из университетов, могла быть представлена в любой другой университет России [6, с. 146].

Универсалистский характер защит обеспечивался не только принципиальными, по делу, без общих суждений, выступлениями официальных оппонентов, но и критикой широкого круга неофициальных (сторонних) оппонентов – от министра народного просвещения С.С. Уварова² до гимназиста VIII класса А.А. Шахматова³. Оппонентом мог выступать даже отец соискателя⁴. Количество неофициальных оппонентов не ограничивалось и иногда доходило до пяти человек. Состав оппонентов из публики не лимитировался ни с точки зрения образовательного уровня, ни с точки зрения профессиональных занятий [4, с. 176–177].

«Бывали случаи, – вспоминал академик И.А. Каблуков, – когда неофициальные оппоненты ставили своими возражениями диспутанта в более тяжелое и неприятное для него положение, чем официальные оппоненты. Мне рассказывали о случае, когда, принимая во внимание возражения неофициального оппонента, факультет признал защиту неудовлетворительной» ([5, с. 98–99] цит. по [4, с. 180]).

Студенты активно и страстно участвовали в диспуте, дожидаясь его как торжества, предварительно обсуждая аспекты защищаемой работы. Они создавали так называемый институт частных оппонентов [4, с. 177–180].

Стоит обратить внимание и на тот факт, что оппонентами, в том числе и официальными, могли быть научные руководители. Так, С.М. Соловьев оппонировал В.О. Ключевскому, В.И. Герье – Н.И. Карееву, В.О. Ключевский – П.Н. Милюкову. При этом нередко отношения между учителем и учеником ухудшались, потому что научные руководители избирали систему высмеивания, были придирчивы и беспристрастны. По мнению Милюкова, характер оппонирования В.О. Ключевского был партикуляристским, больше похож на «профанацию, рассчитанную на внешнее впечатление»⁵ [7, с. 130]. Из этого случая можно заключить, что внешняя беспристрастность, формальный универсализм защиты порой скрывали внутреннюю пристрастность, неформальный партикуляризм.

Самолюбие соискателей было не принято щадить, они нередко обижались на пристрастно-придирчивый тон ведения дискуссии. Правда, и они избирали

² Выступил на докторской защите М.С. Куторги «О коленях аттических» (Петербургский университет, 1838) [2, с. 5].

³ Выступил на защите магистерской диссертации А.И. Соболевского «Исследования в области русской грамматики» (Московский университет, 1882) [1, с. 16].

⁴ На докторской защите ботаника А.А. Фишера фон Вальдгейма выступил его отец А.Г. Фишер фон Вальдгейм [8, с. 1051].

⁵ П.Н. Милюков был так обижен на пристрастность В.О. Ключевского, что вопреки университетскому обычаю не пригласил своего научного руководителя на пирушку. «Это уж был форменный разрыв», – пишет он [7, с. 131].

такую же тональность диспута. По словам А.Е. Иванова, резкий характер дебатов был, скорее всего, ритуальным, нежели сущностным, практически всегда после язвительных нападок следовало положительное голосование коллегии профессоров факультета [4, с. 176].

Г.Г. Кричевский отмечает, что принципиальный характер защит подчеркивается хотя бы тем фактом, что в течение 34 лет во всех университетах России ученую степень доктора, минуя степень магистра, получили не более 30 диссертантов [6, с. 148].

Академик М.В. Нечкина в своей монографии о В.О. Ключевском пишет, что «защита протекала тогда иначе и гораздо интереснее, чем теперь. Диссертант не знал, что скажет оппонент, предварительное вручение письменного отзыва оппонента не практиковалось. Вся защита была импровизированным диалогом диссертанта и оппонента. Сначала, как и теперь, слово предоставлялось диссертанту. Произнося его, он не сходил с кафедры, ожидая выступления оппонента, который поднимался на другую кафедру и оглашал какое-либо свое возражение, выражал какое-либо сомнение или задавал вопрос диссертанту. Тот должен был незамедлительно и без подготовки отвечать ему. Восхвалять работу в начале выступления считалось для оппонента непристойным, обычай разрешал ему при желании сделать это лишь в конце выступления.

Живой диалог, разумеется, требовал от диссертанта находчивости, остроумия, быстрой мобилизации своей эрудиции, прекрасного общего знания предмета. Живая и трудная проверка диссертанта и его работы производилась публично, право выступить имел каждый присутствующий, а поскольку книга перед диспутом выходила в свет, то любой желающий мог и подготовиться к дискуссии, и принять в ней участие. Время дискуссии по обычаю не регламентировалось, и ученые споры в силу сложившейся еще в средние века традиции могли, теоретически говоря, идти хоть всю ночь напролет» [4, с. 180–182] (цит. по: [9, с. 166]).

С сожалением можно констатировать, что после революции 1917 г. многие академические традиции были утрачены, а большинство защит практически перестало быть поистине публичными диспутами. Защиты диссертаций уже не собирают большие аудитории – академическая наука не интересуется широкой публикой. На диссертационные диспуты наших дней приходят некоторые члены диссертационного совета (присутствие председателя или его заместителя необходимо, остальные нередко присутствуют только на бумаге), один–два или три оппонента, сам соискатель и ученый секретарь. Кроме того, на защите присутствуют представители команды поддержки соискателя (родственники, друзья, коллеги) и редкие любопытные.

Разумеется, невысокий интерес как широкой, так и научной общественности к диспутам обусловлен тем, что наука стала слишком специализированна, научная речь насыщена терминами, подчас недоступными неспециалисту

в данной дисциплине. Телевидение, радио и Интернет предоставляют избыток информации по любой теме, а университеты перестали быть главными источниками злободневной информации и центрами притяжения интеллигенции. Однако, на наш взгляд, причиной публичного равнодушия к защите стала и потеря интриги – игры умов и научной дискуссии. Даже именитые ученые выбирают для своей защиты «удобные», наиболее бесконфликтные для них кафедры и институты – «от греха подальше». Закрытость некоторых защит диссертаций вызвана желанием соискателя и устроителей этого подчас околonaучного «спектакля» скрыться от ненужных глаз и ушей.

Может быть, интерес общественности могло бы вернуть проведение наиболее интересных защит в Политехническом музее и Домах ученых, но вряд ли кто-то из соискателей возьмется проводить подобную PR-акцию. Осмелился бы хоть один современный ученый провести истинно публичную защиту с анонсом как в популярных, так и специализированных СМИ, с широкой рекламой своей монографии в преддверии диссертационного диспута? Российские истинно-, около- и псевдонаучные сообщества расколоты и разделены на враждующие или равнодушные друг к другу группы. Границы науки размыты, научные сообщества замкнуты и подчас не обладают возможностями или не расположены к широкой научной коммуникации. Стоит ли вылезать из своего научного «окопа» и выходить на поле открытого научного сражения? Псевдоученый не будет рисковать и подвергать свою репутацию возможности подлинно научной экспертизы и рецензирования равными, а настоящий ученый не пошел бы на это из других соображений: подобный диспут являлся бы лишь пустой тратой времени, мероприятием с неясным КПД.

Полагаем, что защита диссертации в настоящее время, в отличие от диспутов XIX – начала XX в., превращается в непубличный научный ритуал, который российские научные работники стремятся провести с наименьшими потерями энергии, денег и времени.

Из академической науки ушла публичность. Стоит ли горевать? Пожалуй, да. Публичность диссертационных диспутов дореволюционного времени была эффективным механизмом выполнения мертоновских постулатов этоса науки [14, р. 267–278] – универсализма – беспристрастного отношения к ученому (где основную роль играла не личность исследователя, а достигнутый им научный результат), всеобщности – научный результат становился достоянием общественности, организованного скептицизма – диспут являлся местом и временем рецензирования равными и открытой критики любого научного результата. Сейчас же защиты диссертации во все большей степени перестают быть инструментом отсеивания возможных ошибок, пробелов в социогуманитарных исследованиях. В состоянии ли российское научное сообщество предложить альтернативные действенные механизмы научной экспертизы вместо потерявшего былую силу и смысл диссертационного диспута?

Библиографический список

1. Алексей Александрович Шахматов. 1864–1920. Биографические материалы / С.А. Шахматова-Коплан. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
2. Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 246. Отд. 4.
3. Записки Харьковского университета. 1908. № 4.
4. *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М.: ИРИ РАН, 1994.
5. *Каблуков И.А.* Как приобретали ученые степени в прошлое время // Социалистическая реконструкция и наука. 1935. № 8.
6. *Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2.
7. *Милюков П.* Воспоминания. М.: Вагриус, 2001.
8. Московские университетские известия. 1866–1867. № 10.
9. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. М.: Наука, 1974.
10. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование Императора Александра I. 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1875.
11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Отд. 2-е. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1876.
12. *Шершеневич Г.Ф.* О порядке приобретения ученых степеней. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1897.
13. *Cushman T.O.* Ritual and Conformity in Soviet Society // The Journal of Communist Studies. 1988. Vol. 4. № 2. P. 162–180.
14. *Merton R.K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by Norman W. Storer. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1973.

О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В ЗДРАВОВЕДЕНИИ

.....

Ю. Н. Синицын*

Особенности методологии педагогического регулирования

Определение методологии педагогики как науки о методах, ориентированных на познание *внутренних* механизмов, логики движения и организации педагогического процесса позволяет отнести ее к сфере исследований, выявляющих *смысл* педагогической деятельности в целом, путей и способов личностно-профессионального самоопределения субъектов образования в изменяющейся социокультурной ситуации. Определяя ту или иную систему принципов, способов организации, построения теоретической и практической деятельности, методология разрабатывает основы познания, прогнозирования и проектирования педагогической действительности [5, с. 54]. Прогнозирование и проектирование становятся возможными благодаря непредвзятому методологическому анализу тенденций педагогических процессов. При разработке и обосновании конкретного способа решения педагогических проблем – при постановке целей, отборе принципов, определении содержания педагогического процесса и т.д. – руководствуются так называемыми *методологическими регулятивами*.

Педагогическая наука, выполняя функцию регулирования практики, оперирует, по мнению В.И. Журавлева, категориальным аппаратом педагогических процессов с опорой на философскую, гносеологическую, идеологическую и прогнозирующую функции методологии. Каждая из этих функций нормирует (регулирует) развитие науки в меру соотношения её с неким основоположением, в качестве которого до недавнего времени выступала марксистско-ленинская философия [10, с. 6]. Вместе с тем абсолютизация регулирующей функции

* Синицын Юрий Николаевич, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой технологии и предпринимательства Кубанского государственного университета. Электронная почта: sinitsin@kubannet.ru.

низводит педагогику до уровня нормативной отрасли знаний, которая соответствует её статусу как науки только отчасти [11, с. 13].

С точки зрения В.В. Серикова, преобразования педагогического сознания и практики регулируются определенным набором методологических операций. Выявляя новое содержание категорий цели, содержания, методов и технологий, они приобретают способность регулирования практики в форме целеполагания, прогнозирования и конструирования образовательно-воспитательных систем. Цель должна отражать не только модель проектируемой личности, но и модель содержания педагогической системы, в которой учитываются ситуации её личностного проявления и развития. Особая регулятивная функция придается принципам, преобразуемым в технологические правила и запреты, экспликация которых является одним из надежнейших признаков теории [20, с. 25]. Поэтому при исследовании здоровьесберегающей деятельности комплексным методологическим регулятивом может выступать система взглядов, идей, конструктивных принципов, определяющих:

- специфику процесса здоровьесберегающей деятельности и его отличия от других социально-образовательных процессов;
- место и функции этого процесса в системе многообразных факторов социализации личности;
- цели и программы субъектов образовательного процесса;
- ожидаемые изменения в объекте этого процесса (в личности ученика) на всех стадиях его образовательного развития, которые являются «продуктом» именно этого процесса, а не каких-то других внепедагогических факторов;
- педагогические средства, используемые в процессе здоровьесберегающей деятельности, их природу, критерии необходимости и достаточности в отношении тех функций, которые должны быть реализованы этим процессом;
- принципы организации и осуществления процесса, преобразуемые в технологические регулятивы, правила, запреты [21, с. 64–65].

Концептуализация категории «здоровье»

Концептуализация здоровьесберегающей деятельности еще далека от завершения. Прежде всего, затруднения связаны с недостаточной определенностью ключевой категории «здоровье». Толковый словарь русского языка акцентирует внимание на соответствии требованиям физиологической нормы: «правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие» [17, с. 223]. Психолого-педагогический словарь принимает во внимание сообразность здоровья окружающей среде: «состояние организма, характеризующееся его уравновешенностью с окружающей средой и отсутствием каких-либо болезненных изменений» [18, с. 162].

Н.М. Амосов полагает, что здоровье организма определяется максимальной производительностью органов при сохранении качественных пределов их функций [1]. В.П. Казначеев трактует здоровье как «процесс сохранения и развития биологических, физиологических и психических функций, оптимальной трудоспособности, социальной активности при максимальной продолжительности жизни» [12]. И.И. Брехман определяет здоровье как «способность человека сохранять соответствующую возрасту устойчивость в условиях резких изменений количественных и качественных параметров триединого потока сенсорной, вербальной и структурной информации» [9]. По мнению В.Т. Лободина, здоровье – это бесконфликтная, безопасная, счастливая деятельность организма на биологическом, психологическом, социальном и духовном уровнях человеческой природы [16].

Из приведенных определений (а это далеко не полный их перечень) видно, что понятие «здоровье» отражает качество приспособления организма к условиям внешней среды и представляет итог процесса взаимодействия человека и среды обитания: само состояние здоровья формируется в результате взаимодействия внешних (природных и социальных) и внутренних (духовность, наследственность, пол, возраст) факторов.

Так или иначе ученые все виды здоровья связывают с отношением человека к жизни. Качество здоровья зависит от того, какой приоритет – биологический или духовный – выбирается в приспособлении к жизни, какие ценности – позитивные или негативные – становятся для человека главными в реализации избранного пути, чем определяется выбор ценностей – обыденным мнением, ориентированным на природные инстинкты, или нравственным императивом.

Роль субъекта в педагогическом процессе

Остановимся на разделении доктрин здоровья на западную, опирающуюся на сократовский тезис «познай самого себя», и восточную, базирующуюся на конфуцианском тезисе «сотвори себя сам» [15]. Оба подхода так преломлены в современных отечественных теориях личностно ориентированного образования, что рассматривают здоровьесберегающую деятельность как систему обучения и воспитания с позиций самоорганизации. Ведущим методологическим регулятивом обоих подходов выступает неявная ориентация на самопознание, воплощающая авторитарный классический подход к образованию. Однако при большом количестве психолого-педагогических наработок, ориентированных на традиционный подход к формированию личности, найти методику или технологию, направленную на познание сущностных характеристик своей личности и/или на внутренние механизмы самотворчества и самоорганизации, крайне трудно. В этом можно убедиться, обратившись к наиболее известным рекомендациям, декларирующим самопознание не иначе как необходимость

поиска в своем внутреннем мире заданных извне параметров вместо поиска наличествующих характеристик, а самоорганизацию – как деятельность педагога, внедряющего свои и чужие установки в сознание ученика вместо организации педагогической поддержки деятельности личностных структур его сознания.

Наиболее наглядно это просматривается в рекомендациях по организации самоанализа, самокритики, самонаблюдения [3; 19], внутреннего (рефлексивного) диалога [4; 7] и т.д. Авторы прибегают к интерпретации данных методов самопознания и саморазвития, опираясь на классическую парадигму естественнонаучного познания. Поэтому в концепции внутреннего диалога хотя и декларируется «установление связи между конкретными практическими действиями и содержанием смысловых образований» [8, с. 44], но правом их «задавания и регулирования» наделяется только преподаватель.

Н.М. Борытко рефлексивный диалог рассматривает как способ получения совместного знания, т.е. как обмен и взаимообогащение смыслами [7, с. 101]. Наиболее продуктивной формой образования автор определяет воспитательно-обучающую личностно развивающую ситуацию, где рефлексивный диалог технологизируется приемами «снятия» недостатков ментального опыта (в данном случае, студентов), пробелов в их самоопределении, самореализации. В частности, для вступления в диалог профессиональной рефлексии, студентам предлагается ответить на такие вопросы: «Каков я как специалист?» или «Верно ли я действую в определенных ситуациях с позиции надситуативной, выражающей мои общие принципы, позиции, взгляды?» Ответить на подобные вопросы, не имея критериев самооценки, невозможно. Поскольку автор никаких критериев не предлагает, остается либо безотносительное фантазирование, либо попытка «нащупать» правильный ответ. Поскольку содержание рефлексии раскрывается как «соотнесение себя, своих смыслов с обстоятельствами внешнего мира, с социокультурными ценностями, что проявляется в самооценке», студенту предлагается не размышление над содержанием этих ценностей, а некий процессуальный акт, четко предписанный методическим алгоритмом. Но критерии самооценки в гуманистическом образовании состоят не в мерилах правильности, а в умениях культурного порождения и расположения своих личных смыслов – не транслируемых преподавателем смыслов, а порожденных сознанием студента в ходе поисковой деятельности. Эти критерии представлены в постнеклассической парадигме естественнонаучного познания, но автор их не использует.

Очевидно, что такая интерпретация самопознания и порождения личностного смысла снижает возможность для гуманного управления процессами самоорганизации личности педагогическими средствами, затрудняет их технологизацию, которая была бы адекватна сущностному смыслу самопознания и синергетической трактовке самоорганизации.

Структура современного здравоведения

На современном этапе в отрасль знания о здоровье входят патология, реабилитология и санология, в которых развиваются традиционные представления о лечении, восстановлении и профилактике здоровья. Интегрированную науку о здоровье И.И. Брехман предложил называть валеологией [9, с. 22], от латинского слова «*valēre*» – быть здоровым. Новой науке о здоровом образе жизни присущи такие характеристики, которые свойственны постнеклассической методологии познания:

- междисциплинарность, или связь и взаимодействие с другими науками о человеке (физиология, психология, педагогика, философия и др);

- интегративный характер;

- многоуровневость: наличие теоретических, практических и организационных уровней;

- многообразие способов и стратегий воздействия на здоровье: формирование, сохранение, укрепление, восстановление.

В этой науке здоровье понимается как основа жизнедеятельности человека, как сложный, многоуровневый феномен, включающий в себя физиологический, психический, социальный и педагогический компоненты. С последним компонентом тесно связана идея И.И. Брехмана о формировании у человека индивидуального способа здорового образа жизни с самого раннего детства. Этим объясняется выделение в области научного валеологического знания направления педагогической валеологии. Педагогическая валеология рассматривает здоровье не как сиюминутное «состояние благополучия», что характерно для медицины, а «как вектор полноценного и не осложненного развития ребенка» (В.Т. Кудрявцев). Введению научных сведений о здоровье ребенка в систему общепризнанных педагогических воззрений способствуют идеи целостности природы здоровья человека, ценностного отношения к здоровью, зависимости здоровья, прежде всего от образа жизни, а также идея самосовершенствования, воплощающая принципиальную возможность не только укрепления, но и самоорганизации здоровья.

Вместе с тем существенным препятствием становлению отечественного валеологического образования оказалась неоднозначная трактовка концептуальных основ валеологии. Вариативность формирования этих основ была неизбежна на стадии провозглашения новой науки, но сейчас она только вносит путаницу во все формы валеологического образования и валеопрактики. Вариативность образовательных программ без адекватной соревновательности не лучшим образом сказывается на качестве валеологического образования. В детских садах и школах появляются самозванные валеологи, не имеющие соответствующей профессиональной подготовки, несущие детям неточную или даже ложную информацию. Вследствие этого нарушается самый важный

принцип управления здоровьем человека – «не навреди». Отсутствие единого профессионального языка отразилось на качестве учебной и методической литературы, что при недостаточной теоретической подготовленности педагога, стремящегося найти готовую методику, вызывает у него либо растерянность, либо необоснованную самоуверенность и иллюзию вседозволенности. В качестве учебных пособий нередко используются книги или даже тиражируемые рукописные материалы малокомпетентных авторов, не имеющие грифа органов управления образованием и не подвергавшиеся экспертизе или предварительному обсуждению.

Отказ от поляризации представлений о здоровье и болезни в медицине потребовал новых научных разработок. Понадобилось создание такой же, как синергетика, кооперативной целостной науки о здоровье. Единая наука о здоровье человека, по мнению В.В. Колбанова, может быть обозначена как здравоведение [14, с. 12–15]. Его формирование еще не окончилось, но оно началось давно и шло разными путями. В настоящее время отрасль кооперированного знания о здоровье более успешно развивается в рамках здравоведения. Объект здравоведения – здоровье человека во всех проявлениях в норме и патологии, во взаимодействии индивида с окружающей природной и социальной средой, изучаемое в интересах выявления причин, условий и закономерностей изменения его резервных возможностей.

Предмет здравоведения на данном этапе его развития – это критерии здоровья, позволяющие количественно и качественно оценивать здоровье или тенденции в его динамике при изменении форм жизнедеятельности. Все более очевидным становится тот факт, что здоровьесберегающая деятельность в образовании есть нечто отличное от сложившихся «дискретных» форм медицинской помощи даже при большом их разнообразии и не сводится к медицинскому просвещению, консультированию либо самообразованию, даже систематическому. Традиционная ориентация медицины как своего рода методологическая установка и для педагогики на лечение и предупреждение патологических состояний способствовала развитию науки о болезнях, оставляя открытым вопрос о сущности здоровья.

Таким образом, здравоведение неизбежно приближается к статусу комплексной фундаментальной науки, превращаясь в метанауку второго порядка, базисом которой служат гуманистическая философия и антропология. Но и в гуманистической философии и в антропологии, приоритетное внимание уделяется внутреннему миру личности, ее нравственному содержанию. Вместе с тем принятые критерии здоровья, здорового образа жизни и т.д. не дают методологической ориентации на разработку педагогических теорий и адекватных им технологий, способных системно поддерживать становление здорового образа жизни.

Современный образовательный контекст вносит серьезные коррективы в понимание сущности здоровьесберегающей деятельности в образовании. Несмотря на возрастание числа нездоровых школьников до критических величин, в педагогике, вопреки реальности, продолжает существовать априорное допущение о том, что педагогическая наука рассматривает обучение и воспитание здоровых детей здоровыми учителями в нормальных условиях, несколько завуалированное декларированием охраны здоровья детей.

По данным Министерства образования и науки и Министерства здравоохранения и социальной защиты РФ, только 4–5 % выпускников школ можно назвать практически здоровыми. Исследования показывают, что через 20 лет работы в школе у подавляющего числа педагогов наступает «эмоциональное старение». Это проявляется в виде ряда симптомов, которые образуют так называемый синдром профессионального выгорания, которому очень подвержены учителя. По данным С. Филиной, среди учителей высшей категории 53 % – «сгоревшие» [23, с. 18]. При этом они характеризуются высокой тревожностью, интровертированностью. У молодых педагогов и у педагогов с большим стажем работы наблюдаются психосоматические недомогания, негативное отношение к профессиональной деятельности, астенический синдром, чувство вины перед близкими. Ключевой проблемой является низкая престижность здоровья, резко заниженное самосознание учителей о его ценности.

К основным причинам, негативно влияющим на состояние здоровья учащихся, исследователи относят снижение качества и уровня жизни, ухудшение условий учебной и досуговой деятельности, качества питания, экологической обстановки, увеличение стрессовых нагрузок и, как следствие, нервно-психических расстройств.

Резкое увеличение объема и скорости обращения информации в современном обществе определили одну из его особенностей – различные формы образовательного общения не столько дополняют друг друга, сколько противостоят и противоречат друг другу, способствуя дополнительной невротизации учебного процесса. Информатизация общества привела к резкому увеличению массовых источников информации (книги, пресса, радио, телевидение, Интернет), что обусловило несогласованность сообщений на разных этапах образования. Информатизация поставила перед образованием проблему согласования знаний, в том числе о сохранении здоровья, полученных обучающимся из разных источников. Поскольку эта проблема решается в основном в пользу наращивания количества информационных технологий, сложилось явное противоречие между необходимостью готовить духовно и физически здоровых людей и содержательной стороной образования в целом.

Новые цели образования (развитие духовно-нравственных основ личности, ответственности за происходящее, компетентности, стремления и способности к саморазвитию и т.д.) не могут быть достигнуты в дискретной системе

отдельными периодами, формами, институтами обучения и воспитания, многие исследователи предлагают либо организационно-педагогические (институциональные, структуротворческие), либо технологические (процессуальные) подходы к решению содержательных проблем образования.

Как отмечает В.П. Борисенков, культурологическая концепция образования выступает в качестве несущей конструкции всей работы по модернизации содержания образования в школе [6, с. 4]. Регулятивы культурологической концепции личностно ориентированного образования (Е.В. Бондаревская) устанавливают другие нормы для становления содержательных убеждений, базирующихся на порожденном лично человеком смысле; опыта, приобретаемого в процессе самоактуализации и самореализации собственных сил; субъектности как внутренней, смысловой, т.е. содержательной, активности личности.

По мнению Н.Х. Байчекуевой [2], А.Ф. Киселева [13], Г.В. Сохадзе [22] и др., расхождение между этими методологическими нормативами и сохранением тенденций классического понимания их смысла обернулось неспособностью различных институтов системы образования обеспечить подготовку и переподготовку творчески активных «субъектов своей жизнедеятельности». Очевидно, что вместе с распадом образовательной моносистемы утратили свое прогностическое значение и научные концепции, обслуживавшие ее функционирование и развитие, но сама идея системы здоровьесберегающей деятельности в образовании не только не исчезла, но и приобрела в новых условиях особую актуальность.

Главный смысл новых подходов состоит в понимании данной системы не как средства для достижения целей государства, общества, а как цели самого человека, стремящегося к самоизменению. Но методологическое регулирование целеполагания, разработки принципов, построения содержания изучаемых знаний и определяемых этими категориями технологий здоровьесберегающей деятельности и управления происходящими в ней процессами продолжает осуществляться с ориентацией на исчерпавшую себя методологию.

Другой методологической особенностью современных подходов к разработке личностно ориентированной системы здоровьесберегающей деятельности в образовании выступает смещение акцента со структурно-институционального и технологического компонентов на ее содержательный компонент.

Представленные данные анализа методологической проблематики педагогического регулирования здоровьесберегающей деятельности в образовании обозначают не только существующие противоречия, но и дают конкретные ориентиры для их разрешения. Вместе с тем не вызывает сомнения необходимость дальнейшего анализа зависимости понимания и реализации здоровьесберегающей деятельности в образовании, ее ценностей от развития научных представлений и особенностей менталитета, от качественного разрешения противоречий в философских интерпретациях и педагогических подходах.

Это повлечет за собой переориентирование целей, функций, содержания существующей теории и практики здоровьесберегающей деятельности, появление новых образовательных структур и социальных институтов. Однако переориентация должна проводиться в соответствии с новыми подходами и не выходить за рамки цивилизационной и культурной тенденций развития представлений о педагогических ценностях здоровьесберегающей деятельности. Обращение к генезису данных ценностей в исторической ретроспективе выводит на определение сущностных причин противоречий, сдерживающих построение теорий, адекватных современным научным требованиям.

Библиографический список

1. *Амосов Н.М.* Раздумья о здоровье. М.: ФиС, 1987.
2. *Байчекуева Н.Х.* Поликультурная воспитательная система непрерывного педагогического образования (на материале Кабардино-Балкарии): Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов н/Д, 2005.
3. *Безрукова В.С.* Педагогика. Проективная педагогика: Учеб. пособие. Екатеринбург: Деловая книга, 1996.
4. *Белова С.В.* Функции учебного диалога в усвоении старшеклассниками ценностно-смыслового содержания гуманитарных предметов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1995.
5. *Бондаревская Е.В., Кульневич С.В.* Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: Учеб. пособие. М.; Ростов н/Д, 1999.
6. *Борисенков В.П.* Вызовы современной эпохи и приоритетные задачи педагогической науки // Педагогика. 2004. № 1.
7. *Борытко Н.М.* В пространстве воспитательной деятельности: Монография / Науч. ред. Н.К. Сергеев. Волгоград: Перемена, 2001.
8. *Борытко Н.М.* Профессиональное воспитание студентов вуза: Учеб.-метод. пособие / Науч. ред. Н.К. Сергеев. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2004.
9. *Брехман И.И.* Валеология – наука о здоровье. М.: ФиС, 1996.
10. *Журавлев В.И.* XXVII съезд КПСС и проблемы методологии педагогической науки. М.: Педагогика, 1988.
11. *Журавлев В.И.* Педагогика в системе наук о человеке. М.: Педагогика, 1990.
12. *Казначеев В.П.* Очерки теории и практики экологии человека. М.: Наука, 1983.
13. *Киселев А.Ф., Чеботаревский Ю.В.* Непрерывная интегрированная подготовка студентов в структуре университетского комплекса. Концептуальные и институциональные аспекты образования // Высшее образование сегодня. 2002. № 12.
14. *Колбанов В.В.* Валеология: основные понятия, термины и определения. СПб.: ДЕАН, 2001.
15. *Лисицын Ю.П., Сахно А.В.* Здоровье человека – социальная ценность. М.: Мысль, 1988.
16. *Лободин В.Т.* Трудное счастье совершенства. СПб.: Комплект, 1997.
17. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994.

18. Психолого-педагогический словарь для учителей / Сост. В.А. Межериков. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
19. Рувинский А.И., Кобыляцкий И.И. Основы педагогики: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1985.
20. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технология. Волгоград: Перемена, 1994.
21. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования образовательных систем. М.: Логос, 1999.
22. Сохадзе Г.В. Предпосылки становления развития непрерывного образования личностно ориентированного типа // Человек: его сущность, развитие и проблемы. Ростов н/Д: ГинГо, 2003. Вып. 15:
23. Филина С. О «синдроме профессионального выгорания» и технике безопасности в работе педагогов и других специалистов социальной сферы // Школьный психолог. 2003. № 36.

ОТНОШЕНИЯ БРАЗИЛИИ СО СТРАНАМИ ЕС

.....

Н. В. Чернышова*

Сближение Европы со странами Латинской Америки началось в 1970-е гг. Приобретший к тому времени политическую и экономическую силу западноевропейский капитал стал искать новые рынки сбыта для своих товаров. Латинская Америка, в свою очередь, стремилась ослабить зависимость от США. С 1980-х гг. ЕС обращает еще более пристальное внимание на латиноамериканские страны как на возможных партнеров в связи с намерением Испании и Португалии сформировать иберо-американское политическое пространство, особенно после того как в 1986 г. эти страны вступили в ЕС. Уже в 1987 г. Совет министров ЕС принял положение об установлении постоянно-го диалога в экономической, политической и социальной сферах со странами Южной Америки.

Однако к середине 1990-х гг. позиции ЕС в регионе ослабли, поскольку многие страны Латинской Америки в своей политике демонстрировали ориентацию на США, что проявилось, в частности, в их стремлении присоединиться к НАФТА¹. Доля Западной Европы в прямых иностранных инвестициях в Латинской Америке, составлявшая в конце 1980-х гг. 50 %, снизилась в 1990–1995 гг. до 25 %, так как после распада советского блока европейские инвестиции «потекли» в страны Центральной и Восточной Европы, нацеливаясь на технологическую модернизацию производства, создание новых рабочих мест. Ослабли позиции ЕС и в двусторонней торговле с латиноамериканским регионом. Обеспокоенный сложившейся ситуацией, в 1994 г. Совет ЕС принял специальный документ о развитии отношений с Латинской Америкой и выработке стратегии нового партнерства, включающей в себя углубление политического диалога, расширение свободной торговли, поддержку регионального интеграционного процесса в Латинской Америке, техническое и финансо-

* Чернышова Наталья Викторовна, аспирантка кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (Университета) МИД РФ. Электронная почта: chernata@mail.ru.

¹ Североамериканская зона свободной торговли (North American Free Trade Area – NAFTA) была образована в 1988 г. США и Канадой, в 1993 г. к ней присоединилась Мексика.

вое сотрудничество. Уточненная стратегия взаимоотношений ЕС с Латинской Америкой была сформулирована в совместной декларации ЕС и Группы Рио² в 1997 г. и включала уже торгово-финансовое сотрудничество, политический диалог, устойчивое развитие, борьбу с наркобизнесом [1, с. 344]. Первостепенное значение имеет, конечно, латиноамериканский гигант – Бразилия, обладающая самым мощным политическим и экономическим весом в регионе (что делает ее центром регионального влияния) и претендующая на статус мировой державы.

В 1985 г. ЕС открыл свое первое дипломатическое представительство в бразильской столице. Развитию более интенсивных связей Бразилии и ЕС способствовало подписание в июне 1992 г. рамочного соглашения о сотрудничестве, в соответствии с которым стороны обязались проводить регулярные политические консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес, и расширять сферы экономического и технического сотрудничества.

С конца 1980-х гг. Бразилия стала весьма притягательной для западноевропейских партнеров. В стране произошли значительные перемены в политической и экономической областях: был ликвидирован авторитарный военный режим и начался переход к демократической политической системе.

Бразильское руководство считает отношения с Евросоюзом одним из внешнеполитических приоритетов, важным направлением, призванным обеспечить достижение долговременных интересов страны в политической, торгово-экономической и социальной областях. Значимость этих связей для Бразилии определяется культурно-исторической общностью, традиционной ориентацией на европейские рынки, на которые приходится до четверти внешнеторгового оборота страны (около 25 млрд дол.), крупнейшими объемами накопленных здесь инвестиций из ЕС (свыше 50 млрд дол.) [13].

Отношения между Бразилией и ЕС структурируются в несколько взаимозависимых векторов. Прежде всего это связи с ведущими европейскими государствами, интеграционные процессы по линии ЕС – МЕРКОСУР³, действующий с 1999 г. институт евро-латиноамериканских саммитов, непосредственные контакты между Бразилией и Брюсселем.

² Группа Рио была создана латиноамериканскими государствами в 1986 г. как постоянно действующий механизм политических консультаций для согласования единых латиноамериканских позиций по ключевым региональным и международным проблемам. В настоящее время в нее входят 19 стран Латинской Америки (Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Доминиканская Республика, Уругвай, Венесуэла, а также представитель от стран Карибского сообщества по принципу ротации).

³ МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного конуса) образован в 1991 г., когда Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай подписали в Асунсьоне Учредительный договор. Чили, Боливия, Колумбия, Эквадор, Перу и Венесуэла являются ассоциированными членами этого объединения.

Немаловажную роль в развитии отношений между ЕС и Бразилией сыграл президент Фернандо Энрике Кардозо⁴, которого в период его пребывания у власти (1995–2002 гг.) главы западноевропейских государств объявили своим главным политическим партнером на южноамериканском континенте [14], а премьер-министр Великобритании Т. Блэр называл «одним из самых уважаемых мировых лидеров» [16].

Президент заслужил подобную высокую оценку благодаря проведению модернизаторских неолиберальных реформ, в результате которых Бразилия впервые за долгое время оказалась в условиях демократической и экономической стабильности, позволяющей вести долгосрочное планирование в важнейших областях экономики и политики. Президент понимал, что переход к демократии после военных режимов должен сопровождаться созданием политической системы, способной усилить включенность страны в мировое сообщество в качестве полноправного субъекта, закрепить ее лидирующую роль в регионе, обеспечить максимальное участие в принятии решений многосторонней повестки дня: «Претворение в жизнь постоянного национального проекта развития должно способствовать все возрастающему укреплению наших позиций на международной арене» [6].

Лидер страны проявил себя талантливым дипломатом. Во многом благодаря Ф.Э. Кардозо в последнее десятилетие XX в. в отношениях между Бразилией и ЕС произошел поворот от узкопрагматического подхода, т. е. от развития только торгово-экономического сотрудничества, к его расширению, а также принятию совместных решений по таким социально-экономическим и политическим проблемам, как защита прав человека, в том числе прав женщин и детей, решение проблем бедности и голода, внешнего долга, охрана окружающей среды, борьба с наркобизнесом. Политический диалог рассматривался обеими сторонами как инструмент для укрепления политической стабильности, разрешения внутренних конфликтов и противоречий и устойчивого развития в будущем. ЕС начал проявлять заинтересованность в политическом сотрудничестве с Бразилией на основе своих подходов к проблемам укрепления мира и международной безопасности.

Вместе с тем с приходом к власти Ф.Э. Кардозо Бразилия стремилась играть все большую роль в делах мирового сообщества, добиваясь от европейских стран не только поддержки требования реформы ООН, но и одобрения своей кандидатуры как представителя Латинской Америки в качестве постоянного члена СБ ООН. В конце 1990-х гг. действия Бразилии в этой области были достаточно результативны: ей удалось получить от ведущих западноевропейских стран если не полную поддержку, то, по меньшей мере, одобрение своей пози-

⁴ Ф.Э. Кардозо – лидер Социально-демократической партии Бразилии (Partido Social-Democrático do Brasil – PSDB). При президенте И. Франко в 1992 г. был назначен министром иностранных дел, в 1993 г. – министром экономики и финансов.

ции по данному вопросу. Франция заявила о том, что, поддерживая Германию и Японию, она в то же время ни в коей мере не будет мешать продвижению в СБ ООН таких ведущих держав юга планеты, как Бразилия [9]. Германия объявила, что будет всячески поддерживать своего южноамериканского партнера в требовании расширить постоянный состав СБ ООН [8].

Однако в условиях современного мира политический вес страны зависит от мощи ее экономики. Исходя из данного утверждения, можно предположить, что Бразилия превратится в один из многочисленных центров мира в случае развития системы международных отношений по многополюсному сценарию. Поэтому Бразилия стала уделять особое внимание развитию торговли со странами ЕС.

С приходом к власти Ф.Э. Кардозо в стране начала реализовываться программа экономической стабилизации, которая предусматривала ускоренную приватизацию и привлечение иностранного капитала. Действительно, прилив в бразильскую экономику иностранного капитала существенно вырос, кроме того, увеличился приток прямых иностранных инвестиций, что очень важно для страны. Интерес вызвал процесс приватизации госсектора в Бразилии (в частности, электроэнергетики, горнодобывающей промышленности). Итогами первого президентского срока Ф.Э. Кардозо (1995–1999 гг.) стали результаты проведенных рыночных реформ – снижение инфляции, оживление хозяйственной деятельности, активизация предпринимательства. Эти положительные изменения в экономической жизни государства послужили важнейшим фактором роста доверия к Бразилии со стороны иностранных инвесторов. Ведущие европейские компании начали осуществлять модернизацию своих предприятий в Бразилии. Наличие крупного местного рынка позволило филиалам европейских ТНК расширять сбытовую сеть и наращивать производство.

Правда, бразильское правительство беспокоил интенсивный наплыв в страну так называемых «горячих денег», краткосрочных капиталов вследствие высоких ставок банковского процента и высокой доходности некоторых категорий акций на фондовых рынках страны. Во избежание угрозы дестабилизации валютно-финансовой системы власти старались посредством налогов ограничить поступление таких капиталов в Бразилию [2, с. 117].

Необходимо отметить, что благодаря обоюдным стараниям торгово-экономические отношения между ЕС и Бразилией за последние 10–15 лет значительно активизировались, несмотря на финансовые кризисы в Западном полушарии. Только европейские прямые инвестиции в Латинской Америке, а это 30 % всех инвестиций, направляемых Европой в развивающиеся страны, составили в 1997 г. 17,06 млрд дол. Основным получателем европейских вкладов стала Бразилия, на которую пришлось 34 % [3, с. 34]. Европейские ТНК широко представлены в регионе вообще, и в Бразилии в частности. Рост экспорта Бразилии в Европу усиливает тезис о том, что это партнерство фундаменталь-

ное для Бразилии. В 2002 г. страна импортировала 13,1 млрд дол. из Европы, а экспортировала 15,1 млрд дол., т. е. положительное сальдо составило 2 млрд дол. [12].

Европейские предприятия занимают важные позиции в промышленном секторе Бразилии. Европейские ТНК, действующие в высокотехнологичных отраслях экономики, вносят весомый вклад в реструктуризацию промышленного производства Бразилии, повышая ее технологический потенциал. Прямые инвестиции из ЕС направляются в финансовый сектор и банковское дело Бразилии, в торговлю, в сферу страхования, на поддержание инфраструктуры, а также распределяются между частными хозяйствами.

Основой экспорта Бразилии в страны ЕС остаются пока сельскохозяйственные товары, таможенные пошлины на которые служат главной причиной столкновений ЕС с Бразилией, ее партнерами по МЕРКОСУР и в целом с латиноамериканскими странами. Бразилия является второй после США страной по объему поставок сельхозпродукции в ЕС. В 2001 г. она экспортировала в ЕС сельскохозяйственную продукцию на 6 млрд дол. По подсчетам Министерства сельского хозяйства Бразилии, при отсутствии протекционистских барьеров эта сумма составила бы 12 млрд дол. Однако время работает на бразильских сельскохозяйственных производителей, и вот уже некоторые тарифы отменены, например на сою, продажа которой принесла стране в 2000 г. 900 млн дол. [16].

Тем не менее бразильцы недовольны сегодняшним положением в сфере торговли со странами ЕС. В рамках переговоров по линии ЕС–МЕРКОСУР они добиваются снижения таможенных пошлин, в первую очередь на сельскохозяйственную продукцию. По сведениям Министерства сельского хозяйства Бразилии, в январе–ноябре 2004 г. поставки в Европу в 2,3 раза превысили поставки в США. Бразилия стала главным поставщиком Европы, а последняя – основным покупателем бразильских сельскохозяйственных товаров в 2004 г. В сфере торговли услугами бразильские компании представлены на рынке ЕС довольно слабо. Исключение составляют транспорт, туризм и финансовые операции (особенно финансирование торговли). Пока Бразилия – скорее потребитель, чем поставщик услуг. В случае роста объемов европейско-бразильской торговли в будущем, что не только возможно, но и весьма вероятно, возрастет потребность в финансировании и кредитовании операций, а следовательно, у бразильских банков, особенно кредитных, появится реальный шанс усилить свое присутствие на европейском рынке услуг. В 2002 г. Комиссия ЕС и Бразилия подписали Меморандум о понимании по развитию двустороннего сотрудничества до конца 2006 г. ЕС объявил о намерении за этот период потратить в рамках двустороннего сотрудничества 64 млн евро на сотрудничество в области экономики (30 млн евро – 47 % от общей суммы), социальной политики (15 млн евро – 23 %) и защиты окружающей среды (6 млн евро – 9%) [5].

На этих трех основных направлениях концентрируется внимание ЕС в отношении Бразилии. Главная цель – поддержка правительственных усилий по реформированию экономики, снижению уровня бедности и помощи в защите окружающей среды.

Сотрудничество в области культуры строится в русле принятой в 1994 г. Европейским парламентом специальной резолюции, посвященной развитию культурных связей между ЕС и Латинской Америкой. В ней отмечалась необходимость более широкого культурного обмена, увеличения переводов книг европейских и латиноамериканских писателей, интенсификации обмена между библиотеками и музеями, расширения туризма, предлагалось открыть Дома Европы во всех латиноамериканских государствах и секции европейских исследований в различных университетах. Особенно широкое сотрудничество намечено в области образования. Помимо традиционного обмена студентами и преподавателями, были запланированы конкретные программы взаимодействия между университетами, где особенно значимую роль играет группа университетов г. Коимбры (Португалия). Предложено рассмотреть вопрос о взаимном признании дипломов и расширении изучения испанского и португальского языков в странах ЕС и языков стран – членов ЕС в Латинской Америке, что значительно укрепило бы связи ЕС и Бразилии.

Указанная резолюция во многом способствовала развитию культурных связей между странами ЕС и Бразилией. Уже в 1998 г. в университете г. Лейдена (Нидерланды) был создан Центр бразильского языка и культуры. Его учредители планируют собрать воедино архивы и библиографию о бразильско-голландских отношениях, которые хранятся в разных библиотеках и архивах страны.

Однако углублению взаимоотношений ЕС с Бразилией мешает нерешенность внутренних социальных проблем. Неравенство доходов различных групп населения в Бразилии – одно из самых больших в мире. Но несмотря на уменьшение с середины 1990-х гг. экономической помощи Бразилии из стран ЕС по сравнению с их помощью в 1980-е гг., совместное осуществление социальных программ и проектов продолжается. Так, до 2006 г. в Бразилию должно было поступить около 7 млн евро от ЕС в рамках проводимой им политики социальной поддержки малообеспеченных слоев в развивающихся странах. В целом же в 2000 г. ЕС вкладывает в различные проекты в Бразилии до 210 млн евро [10]. В 1990 г. Европейский парламент принял резолюцию о защите индейцев яномани, населяющих бассейн реки Амазонки. Уделяется внимание возвращению индейцам их исконных земель, предоставлению им всех тех социально-экономических прав и свобод, которыми пользуется неиндейское население. Окружающая среда – сектор, где аккумулируется наибольшее количество финансов: до 70 млн евро в рамках пилотной программы защиты тропических лесов Бразилии [5].

Все же относительная экономическая стабилизация и гражданский мир сопровождались замедлением темпов экономического роста (если в 1995 г. темпы экономического роста составили 4,2 %, то в 1997 г. – 3,1 %, в 1999 г. – 0,9 %; несмотря на некоторое возрастание темпов в 2000 г. (3,9 %), в 2002 г. они снова значительно снизились и составили 1,5 % [4]), увеличением государственного долга (к 2002 г. он достиг 265 млрд дол. и его обслуживание поглощало 64 % ВВП страны), ростом инфляции с 1,8 % в 1998 г. до 25,3 % в 2002 г. [13], что породило внутри страны недовольство действовавшей моделью развития. Последствия мирового финансового кризиса 1998–1999 гг., а также ряд проблем (высокий уровень безработицы, преступности, коррупции, социальное неравенство), которые не удалось решить правительству Ф.Э. Кардозо, сказались на падении популярности президента и способствовали приходу к власти в 2002 г. оппозиционного лидера Луиса Инасио Лулы да Силва.

Луис Инасио Лула да Силва⁵, ставший президентом под лозунгами отказа от неолиберальной модели развития, строительства более справедливого экономически и социально государства, в своей инаугурационной речи 1 января 2003 г. определил в качестве одной из приоритетных задач внешней политики правительства страны «укрепление взаимопонимания и расширение сотрудничества» с Европейским союзом [7]. Его первое европейское турне в качестве президента Бразилии, включавшее участие во Всемирном экономическом форуме в Давосе (26 января 2003 г.), рабочие визиты в Германию и Францию (27–28 января 2003 г.), в некоторой степени сняло обеспокоенность глобальной политической, финансовой и бизнес-элиты в связи с приходом к власти в Бразилиа левоцентристских сил и провозглашенным ими курсом на глубокие социальные преобразования. Первоначальная озабоченность ЕС курсом нового бразильского президента отразил комиссар ЕС по внешней политике Крис Паттен, который подчеркнул в Европарламенте важность Бразилии для Южной Америки и заявил, что если экономическая политика страны потерпит неудачу, это негативно отразится на всем регионе [5].

В целом ЕС продолжает поддерживать структурные экономические реформы в Бразилии, направленные на усиление конкурентоспособности бразильских товаров, содействует осуществлению проектов в сфере науки и технологий, проведению пилотной программы по сохранению тропических лесов.

Отношения с ЕС рассматриваются правительством Луиса Инасио Лулы да Силва не только как повод для программных заявлений и значительного количества встреч с европейскими политиками. В этих отношениях президент и его кабинет видят реальную возможность привлечь внимание иностранных инвесторов. Луис Инасио Лула да Силва ввел в практику периодические встречи с потенциальными инвесторами, включая руководителей крупных европейских компаний, таких как «Nestle», «Peugeot-Citroen», «Philips», «Telefónica». Луис

⁵ Луис Инасио Лула да Силва – лидер Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores – PT).

Инасио Лула да Силва стремится донести до европейских предпринимателей, что Бразилия – страна со стабильной экономикой и правительство не преподнесет сюрпризов относительно избранного политического курса; правительство взяло под контроль инфляцию и предприняло значительные усилия по улучшению транспортной инфраструктуры, обеспечивающей движение товаров [15].

В политическом плане одним из важнейших направлений как всей внешней политики Луиса Инасио Лулы да Силвы, в том числе сотрудничества с европейскими государствами, является обеспечение поддержки кандидатуры страны в постоянные члены СБ ООН. Во время встречи с канцлером Германии г. Шредером на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке оба лидера подтвердили заявленную ранее позицию о взаимной поддержке кандидатур обеих стран на постоянное членство в СБ ООН. В октябре 2003 г. во время своего визита в Бразилию премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар также высказался за то, чтобы она выступала в качестве представителя интересов южноамериканского региона в Совете [11]. С приходом к власти в Испании правительства Х. Родригеса позиции двух стран еще более сблизились, поскольку внешнеполитические приоритеты, определенные новым испанским премьер-министром, во многом совпадают с курсом, проводимым Луисом Инасио Лулой да Силва. Кандидатура Бразилии на место одного из новых постоянных членов Совета Безопасности ООН в случае его расширения получила широкую поддержку стран – участниц ЕС.

Однако в целом в период правления Луиса Инасио Лулы да Силвы Европа так же, как и при правлении Ф.Э. Кардозо, делает больший акцент на торгово-экономических отношениях, нежели на взаимодействии в сфере политики, и ищет пути кооперации и сотрудничества с Бразилией по формуле «меньше помощи и больше торговли».

Несмотря на все заявления западноевропейских правительств об активизации политического взаимодействия с Бразилией, уровень развития её политических отношений со странами ЕС до сих пор недостаточен для налаживания конструктивного диалога по вопросам взаимной важности или общепланетарного значения. Позиция Бразилии по глобальным проблемам (хотя она не так уж часто расходится с позицией ведущих мировых держав), как правило, не учитывается и не является сколько-нибудь значимой для западноевропейских государств в силу сегодняшнего нелидирующего положения Бразилии на мировой арене и географической удаленности страны. А потому все заявления и ЕС, и Бразилии о сотрудничестве в политической сфере и проведении консультаций по важнейшим вопросам планетарного масштаба имеют скорее декларативную окраску, нежели в полной мере отражают действительность: Бразилия пока не обладает должным политическим влиянием на страны ЕС, а потому ее мнение выслушивают, но к нему не прислушиваются.

Главным в отношениях стран ЕС и Бразилии все-таки пока остается торгово-экономическое сотрудничество. Обе стороны ценят друг друга в первую очередь как емкие и масштабные рынки для экспорта своих товаров. Политические и культурные связи развиты достаточно слабо. Между тем Бразилия добивалась и добивается развития сбалансированных отношений с Европейским союзом. Она стремится к сотрудничеству и коллективным действиям в сфере многосторонних связей. В области двусторонних отношений со странами ЕС Бразилия действует как новая индустриальная средняя держава. Страна ратует за универсальность и всеохватность своей внешней политики, однако объективные процессы, происходящие в мире, естественным образом ограничивают подобное стремление. Сегодня в Европе возникает новый европейский порядок, западноевропейские страны проявляют повышенный интерес к восточноевропейским рынкам и наблюдается тенденция к определенному дистанцированию Европы и Бразилии друг от друга, хотя они и пытаются преодолеть намечающееся отдаление. Однако, по среднесрочным прогнозам аналитиков, должны возобладать постоянные аспекты взаимоотношений Бразилии и стран ЕС – сыграют свою роль значительные европейские прямые капиталовложения в экономику Бразилии, общие гуманитарные ценности, традиционные связи.

Библиографический список

1. Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Интеграция в Западном полушарии / Отв. ред. А.Н. Глинкин. М.: ИЛА РАН, 2004.
3. Степанов М.С. Поиски путей сближения // Латинская Америка. 1999. № 12.
4. Резюме обзора экономического положения в Латинской Америке и Карибском бассейне за 2004 г. / Экономический и Социальный совет; Организация Объединенных Наций // <http://www.un.org/russian/esa/surveys.htm#Latin>.
5. Correio Braziliense. 2005. 08.05.
6. Discurso de Posse do Presidente da República Fernando Henrique Cardoso no Congresso Nacional, Brasília, 1 de Janeiro de 1995 // <http://www.planalto.gov.br>.
7. Discurso do Senhor Presidente da República, Luiz Inácio Lula da Silva, na Sessão de Posse, no Congresso Nacional // Brasília. Brasil. – 01.01.2003 // <http://www.mre.gov.br>.
8. Gazeta Mercantil. 1995. 20 set.
9. Gazeta Mercantil. 1996. 29 maio.
10. Gazeta Mercantil. 2000. 22 maio.
11. Gazeta Mercantil. 2003. 30 ot.
12. Gazeta Mercantil. 2003. 19 nov.
13. Isto é. 2003. 03 fev.
14. O Estado de São Paulo. 2000. 06 junho.
15. The New York Times. 2004. 30 janho.
16. Veja. 2001. 08 aug.

РЕФЕРАТЫ

.....

Гладарев Б.С. Шоппинг как рудимент религиозного сознания // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Развивая идеи «Теории религии» Ж. Батая, автор интерпретирует повседневные практики шопинга в терминах дихотомии священного и светского. Социальное конструирование священного – наделение объектов высшей ценностью – в эпоху отрыва индивида от сословий и классов, атомизированности и неспособности разделить с кем-либо свою «суверенность» находит свое воплощение в потреблении как жертвоприношении.

Библиогр. 22 назв.

Гнедаш А.А. Барьеры рекрутирования женщин в политико-административные элиты // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

В статье А. Гнедаш приводятся результаты экспертных интервью с представителями политико-административной элиты Краснодарского края, на основе которых исследуются процессы конструирования и воспроизводства барьеров рекрутирования женщин в политико-административные элиты. Показаны стремление уровней управления к гомосоциальному воспроизводству, институционализация патриархатных стереотипов в феномене «стеклянного потолка», апеллирование к биологическим функциям и семейным обязанностям для оправдания гендерной системы ролей «женщина-исполнитель и мужчина-руководитель».

Библиогр. 11 назв.

Дёмина Н.В. Диссертационные практики в дореволюционной России: публичность как условие научной экспертизы // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Автор намечает перспективу для сравнительного историко-социологического изучения роли публичности в процедуре и практиках защиты диссертаций в университетах императорской России. Приводятся примеры официального и неформального сопротивления процедуре открытого публичного дис-

пути, в котором обнаруживалось стремление снизить роль универсалистских критериев оценки знания.

Библиогр. 14 назв.

Кирсанов С.А., Ошурков А.Т. Финансово-экономические особенности петербургской модели местного самоуправления // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Описаны финансово-экономические особенности сложившейся в г. Санкт-Петербурге модели местного самоуправления. Авторы оптимистично оценивают его будущее, несмотря на активное противодействие, какое на своем пути встречает внедрение данной модели.

Библиогр. 6 назв.

Кот В.С. Консолидация современных демократий // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Исследуются условия консолидации современных демократий, а также временные, географические и конфессиональные факторы демократизации, связь демократизации с интеграцией наций. На примере Дании подробно рассмотрен опыт концессуальной демократии, сочетающей прагматическую политическую культуру с низким уровнем конфликтности.

Библиогр. 5 назв.

Марьяненко Д.А. К проблеме целостности личности: интраиндивидуальные связи ценностных ориентаций и личностных черт // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

На студенческой выборке апробирована возможность эмпирического выделения психологических типов, позволяющих продемонстрировать специфику интраиндивидуальных связей между ценностями личности и ее характеристическими чертами. Дано подробное описание теоретических оснований и процедур проведенного исследования.

Библиогр. 18 назв.

Мусаев И.М. Современные подходы к изучению национализма // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Дан анализ современных подходов к изучению национализма. Выделены три базовые характеристики националистического дискурса: посылка о том, что интересы и ценности нации превыше всех остальных интересов и ценностей; рассмотрение нации как высшего источника легитимности политических

и гражданских действий; противопоставление «нас» и «их», «друзей» и «врагов», подкрепленное набором взаимоисключающих правил и обязательств, моральных принципов и моделей поведения.

Библиогр. 24 назв.

Плотичкина Н.В. Политический центризм в истории политических учений // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

В очерке по истории идеи политического центризма от Платона до наших дней охарактеризованы четыре трактовки понятия «центризм» в западных политических учениях: античная политико-правовая мысль опиралась на учение Аристотеля о «срединности» человека как полисного животного; в Новое время центризм разрабатывался в контексте общей теории демократии; во Втором Интернационале центризм негативно оценивался как разновидность оппортунизма; современный период связан с пониманием центризма в контексте социального партнерства и конструирования политических компромиссов ради достижения инструментальных целей.

Библиогр. 37 назв.

Синицын Ю.Н. О педагогическом регулировании в здравоведении // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Представлен взгляд на особенности методологии педагогического регулирования, роль субъекта в педагогическом процессе. Рассмотрена дисциплинарная структура современного здравоведения.

Библиогр. 23 назв.

Слатинов В.Б. Российская административная реформа: основные направления и промежуточные эффекты // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Прослеживая ход стартовавшей в 2003 г. административной реформы, автор приходит к выводу о том, что к исходу 2005 г. основная проблема реформы – создание адекватного механизма управления изменениями – осталась нерешенной, что ставит под сомнение достижение планируемых институциональных эффектов.

Библиогр. 34 назв.

Чернышова Н.В. Отношения Бразилии со странами ЕС // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Представлена многополярная и многоаспектная картина мира международной политики. В центре внимания – процесс развития торгово-экономических и политических отношений между Бразилией, крупнейшей страной южноамериканского континента, и странами Европейского союза.

Библиогр. 16 назв.

Ядов В.А. Социальные институты // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Изложены трактовки «социальных институтов» в классической социологии и неоинституционализме, отождествляемом с деятельностным подходом. Приведены варианты теоретических объяснений хода современных социальных трансформаций в России.

Библиогр. 18 назв.

Ярошенко С.С. Бедность как социальная проблема // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.

Восприятие бедности как социальной проблемы рассмотрено в связи с господствующим в обществе отношением к экономической деятельности и развитостью рыночного обмена. В распределительных обществах, где индивид вовлекается в экономическую деятельность не ради обогащения, а прежде всего ради укрепления своего социального статуса в (со)обществе, бедность и имущественное неравенство не считается общественной проблемой. Только с развитием капитализма провозглашается борьба с бедностью и создаются социальные механизмы для преодоления имущественной поляризации.

Библиогр. 17 назв.

SUMMARY

.....

In **“Shopping as a rudiment of religious consciousness”** *Boris S. Gladarev* bases on “Theory of Religion” by G. Bataile, and interprets everyday practices of consumerism in terms of sacrifice, offered by individuals who are free from class and estate constraints, and incapable to share their own sovereignty with anyone.

“Barriers to recruiting women to political and administrative elites” by *Anna A. Gnedash* contains a thematic analysis of interviews with 3 categories of experts and demonstrates a tendency to homosocial reproduction by public institutes, institutionalization of patriarchal stereotypes, social construction of the glass ceiling, appealing to biological functions and family duties to justify hierarchic gender role system.

“Practices of Defending Theses in pre-revolution Russia: publicity as a condition of a scientific expertise” by *Natalia V. Demina* opens a perspective for historical and sociological inquiry into practices of open disputes in the Russian scientific community. Examples of formal and informal strategies of resistance to the universalistic criteria are given.

In **“Fiscal Specificities of the Local Governing in Saint-Petersburg”** *Serguei A. Kirsanov and Andrei T. Oshourkov* are optimistic about the perspectives of the local governing in Saint-Petersburg.

“In Consolidation of contemporary democracies” by *Viktor S. Kot* contemplates temporal, geographical and confessional factors of democratization and relations between democratization and nation-state integration. The case of Denmark shows that in a frame of pragmatic political culture concessions strengthen democracy and reduce conflicts.

In **“On Personality Integrity: Correlations between Value Orientations and Personality Traits”** *Daria A. Maryanenko* argues intra-individual correlations between values and personality traits, and exposes the theoretical foundations and empirical procedures of her investigation.

“Contemporary Approaches in the Nationalism Studies” by *Idris M. Musaev* overviews contemporary approaches in the nationalism studies and distinguishes three basic traits of the nationalistic discourse.

“Political Centrism in the History of the Political Doctrines” by *Natalia V. Plotichkina* contains several interpretations of “centrism” from Aristotle to the Second International. Nowadays the term implies attaining practical ends via social partnership and negotiating political compromises.

In **“On Pedagogical Regulation in the Science of Health”** *Yuri N. Sinitsyn* speculates on methodology of pedagogical regulation, status of subjectivity in pedagogical process, and the structure of the science of health as an academic subject.

“The Administrative Reform in Russia: Perspectives and interim results” by *Vladimir B. Slatinov* follows the course of the administrative reform started in 2003; it is inferred, that the main target – creating efficient institutes for managing changes — has not yet attained.

“Brazil and the European Union” by *Natalia V. Chernyshova* reflects multi-polar and multidimensional character of the international politics. It focuses on economical and political aspects of relations between Brazil and the EU members.

“Social Institutions” by *Vladimir A. Yadov* is a chapter from a forthcoming reader for students. It exposes the interpretations of this key concept by classical sociologist and by adepts of the new institutionalism (defined as an actionist perspective), and contains some theoretical views on the actual social transformations in Russia.

In **“Poverty as a Social Issue”** *Svetlana S. Yaroshenko* argues that involved in an economic enterprise, members of the distributional societies do not strive for wealth but for their social status; that is why the property inequality and poverty are not seen as social issues. Having high property inequalities created, the capitalist societies announce the crusade against poverty.